
ОГОНЁК
№ 27 ИЮНЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А. Ф. Пахомов. ШВЕЯ.

А. Ф. Пахомов. КАНУН ПРАЗДНИКА.

Н. Н. Волков. ВЕСЕННЯЯ РЕГАТА.

На первой и четвертой страницах обложки: картина **Г. С. Мелихова** «А. М. ГОРЬКИЙ НА УКРАИНЕ».

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

ОГОНЁК

№ 27 (1620) 29 июня 1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

А. НОВОТНЫЙ,

Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии и Президент Чехословацкой Республики.

К приезду в Советский Союз.

ПУТЕШЕСТВИЕ,

КОТОРОЕ ХОЧЕТСЯ

ПОВТОРИТЬ

А. СОФРОНОВ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Итак мы связали свою судьбу с авиакомпанией «Панагра». Как это произошло? В одном из южноамериканских журналов мы прочли заманчивую рекламу:

«Очень приятно ухаживать за лицами, путешествующими на самолетах «Панагра»! Каждый полет вызывает стремление к повторению, желание завязать новую дружбу. Впервые путешествующий молодой студент, занятый деловой человек — наш старый знакомый, только что обвенчавшиеся молодожены, пожилая пара туристов и ребеночек, порученный нашему попечению, составляют приятную группу, за которой поистине доставляет удовольствие ухаживать.

Очень приятно видеть, что пассажиры чувствуют себя окруженными заботой, что они очень довольны уютом и первоклассным обслуживанием на самолетах «Панагра», где все — как члены команды, так и пассажиры — испытывают от путешествия подлинное наслаждение».

Прочтя такое извещение, некоторые из нас воскликнули:

— Вот это да! Нужно попробовать. Мы давно уже отвыкли от домашнего уюта, и хотя никто из нас не взял в путешествие «ребеночков» и не является молодоженом, тем не менее, неплохо поручить свое бренное тело заботам компании, которой «поистине доставляет удовольствие ухаживать» за вами.

— Все же, может, полетим старым добрым САСом? Хорошая компания.

— Или самолетом компании «Эр-Франс»? Знаете, какие там тонкие французские блюда?

Дискуссия между нами не была развернута, так как мы быстро выяснили, что ни самолеты САС, ни «Эр-Франс» на этой линии не летают.

— Ну что ж, давайте завязывать новую дружбу, к которой нас призывает «Панагра».

Разговор этот происходил в столице Чили, городе Сант-Яго, за несколько дней до предполагаемого отлета в Панаму, откуда мы должны были отправиться в Коста-Рику, затем — в Мексику и уже потом — на родину. До этого мы в течение шести недель побывали в Аргентине, Уругвае и Чили и были переполнены глубокими дружескими чувствами к народам и различным общественным деятелям этих стран, радушно принявшим группу советских журналистов, впервые совершающих такое большое турне по Латинской Америке.

— Только почему у «Панагры» такая неприятная окраска? — сказал главный редактор «Комсомольской правды» Аджубей, увидев как-то на улице большой рекламный щит этой авиакомпании.

— Какая? — не понял его известинец Леонид Камынин.

— Желтая с черным.

— Ну, не будем суеверными, — сказал побывавший раньше в Южной Америке Вячеслав Чернышев, один из редакторов «Советской России».

— Не будем, — согласился Аджубей. — Ты сам понимаешь, что работники комсомольской печати не могут быть суеверными.

Наступили предотъездные хлопоты, прошли последние встречи с нашими новыми друзьями.

Один из них, костариканский писатель Гутьеррес, ныне живущий в Сант-Яго и женатый на чилийке, узнав о нашей поездке в Коста-Рику, сказал:

— Это замечательно, что вы посетите мою родину. Я убежден, что вам она понравится... Правда, к сожалению, экономика ее находится в руках американской компании «Юнайтед фрут компани», но я надеюсь, что это вам не помешает... Вы знаете, если там в ясную погоду подняться на один из вулканов, можно увидеть с одной стороны Тихий, а с другой — Атлантический океан.

— А мы можем в Коста-Рике ссылаться на знакомство с вами?

— Конечно!.. Только учтите, что в Коста-Рике Гутьерресов в процентном отношении столько же, сколько в России Ивановых, а в Чили — Гонсалесов.

Все, что Гутьеррес рассказал нам о Коста-Рике, говорило о том, что он очень любит свою маленькую родину и очень хорошо ее знает.

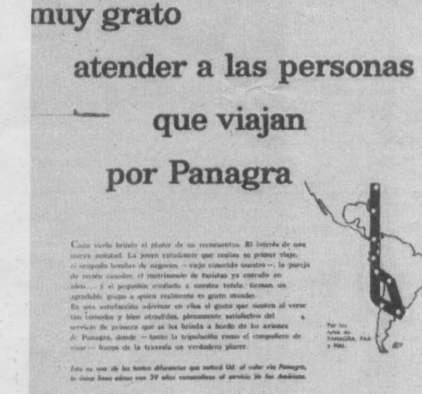
— У нас шутят, что в Коста-Рике нельзя играть в теннис, не нарушая государственной границы... Между прочим, захватите с собой непромокаемые плащи: сейчас там ежедневно с часа дня идут дожди...

За день до отъезда мы вместе с переводчиком Вадимом Поляковским отправились за советами к костариканскому послу.

Он жил на одной из тихих улиц Сант-Яго в небольшом сером особняке. Принял нас радушно, усадил в мягкие кресла в темноватой гостиной с окнами из разноцветного стекла. Мы изложили ему цель нашего посещения.

— Это очень хорошо, что вы собрались к нам. Что ж, вам, конечно, будет интересно посмотреть банановые плантации... — он остановился, — может, кофе вас заинтересует... Вот если бы Советский Союз покупал наш кофе. — Посол сказал это полушутя-полусерьезно, с интересом рассматривая нас. — Первый раз вижу русских, — добавил он с улыбкой. — Но очень рад...

— Мы надеемся, что наступит время, когда костариканцы будут больше видеть русских, а русские — костариканцев.

— Да, это было бы хорошо. Русские сделали огромные успехи в технике, и к ним сейчас повсюду огромный интерес. Говорят, у вас очень красивая столица.

— Приезжайте, посмотрите...

— Когда-нибудь... С большим удовольствием.

Около часа мы провели с послом. Он обещал дать нам письма к своим друзьям с тем, чтобы мы могли лучше познакомиться с Коста-Рикой и ее достопримечательностями. Накануне отлета мы получили эти письма.

Сопровождаемые чилийскими друзьями, мы прибыли на аэродром для того, чтобы отправиться в Панаму. Но тут нас ожидала неприятность. Представитель «Панагры», потребовав наши билеты для оформления, сказал:

— Мне поручено сообщить вам, что Коста-Рика аннулировала ваши въездные визы.

— Не может быть! Только позавчера мы видели костариканского посла, он ничего не говорил нам об этом.

— Я вам сообщаю то, что мне поручено сообщить,— сказал холодно панагровец, выжидательно смотря на нас.

— Одну минуту, мы позвоним послу.

— Пожалуйста, — администратор отложил билеты в сторону.

Посол оказался дома. Когда мы сообщили ему о предупреждении представителя «Панагры», он сказал:

— Не может быть! Я в первый раз слышу об этом.

— Но это так.

— Вы можете позвонить минут через десять?

— Можем.

Через десять минут мы позвонили снова.

— Да, это действительно так... Указание пришло непосредственно в «Панагру»... Поверьте, что я об этом ничего не знал.

Мы подошли к билетному окошку.

— Какой маршрут будете оформлять после Панамы? — спросил панагровец.

— Минуя Коста-Рику, в Мексику.

Так мы и улетели из Сант-Яго, в последний раз обнявшись с чилийскими друзьями. Зимнее южноамериканское солнце клонилось в Тихий океан, окрашивая в розовые тона снежные вершины Кордильер.

— Кажется, черно-желтый цвет начинает действовать,— сказал кто-то мрачно, но все промолчали.

Еще тогда, в самолете, никто из нас не предполагал, что это было первое звено во всей последующей цепи готовившихся против нас, группы советских журналистов, провокаций. Только потом уже вспомнилась фраза одного из чилийских друзей, провожавших нас: «Может быть, это и хорошо, что вы не летите в Коста-Рику: там вам могли устроить какие-либо неприятности. А в Мексике, мы думаем, все будет хорошо. Там много ваших настоящих друзей».

Тогда же, в самолете, готовясь принять ухаживание «за лицами, путешествующими на самолетах «Панагра», мы меньше всего думали о том, что у нас появится желание начать описание нашего путешествия с конца, чтобы отделить хорошее от плохого и не смешивать действительное радушие с рекламным, когда компания, продающая билеты пассажирам, начинает путать коммерцию с политикой.

За окнами скоро стемнело, и уже трудно было сориентироваться, где горные вершины, а где океан. Стюардессы, как и во всех самолетах, разносили всяческую дорожную снедь, улыбались пассажирам, вне зависимости от того, кто какую представлял страну. Тихо шелестели страницы лениво перелистываемых журналов. Слышалось легкое посапывание задремавших. Часов в одиннадцать вечера самолет приземлился в столице Перу — городе Лиме. Мы спустились на черный асфальт аэродрома.

— Одну минуточку,— вдруг послышался чей-то возглас, и в темноте блеснула вспышка фотоаппарата. К нам, пропуская других направлявшихся к зданию аэропорта пассажиров, подошел полный чернявый молодой человек.

— Русские журналисты? Разрешите представиться. Я от компании «Панагра». Прошу вас для нашей компании сфотографироваться.

Заискивающе улыбающийся фотограф жестами показывал, как нам стать. Что ж, обслуживание так обслуживание, пусть снимает!

В Лиме было уже значительно теплее, чувствовалось приближение экватора. Мы поднялись на второй этаж большого, еще не законченного строительством здания. В огромных залах было не очень много людей. За витринами киосков с сувенирами стояли великолепные изделия из серебра и дерева. Особенно были привлекательны деревянные ламы с серебряными колокольчиками на шее. Некоторые из нас не удержались и приобрели их — сувенир на память о Лиме, городе, в который никто из нас не предполагал вернуться. Полный молодой человек неотступно следовал за нами.

— Попить бы,—сказал кто-то.— САС всегда на остановках угощает фруктовыми соками.

— Пожалуйста,— сказал молодой человек и повел нас в ресторан. Когда мы допивали прохладный апельсинный сок, раздался голос диктора: пассажиров «Панагры» приглашали занять места.

— Как вам понравилось обслуживание? — спросил нас представитель авиакомпании.

— Исключительно,— сказал кто-то.

— Одну минутку,— снова раздался голос фотографа, неотступно следовавшего за нами. Темноту ночи на мгновение озарила вспышка.

...И снова зарокотали четыре мотора, и самолет взмыл в черное небо. Полночь. Дальше полет будет до самой Панамы над Тихим океаном. Посреди самолета появилась стюардесса. Заученными движениями она надела на себя «жилет жизни» ярко-желтого цвета с черными трубками, поясняя, как им пользоваться, если самолет произведет вынужденную посадку на воду. Сквозь дремоту пассажиры следили за движениями стюардессы. Проделав все манипуляции, стюардесса раздала небольшие карточки-анкеты, которые надо заполнить для того, чтобы можно было въехать в Панаму. Из моторов било голубовато-синее пламя отработанных газов. Рокот моторов был ровный, слитный. Самолет погрузился в дремотное состояние.

Еще несколько часов полета. Чувствуется, как самолет снижает высоту. И вдруг внизу замечаем какие-то длинные освещенные электрическим светом тела, находящиеся на небольшом расстоянии друг от друга. Да это же Панамский канал и корабли, продвигающиеся по каналу!

Земля! В открытую дверь самолета врывается душный, влажный воздух. Недавно прошел дождь. Захватив ручной багаж, направляемся в здание аэропорта. У входа, картинно расставив ноги, положив руки на белые кожаные ремни, стоит пятерка полицейских. По их заинтересованным взглядам видно, что они встречают именно нас. В небольшом зале в несколько рядов — сиденьями к высокой стойке — желтые кожаные диваны. Чиновник из-за стойки по списку называет фамилии:

— Сеньор Башарин!

— Сеньор Краминов!

— Сеньор...

Один за другим сдаем паспорта с анкетами. Представитель компании, оказавшийся здесь, спрашивает:

— Господа поедут в город?

— Да, конечно!

— Какую гостиницу они желают?

— Если возможно, чтобы номера были с воздушным охлаждением.

— О, безусловно! Я могу заказывать номера?

— Пожалуйста.

Звонок по телефону — номера заказаны. На сердце становится легко: как все просто в Панаме!

— Прошу господ пройти в таможенный зал!

Перебираемся в таможенный зал. Там, за невысокими стойками, видим составленные в ряд наши чемоданы. Предполагая, что через пять дней окажемся в Мексике, мы в ручные саквояжи взяли все необходимое, чтобы не возиться с багажом.

— Эти чемоданы мы не возьмем в город,— сообщаем таможенникам.— Через сутки мы улетим в Мексику.

— Просьба показать ручной багаж.

— Пожалуйста! — Мы открываем саквояжи, где лежат рубашки, носки, записные книжки, отснятая раньше пленка, лекарства, пачки открыток с видами Москвы. «Пожалуйста, смотрите,— думается каждому из нас.— Только поскорее: каждому после двенадцатичасового полета хочется скорее в гостиницу, под душ, а затем — в город, в окрестности. Ведь в Панаме остановка всего на один день».

Но что это? Из сумок вываливается все: записные книжки, пленка, лекарства. Все это складывается в большие желтые конверты, и на каждом пишутся наши фамилии. В конверт Грибачева засовывается книжка его стихов с портретом автора, изданная в библиотечке «Огонька».

— Господа, в чем дело? Мы протестуем!

Около стойки появляется маленький худой человек с острым лицом и тонкими усиками. Он явно недоволен тем, что таможенники смущены нашими протестами. Он сам запускает пальцы в саквояжи, передает несколько конвертов своему подручному. Тот скрывается с ними за какой-то дверью.

— В чем дело? Мы протестуем! Мы отказываемся ехать в город!

Но пальцы человека с тонкими усиками продолжают набивать конверты нашими записными книжками. Вот он потянул за краешек одну из фотопленок. Я вырвал ее из его рук, выхватил свои записные книжки и спрятал в карман. Таможенники растеряны. По их лицам видно, что все это для них необычный случай!

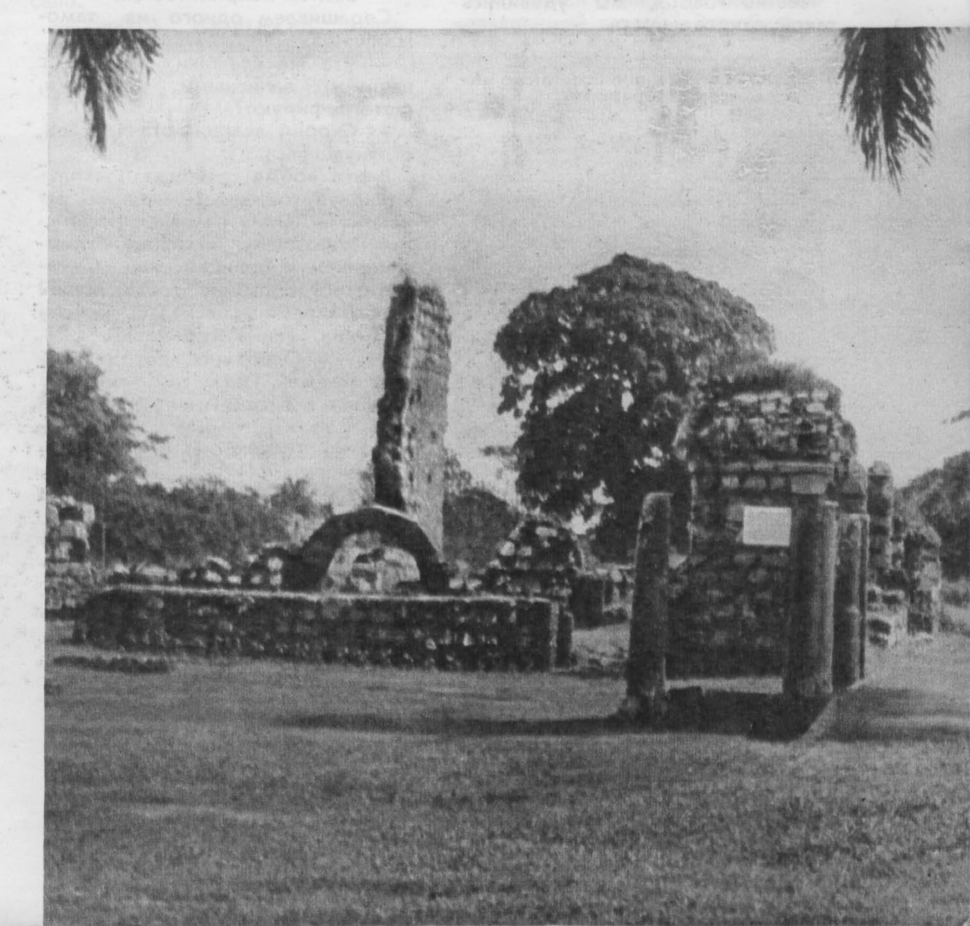
— Господа, успокойтесь... В связи с недавними студенческими волнениями у нас отменен закон о гарантии личной безопасности.

— Но при чем здесь мы?

— Вы приехали в Панаму...

— Мы отказываемся от посещения Панамы, требуем немедленного возвращения наших вещей и отправки нас первым самолетом в Мексику! Кто здесь старший?

Развалины старой испанской крепости.

В негритянском квартале.

— Я,— говорит один из таможенников.

— Мы просим сообщить вашу фамилию.

— Пожалуйста! — Оторвав от газеты краешек, он пишет: — «Инспектор таможни Луис Ф. Нуньес».

— Мы требуем немедленного возвращения наших вещей.

— Это уже невозможно.

И тут мы замечаем, что человек с тонкими усиками исчез. Кто-то из нас говорит:

— Мы видели, что этот человек ушел в ту комнату.

— Мы не имеем права туда входить,— говорит Нуньес.

— Вы всех пассажиров так же осматриваете?

— Нет,— растерянно отвечает инспектор.— Я пришел на смену в двенадцать ночи и нашел распоряжение произвести тщательный досмотр русских журналистов.

— Только нас?

— Только вас.

Честно говоря, мы удивились такой откровенности.

Шоферы на остановках также не теряли времени.

— Имейте в виду, мы расскажем в печати об этом факте.

— Поверьте, я не виноват... Я только выполнил распоряжение.— Нуньес явно встревожен. Он достает из кармана сложенную вчетверо бумажку и заглядывает в нее.

— Можно посмотреть?

— Что вы, что вы, господа?! — Нуньес прячет бумажку в карман.— У нас здесь были волнения, понимаете, студенческие волнения... Отменен закон...— Он раскрывает кубинский журнал со снимками расстрела студенческой демонстрации.— Вот, видите?

— Что делают с нашими записными книжками?

— Не знаю.

— Но ведь там записи на русском языке? У вас есть знающие русский язык?

— Возможно,— говорит Нуньес и уходит.

Таможенники тихо переговариваются:

— Инспектор испугался.

— Боится неприятностей.

Спрашиваем одного из таможенников:

— Что же все-таки делают с нашими записными книжками, фотографируют?

— Скорей всего,— отвечает он, оглянувшись.

В это время приносят несколько конвертов, в том числе с открытками. Одна из пачек раскрыта. Показываем открытки таможенникам и полицейским. Смотрите: вот Большой театр, Музей изобразительных искусств имени Пушкина, улица Горького, ВСХВ, Кремль... Особенно всех интересует Кремль. Глаза таможенников впиваются в открытки. Кто-то из них говорит, увидев памятник Чайковскому работы В. Мухиной:

— Чайковский?

— Да, Чайковский. Вы знаете его музыку?

— А кто же не знает музыку Чайковского!.. Вы можете подарить открытку?

— С удовольствием.

— А надписать можете?

— Пожалуйста.

Вадим Поляковский надписывает открытку. Тянутся еще несколько рук.

— И мне, и мне...

Знатоки испанского языка Чернышев, Камынин, Кострицын заполняют надписями открытки. Появляется новое требование: «Пишите и по-русски»... Тогда в действие приходится вступить и всем остальным.

— Вы, наверно, будете плохо думать о нашем народе? — грустно говорит один из таможенников Борису Кострицыну.

— Нет, народы все одинаковы.

— Это правильно. Народы все одинаковы. Напишите мне это.

Кострицын пишет: «Панамцу, с которым у нас общая точка зрения, что народы все одинаковы». Таможенник довольно улыбается, прячет открытку во внутренний карман и говорит:

— Не отказывайтесь от посещения Панамы. Поезжайте в город. Вы узнаете настоящее отношение к вам.

— Но как же ехать в город, когда у вас отменен закон о гарантии личной безопасности?

— Сейчас у нас тихо. Жизнь идет нормально.

— А вы убеждены в том, что кто-либо не пожелает устроить провокацию?

Таможенник задумывается:

— Да, пожалуй... Но все-таки нам хочется, чтобы вы побывали в городе... Нам очень неприятно все это...

Время идет, но нескольких конвертов нам еще не возвратили. Вдруг появляется Генри Нувелл, представитель компании «Пан-Американ», на самолете которой мы должны лететь в Мексику. Его появление вызывает у нас новый взрыв негодования.

— Что это за произвол? «Панагра» безобразно относится к своим пассажирам!

— Я не представляю «Панагру», я представляю компанию «Пан-Американ».

— «Панагра» — дочерняя компания «Пан-Американ».

Нувелл удивляется: откуда такие осведомленные пассажиры?

— Мы требуем немедленной отправки нас в Мексику. У вас в 8 утра уходит туда самолет.

— Но на нем нет мест... В крайнем случае одно — два места.

— Нет, мы полетим только все вместе.

И вдруг в таможне появляется высокий полный человек с моложавым лицом. Он представляется:

— Начальник церемониала министерства иностранных дел Панамы Камилло Леви Сальедо. Что происходит, господа?

В это время выносят остальные желтые конверты. Возмущенные происшедшим, мы рассказываем сеньору Леви все, что думаем по этому поводу.

Леви говорит:

— Я очень сожалею о случившемся... И мне жаль, что у вас останется плохое впечатление о нашей стране... Я предлагаю вам остаться... Посмотрите город.

— У вас же отменен закон о личной безопасности...

Леви пожимает плечами.

— Это верно, гарантий нет, но мы живем сейчас спокойно. В стране наведен порядок. Нам будет очень жаль, если вы уедете, не повидав Панаму. Одну минуту,— Леви отходит и звонит по телефону. Вскоре он возвращается к нам.— Я говорил с министром иностранных дел. Он также выражает сожаление и говорит, что вы можете спокойно остаться и осмотреть город.

Мы смотрим друг на друга. Нет ли здесь подвоха? Но ведь это говорит представитель министерства иностранных дел! Мы ведь сами хотели посмотреть Панаму! И эти ребята из таможни, без всякого сомнения, действительно смущены происшедшим. Правильно ли будет, если мы улетим? Ведь нам принесены извинения! Не лучше ли действительно узнать, что думают панамцы? Отличаются ли они от других латиноамериканцев, душевно принимавших нас? Или они какие-то особенные, лишенные чувства солидарности простых людей?

Короткий обмен мнениями.

— Остаемся, сеньор Леви... Только у нас просьба: дать нам таких гидов, чтобы они показали самое интересное и чтобы мы случайно не попали куда не надо. Панамский канал, вероятно, посмотреть будет нельзя?

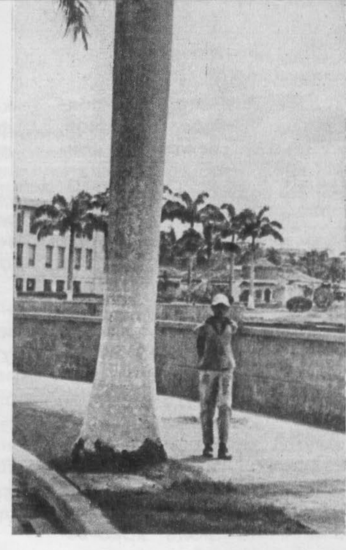
— Панамский канал —это трудно, это зона... Он нам не принадлежит... Вы же знаете, он принадлежит Соединенным Штатам. В остальном — не беспокойтесь. У машин, которые вы наймете, отличные шоферы, они не хуже самых опытных гидов...

И вот мы уже мчимся по неширокой асфальтовой дороге меж ярко-зеленых, усеянных пальмами холмов. Кое-где небольшие, легкие тростниковые хижины, укрытые пальмовыми ветвями. Кокосовые пальмы. До города километров двадцать пять. Машины летят на предельной скорости, едва успеваешь заметить, что расположено с двух сторон дороги. Но одно можно сказать: очень красивая, щедрая тропическая природа. Иногда в этот пейзаж врезаются огромные пестрые щиты, рекламирующие автомобильные покрышки, купальные костюмы и американские сигареты...

Машины влетают в город. Несколько кварталов роскошных особняков — и мы у подъезда нового «Хилтон отеля». Здесь нас уже ждут корреспонденты. Они беспрерывно щелкают фотоаппаратами, задают вопросы:

— Как вы относитесь к Суэцкому каналу?

— Что думаете о поездке Ник-

Жители Панамы.

сона по странам Южной Америки?

— Будете ли устраивать пресс-конференцию?

Мы просим пощады у наших коллег, панамских журналистов. У нас одно желание: час отдохнуть, осмотреть город,— мы ведь всего один день в Панаме.

Все-таки существует на свете журналистская солидарность! Нас отпускают. И вот мы уже в прохладном номере. Какой контраст со знойным, душным воздухом на улице! Любуемся чудесным видом, открывающимся из широкого окна гостиницы. Вдали виден выход из Панамского канала в Тихий океан и флотилия небольших рыбачьих суденышек. Поближе — красивые здания, красные черепичные крыши и ослепительно белая, стройная католическая церковь. Стук в дверь. Кто бы это мог быть? Видимо, кто-то из своих... Открываем дверь. На пороге два журналиста, у них виноватые лица.

— Извините, мы понимаем... Но у нас вечерняя газета, надо сдавать в набор... Несколько вопросов, один снимок... Понимаете, к вашему приезду большой интерес... В стране идет движение за установление дипломатических отношений между Панамой и Советским Союзом... Вот смотрите,— нам протягивают газету,— на первой полосе — материалы, сочувственно комментирующие этот вопрос.

— Что вы думаете по этому поводу? — спрашивает нас журналист с блокнотом.

— Вы все-таки хотите получить интервью?

— Но вы поймите наше положение... У нас вечерняя газета...

— Мы не дипломаты, мы журналисты, но можем сказать, что народы Советского Союза за то, чтобы между всеми странами были нормальные дипломатические и торговые отношения.

Журналист сочувственно кивает головой.

— Мы тоже так думаем... Вы не удивляйтесь, что вам не дают покоя. Мы были и на аэродроме, но нас к вам не допустили. Ваш приезд оживленно обсуждался в журналистских и профсоюзных кругах. Были ярые противники и ярые сторонники.

— Кого же было больше?

— О, конечно, сторонников!

Я вспоминаю слова таможенника: он был прав.

Мы спускаемся вниз. В вестибюле отеля — разноголосый говор, все больше американская речь.

Около гостиницы большой, из голубого кафеля бассейн. Там слышны всплески и женские голоса. Под разноцветными тентами на шезлонгах возлежат худощавые дивы и рыжеватые юнцы. Негры-официанты то к одному, то к другому тенту подкатывают столики с прохладительными напитками. Если бы был жив Данте, он, вероятно, бы рай воспроизвел, глядя на эту идиллическую картину. У подъезда нас ожидали две машины. Шофер отрекомендовался:

— Гонсало Пенья, имею поручение показать вам город. Прошу в машину.

И вот мы снова мчимся по городу. По пустынным кварталам, среди безмолвных особняков. По маленьким уличкам, где среди пальм затерялись деревянные домики с бесчисленным количеством сохнущего на веревках пестрого белья. Над корытами склонились негритянки. Кажется, что все трудолюбивое население города занято исключительно стиркой.

— Поедем к историческим развалинам,— говорит Гонсало резким заученным тоном.

— Зачем нам смотреть развалины?

— Они исторические,— отвечает Гонсало,— такой маршрут.

На берегу Тихого океана и в самом деле высятся развалины старой крепости. Толстые, мощные стены поросли мхом и травой.

— Здесь испанцы построили крепость,— говорит Гонсало,— но в конце семнадцатого века английский пират Генри Морган напал на нее и разграбил.

Пояснения, пожалуй, излишни, ибо все это написано на темной медной доске, прикрепленной к древней стене.

— А сейчас английских пиратов здесь нет? — спрашивает кто-то шутя.

— Сейчас нет... Сейчас есть ООН,— вполне серьезно отвечает наш проводник.

Покидаем развалины и вскоре выносимся на высокий холм, с которого далеко видны окрестности — дома, утопающие в зелени, белый католический храм, Тихий океан и холмы над Панамским каналом.

— Там,— говорит Гонсало, указывая в сторону канала,— в этих холмах спрятаны пушки. Если возникнет опасность,— пушки выскочат из холмов и будут стрелять.

— Значит, туристам канал не показывают?

Гонсало искренне удивлен:

— Как не показывают?.. Только канал и показывают. Что же здесь еще смотреть?

— А почему же нам не хотят показать?

— Вас туда не пустят, вы другие.

— Какие другие?

— Я не знаю, какие... Но нам сказали, что другие.

Уже почти полдень. Солнце печет нещадно. Голова становится чугунной. Те, кто одет обычно, по-европейски, изнывают от жары.

Снова по крутым холмам мчимся к городу. Вот и торговый центр. Здесь шумно. Несмотря на жару, много людей. На автобусных остановках — одинокие пассажиры.

— Как живет у вас основное население? — спрашиваем Гонсало.

— Ничего живет,— не очень охотно отвечает шофер.— Нищенство у нас запрещено.

У входа в отель произошел эпизод, который как-то осветил все наше пребывание в Панаме особым светом. Когда мы выходили из машины, возле нас оказались два негра, служащие отеля. Они что-то говорили и протягивали нам руки. Еще не понимая, в чем дело, мы также протянули руки и почувствовали крепкие рукопожатия.

— Борис, что они говорят? — обратился я к переводчику Кострицыну.

— Они говорят, что хотят пожать руки людям из страны, которая защищает негров.

Да, хотя бы только ради этого рукопожатия нам стоило побывать в Панаме!

Знойный день переваливал на вторую половину. За всем этим пестрым калейдоскопом событий мы на какое-то время забыли о том, что нам надо еще узнать час нашего отлета в отделении «Панагры», расположенном в отеле,— самолеты на Мексику уходили в 4 часа ночи и 8 утра. Спускаясь после отдыха из номеров часа в четыре дня, чтобы отправиться к берегу Тихого океана, мы зашли в «Панагру». Служащая компании ответила:

— Пока ничего не известно. Зайдите в восемь вечера.

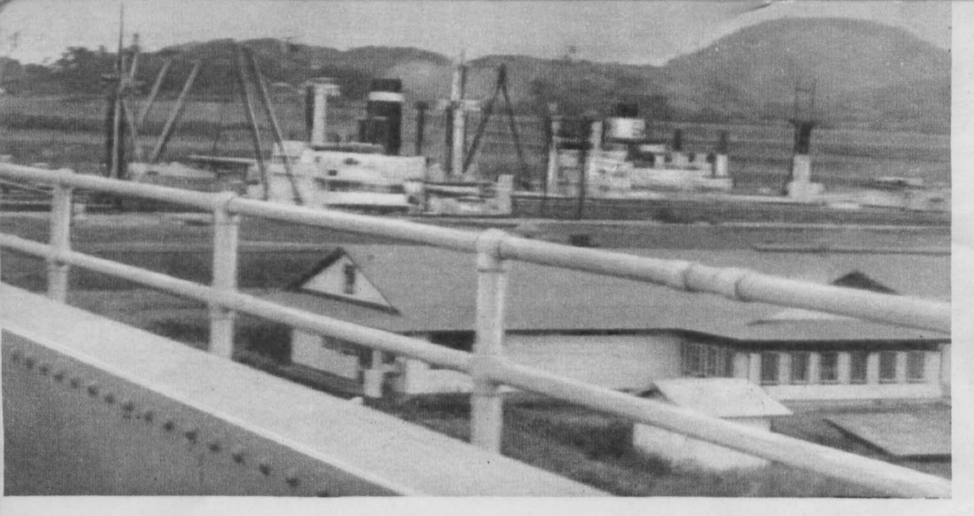
Какая-то тревога начала заползать в сердце.

У входа в отель нас ожидал человек в белой рубашке навыпуск.

— Фабиан Веларде, директор независимой газеты «Эль Диа»,—

Окраины Панамы.

Суда проходят через канал.

представился он.— Я предлагаю вам осмотреть Панамский канал.

Мы насторожились. Этого человека мы видели в первый раз.

— Мы собирались поехать к Тихому океану...

— Но вы тогда не увидите канал! — воскликнул Фабиан.

— Представитель МИДа сообщил нам утром, что вряд ли это возможно... Мы не хотели бы нарываться на какие-либо неприятности.

— Но мы получили разрешение у администрации канала.

— Кто — мы?

— Панамские журналисты. Мы специально посетили администрацию канала.— Фабиан недоумевал.— Я сам поеду с вами.

Мы посмотрели друг на друга. После утреннего происшествия, когда мы поняли, что здесь хозяева — американцы, осторожность не покидала нас.

— Мы специально взяли кинорепортера, чтобы заснять вас на канале.

Полный, улыбающийся кинооператор протягивал нам руку.

И снова пришел на память таможенник. «В городе вы узнаете, как к вам относятся люди Панамы». Но это в городе, а нам предлагают отправиться к Панамскому каналу. Мы стояли под пытливыми взглядами панамских журналистов.

— Поехали,— решили мы единодушно, направляясь к машинам.

И вот мы мчимся по широкому шоссе, с двух сторон которого за высокой, тонко переплетенной оградой стоят одноэтажные и двухэтажные аккуратные дома.

— Эта земля не наша. Здесь живут американцы, служащие администрации канала,— поясняет Фабиан.

Кое-где попадаются у дороги надписи: «Здесь расположен такой-то батальон», «Здесь — такой-то...»

— Я бы хотел воспользоваться тем, что нахожусь с вами в машине, и задать несколько вопросов,— говорит Фабиан.

— Пожалуйста,— отвечаем мы с Даниилом Краминовым.

Фабиана все интересует: советская печать, наш быт и... много ли анкет приходится заполнять нашим девушкам и юношам перед вступлением в брак?..

Вдруг раздается резкий свисток. Нас на мотоцикле обгоняет полицейский и жестом приказывает шоферу остановиться. Отвернув на обочину, Гонсало тормозит.

Из переговоров выясняется, что наш шофер проехал на красный цвет, что у него пропуск в зону канала просрочен, а у другого шофера вообще нет пропуска.

— Вы знаете, кто находится в машине? — спрашивает Фабиан полицейского.

— Нет.

— Русские журналисты.

Полицейский козыряет и остается во всем своем великолепии — в кожаном шлеме, темных очках — при пистолете, висящем на поясе с полным запасом патронов, расположенных согласно конструкции так, чтобы вызывать уважение собеседников.

Но вот он, Панамский канал! Машины останавливаются. Мост поворачивается на оси, чтобы пропустить суда.

Делаем из машины несколько снимков. Мимо нас небольшие паровозики тащат на канатах корабль, идущий под норвежским флагом. Корабль минует мост и дальше уже идет по широкому руслу в океан своим ходом. Ничего особенного — канал как канал. Вдали, за шлюзом виднелся уже другой корабль, рельефно выделявшийся на фоне ярко-зеленого холма. Корабли прошли. Мост принял первоначальное положение, и мы перебрались на другую сторону. Кинооператор попросил нас выйти из машины, чтобы запечатлеть нас на фоне Панамского канала. На этом, собственно, и закончилась наша поездка...

На другой день газеты не без удивления сообщили о том, что русские журналисты не проявили особого восхищения Панамским каналом.

Побывали мы и около нового здания университета, действительно красивого, оригинальной архитектуры. У входа в университет стояли студенты, они о чем-то тихо говорили и смотрели на приспущенный флаг.

Мы спросили, почему флаг не на самой вышке. Один из сопровождающих ответил:

— В знак траура по девяти расстрелянным во время демонстрации студентам. Началось все с того, что учащиеся старших классов колледжа потребовали, чтобы их принял президент. Он отказался. Они начали шуметь. Против них двинули полицию с слезоточивыми газами. Одна из бомб с газом не разорвалась, а ударила юношу в сердце. Он умер в больнице... После этого начались демонстрации, закончившиеся расстрелом... Но если вам будут говорить о том, что это были только внутренние волнения,— не верьте. Во время демонстраций студенты проникли в зону канала,- сорвали американский флаг и водрузили наш, родной, панамский...

Солнце село за высокими холмами. Попрощавшись с панамскими журналистами и поблагодарив их за дружеское отношение, мы отправились в отель.

В 8 часов вечера в «Панагре» нам ответили, что еще не знают, когда мы улетим — ночью или утром.

— Мы сообщим вам об этом в десять часов вечера.

А в десять часов ко мне позвонил Чернышев и сказал, что пришел секретарь мексиканского посольства в Панаме и хочет нас видеть.

Секретарь мексиканского посольства сообщил нам о том, что наши визы в Мексику аннулированы. Когда мы попросили разрешения проехать через Мексику по нашим маршрутам транзитом — даже, если нужно, не выходя из самолета,— выяснилось, что «Панагра» уже ликвидировала проданные нам места в самолете.

— Желто-черный цвет начинает действовать активно,— сказал Аджубей.

Мы вернулись в номера. В наших паспортах, таким образом, не было ни одной визы. Ночью мы пытались дозвониться в советское посольство в Мексике, но представитель «Панагры» сказал, что линия повреждена. Мы чувствовали, как невидимые силы руками «Панагры» пытаются накинуть на нас петлю.

В три часа ночи в номер позвонил корреспондент «Ассошиэйтед пресс».

— Нам стало известно, что мексиканское правительство отменило ваши визы. Что вы собираетесь делать? Куда собираетесь ехать?

Мы вежливо ответили корреспонденту:

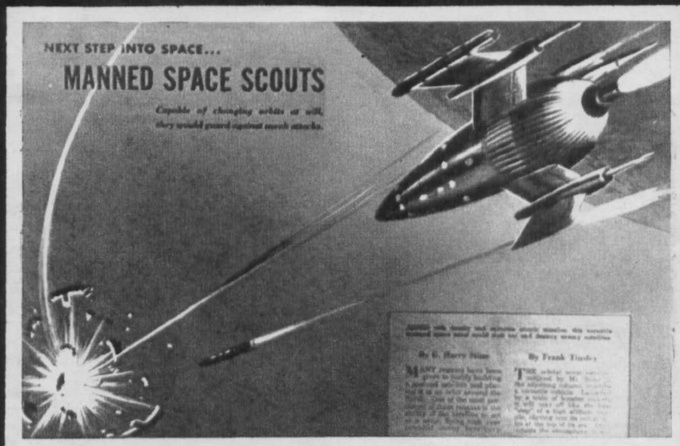
— Мы еще выбираем маршрут. Просим о нас не беспокоиться.

— Ай эм сори,— сказал он и повесил трубку.

Звучно гудела охладительная установка, нагоняя в номер прохладу. За окном лежала темная Панама, кое-где расцвеченная резкими огнями рекламы. Не спалось!

Окончание следует.

«Убийца» в космосе

Так изображает «Меканикс иллюстрейтед» «спутника-убийцу», стреляющего ракетными снарядами с атомным зарядом по «вражеской» космической станции.

Распространенный американский журнал «Меканикс иллюстрейтед» периодически публикует статьи, посвященные завоеванию космического пространства. Казалось, журнал должен был бы делать все для удовлетворения огромного интереса читателей к этой жгучей научной проблеме современности. Многие научно-популярные журналы у нас и за рубежом так и поступают. Но «Меканикс иллюстрейтед» использует эту тему для совершенно других целей. Он публикует сразу две статьи, Гарри Стайна и Фрэнка Тенсли, посвященные проекту некоего космического корабля в виде управляемого спутника Земли с экипажем, который после вывода его на орбиту мог бы маневрировать в космосе и производить разведку земных объектов. Фрэнк Тенсли идет даже дальше этого: он считает необходимым использовать подобный спутник не только для целей разведки, но и для уничтожения космических станций «потенциального противника». Называя такой космический корабль «спутником-убийцей», Тенсли предлагает вооружить его управляемыми ракетами с атомными зарядами.

О писаниях Стайна и Тенсли можно бы и не говорить, если бы весьма высокопоставленные лица в США не выступали с более ответственных трибун с заявлениями, мало отличающимися от того, чем угощает читателей «Меканикс иллюстрейтед».

Начальник Главного артиллерийского управления США генерал-майор Джон Медарис заявил, например, что Соединенным Штатам, возможно, в будущем придется помешать полетам «недружественных» спутников. Для этого, как заявил он, нужно будет «немного погоняться за ними, остановить их, а потом выбросить их оттуда».

Боевой задор американского генерала пока еще имеет столь же слабую реальную почву, как и бредовые идеи журналистов из «Меканикс иллюстрейтед». Но сам собой напрашивается вопрос: почему, когда весь мир радуется каждому успеху в покорении человеком космического пространства, в США некоторые люди так упорно стремятся объявить космос ареной войны?

Л. ВАСИЛЕВСКИЙ

С 4 июня в Советском Союзе по приглашению Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова находились король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева и королева Ратна Раджия Лакшми Деви Шах. За это время высокие гости совершили поездку по Советскому Союзу и познакомились с жизнью нашей страны. Король Непала имел встречи и беседы с К. Е. Ворошиловым, Н. С. Хрущевым и другими руководящими деятелями Советского Союза. Беседы и переговоры проходили в атмосфере дружбы и взаимопонимания.

Перед концом пребывания непальских гостей в СССР в Кремле было подписано Совместное советско-непальское коммюнике.

Король Непала пригласил Председателя Президиума Верховного Совета СССР посетить с дружественным визитом Непал. Это предложение было с удовлетворением принято.

24 июня король и королева Непала отбыли из Москвы.

На снимке: проводы непальских гостей на Внуковском аэродроме.

Фото С. Раскина.

Гости «Огонька»

24 июня редакцию «Огонька» посетила группа немецких журналистов, прибывших в Советский Союз «Поездом мира» из Германии. Среди немецких коллег находились представители журналов, газет, радио и издательств ГДР, а также журналисты из ФРГ. В дружеской беседе приняли участие Г. Мильднер, Р. Рубинштейн, В. Фллингер, В. Гоккель, Г. Раддац, Г. Штилльманн, И. Штилльманн, д-р Л. Гимних, Г. О. Леггов, Г. П. Войле, Л. Блаузинг.

На снимке: немецкие гости в редакции «Огонька».

Фото С. Фридлянда.

Письмо из Индии

На имя Н. С. Хрущева пришло письмо из Индии от служащего бухгалтерии Центральной железной дороги М. Дж. Крипалани. Вот текст этого письма:

«Уважаемый господин Хрущев!

Я индийский гражданин, работающий в качестве мелкого служащего в бухгалтерии Центральной железной дороги в Бомбее. Вместе с этим письмом я посылаю Вам фото моих веселых близнецов, родившихся 3 января 1957 года. Они сфотографированы через два дня после того, как им исполнился год; согласно религиозному обычаю, им тогда обрили головы. Своей позой сидящие дети напоминают Вас и американского президента г-на Айка. Ребенок справа похож на г-на Айка, глубоко задумавшегося над тем, как одержать верх над советской искусственной луной, являющейся величайшим в мире достижением. Ребенок слева, спокойно улыбающийся своему соседу, напоминает Вас.

Я надеюсь, что Вам определенно понравится это фото, и был бы весьма благодарен, если бы Вы подтвердили получение настоящего письма.

От лица своих близнецов и себя лично желаю Вам и Вашей стране еще больших успехов в научных дерзаниях.

Весьма искренне Ваш
М. Дж. Крипалани».

Первенство мира по футболу

Трудный путь

М. МЕРЖАНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Когда кончился переигровочный матч сборных команд Англии и СССР, с поля стадиона «Новый Уллеви» уходили, прихрамывая, Ю. Воинов, В. Кесарев, только с помощью друзей медленно передвигался К. Крижевский. Победа над английскими профессионалами досталась дорого, хотя вообще-то внешнего проявления грубостей в игре и не было видно.

В раздевалке врач хлопотал над подбитыми игроками. А остальные от усталости еле двигались по комнате. Но через день предстояло бороться со шведами за право играть в полуфинале. Как же быть?

Тренер шведской команды, некогда известный английский футболист, Георг Райнер после матча в кулуарах пресс-центра сказал журналистам:

— Я был в смертельном ужасе от русских. Но теперь я ничего не боюсь, ибо убежден, что нет больше оснований рассматривать их как какое-то непроходимое препятствие. Мы не забудем, что русские изнурены...

Гетеборгский корреспондент газеты «Экспрессен» Оне Вильней, радостно улыбаясь, телефонировал в Стокгольм:

— Хелло, дорогие ребята из нашей отдохнувшей команды! Не подвергайтесь панике перед русскими в век спутника. Вашим верным помощником будет их усталость. Русские не машины, а обыкновенные спортсмены. В их ногах накопилась усталость после четырех напряженных матчей!

Усталость советских футболистов бросалась в глаза всем. Когда мы приехали в Сольна, под Стокгольмом, на стадион «Росунда», нас окружили иностранные журналисты. Они просили сообщить состав советской сборной: это был самый актуальный вопрос дня. Мы, как могли, уходили от ответа — не потому, что пытались скрыть какое-то «тайное оружие», а просто потому, что сами не знали состава. Откровенно говоря, думалось, что на поле выйдут И. Нетто, А. Масленкин, Г. Гусаров, Г. Федосов и В. Бубукин, которого, кстати сказать, хорошо помнят в Швеции по его результативной игре в составе «Локомотива».

И вот за 20 минут до начала матча в протоколах пресс-центра появился состав советской команды. Это были те же футболисты, которые провели уже по четыре игры. Отдохнувшими среди них были лишь С. Сальников и А. Иванов. Остальные выходили на пятый матч. История футбола не знает случая, чтобы за 12 дней было сыграно пять международных матчей, и не товарищеских, а пять состязаний с сильнейшими командами Европы и Южной Америки на первенстве мира. Едва ли этот своеобразный рекорд будет когда-нибудь побит.

Узнав о составе, мы сникли, но успокоили себя мыслью, что наши ребята способны на спортивный подвиг.

В этот же момент Георг Райнер сказал своей команде:

— Нам повезло еще раз. Русские выставили утомленный состав. Первую половину нужно играть в строго оборонительном стиле и не пропустить ни одного гола. Во второй половине мы пойдем в атаку.

Позже мы убедились, что Георг Райнер все рассчитал правильно.

Как сложились дела у шведских футболистов? Попав в менее сильную группу, они сравнительно легко обыграли мексиканцев и в упорной борьбе — венгров, которые приехали в Швецию явно плохо подготовленными. Набрав 4 очка, шведы уже получили право на выход в четвертьфинал и поэтому последнюю свою встречу в стокгольмской группе, с Уэльсом, провели, можно сказать, вторым составом, дав возможность всем ведущим своим игрокам отдохнуть в течение недели перед матчем с командой Советского Союза.

И вот на поле «Росунды» вышли команды, которые волею спортивной судьбы были поставлены в неравные условия...

Как уже знают читатели, мы потерпели поражение со счетом 0 : 2. Усталые советские спортсмены проиграли команде, которая по классу своему не превосходила их.

В минувший вторник состоялись полуфинальные игры. В Гетеборге, на стадионе «Новый Уллеви», чемпионы мира — футболисты Федеративной Республики Германии — распрощались со своим титулом, неожиданно проиграв со счетом 1 : 3 команде Швеции, которая и этот свой матч пр вела с большим подъемом.

Второй полуфинал состоялся на стадионе «Росунда», под Стокгольмом. Здесь встретились французы с темпераментными бразильцами. Это было одно из самых интересных состязаний чемпионата. Обе команды играли в атакующем стиле и показали высокий класс футбола. Бразильцы вновь блеснули виртуозной техникой, которой они пользовались крайне рационально. Футболисты умело регулировали темп матча и били по воротам из любого положения и с разных расстояний. Временами в их атаках участвовали шесть — семь человек.

Французы хорошо проводили атаки, но не сумели ограничить действия таких игроков, как Гарринша, Диди, Вава и Пеле, непрерывно рвавшихся к французским воротам. К тому же во второй половине матча, по существу, в игре не принимал участия получивший травму французский защитник Р. Жонке.

В итоге пять мячей влетели во французские ворота и только два — в бразильские.

В финал вышли команды Швеции и Бразилии. 29 июня на стадионе «Росунда» они встречаются в решающем матче.

Стокгольм, 25 июня.

ЭПОХА ПОЛИМЕРОВ

В. ПОЛЫНИН

Взгляните на этот снимок. На ваших глазах совершается великое таинство, на которое издавна была способна только природа: создается новое органическое, иначе говоря, «естественное», вещество.

Считалось когда-то, что все органические вещества могут образоваться только в живом организме под влиянием таинственной «жизненной силы». А тут перед вами неведомое естественной природе органическое вещество — капрон — появляется на свет в аппарате, созданном руками человека.

В котел-автоклав, нижняя часть которого видна на снимке, непрерывно подается расплавленная, созданная химиками смола «капролактам». В автоклаве автоматически поддерживается температура плюс 260 градусов. Из автоклава в проточную воду течет шестью струями и застывает в твердые нити новое органическое вещество. Из него делают сотни различных вещей — от дамских чулок до гарпунных линей и зубчатых шестеренок.

Чудесные свойства новых синтетических веществ — прочных, как металл, легких, как пена, прозрачных, как стекло, эластичных, как резина, химически стойких, как платина, пористых, как губка, — объясняются их особым внутренним строением.

Обычные вещества, из которых искусственно создаются эти чудесные материалы, состоят из одиночных молекул. Так как молекулы этих веществ химически не связаны друг с другом, то их называют мономерами. Но если соединить одиночные молекулы в длинные цепи или составить из них сложные конструкции, то новое вещество, хотя и останется совокупностью тех же химических элементов, приобретет новые свойства. Такие вещества назвали полимерами. В одной молекуле полимера мономер повторяется несколько сотен, тысяч и сотен тысяч раз.

Сегодня армия полимеров помогает человечеству завоевывать недостижимые раньше технические высоты. Большая заслуга в рождении этой армии принадлежит советским ученым.

Академик Николай Николаевич Семенов создал теорию механизма цепных реакций, за что был удостоен Нобелевской премии. Эта теория легла в основу многих химических процессов.

Другой выдающийся советский ученый, академик Сергей Сергеевич Медведев, развил выводы Семенова на примере процессов полимеризации и вскрыл механизм этих процессов, что явилось большим вкладом в мировую науку и обеспечило решение практических задач по созданию новых полимерических продуктов.

В Институте химической физики, которым руководит Николай Николаевич и где работают химики, причисляющие себя к «семеновской школе», решаются сугубо теоретические проблемы, о которых можно говорить лишь на языке, доступном специалистам.

Но вот молодой представитель «семеновской школы» Николай Сергеевич Ениколопов, встряхивая в колбе белый порошок, говорит нам:

— Недавно у нас организовалась лаборатория, имеющая прямое отношение к производству синтетических материалов. Вот один из первых результатов ее работы — получен материал, похожий на капрон. Сырье, из которого его можно получить, в двадцать пять раз дешевле сырья для капрона. У нового полимера, в создании которого мы участвуем вместе с Научно-исследовательским институтом пластмасс и коллективами двух химических заводов, еще нет даже названия. Правда, недавно на совещании стенографистка предложила удачное имя для него — «полифорс», что значит: «полимер формальдегида стабильный». Надеемся, что скоро покупатели предпочтут «полифорс» капрону: он будет во много раз дешевле и не хуже по качеству.

Беседуя с нами, академик Николай Николаевич Семенов высказал такую мысль:

— Человечество пережило несколько эпох, связанных с великими научными открытиями и техническими изобретениями. С изобретения паровой машины началась эпоха пара. Мы знаем эпоху электричества, атомную эпоху. Теперь неминуем новый скачок в развитии производства: человек научился создавать синтетические, высокомолекулярные вещества — полимеры, которые по комплексу свойств и возможностей превосходят все известные природные материалы. Совершается переоценка ценностей. До сих пор господствовали металлы, теперь наступает эпоха полимеров.

Пульс новой эпохи ощутим всюду. В институте пластмасс проектируются установки для получения полимеров, создаются новые вещества.

Впрочем, достижения ученых-химиков выглядят более убедительно в цехах, чем в стеклянных колбах. Поэтому так много паломников в корпусах Клинского химического комбината под Москвой. Находясь в огромных цехах комбината, воочию видишь, какой размах приняло производство синтетических материалов. Сотни станков тянут, крутят, наматывают крепчайшую капроновую нить. Из продукции Клинского комбината делают корд для покрышек, одежду, изоляцию, рыболовные сети, канаты, шестерни, леску, искусственный каракуль, парашютный «шелк», стропы, щетки.

О завтрашнем дне комбината красноречиво рассказывают канавы и рвы, по которым прокладываются трубопроводы. Повсюду штабеля строительных материалов, дощатые ящики с новым оборудованием. Комбинат, как и вся советская химическая промышленность, вступил в полосу бурного роста.

На примере завода «Москабель», продукция которого идет не только на внутренний рынок, но и в зарубежные страны, нетрудно убедиться в значении синтетических материалов.

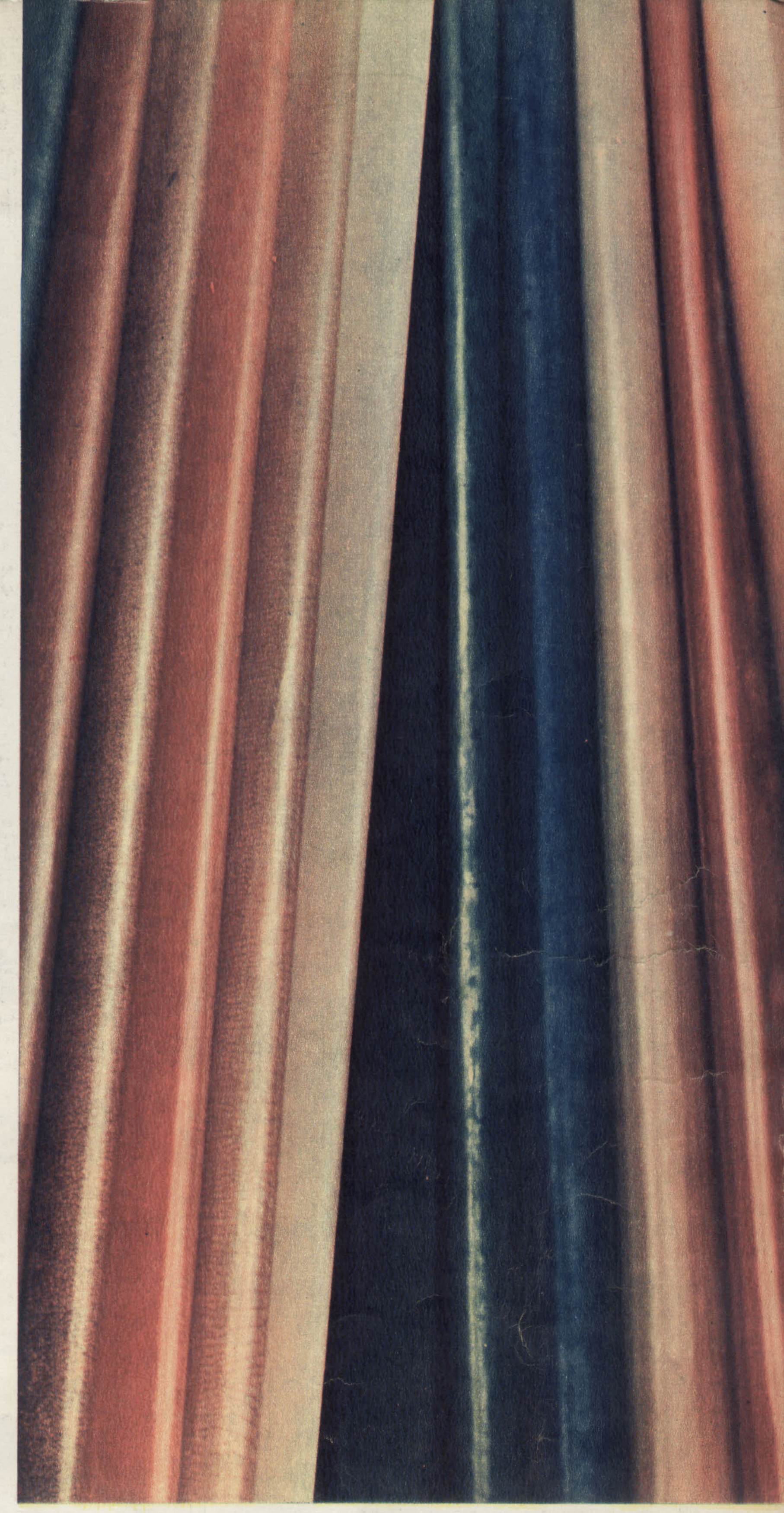
Раньше делали провода с изоляцией, пропитанной льняным или тунговым маслом, которое прибывало в Москву из Японии и Китая. Эту «масляную» изоляцию необходимо обматывать шелковой нитью для прочности. Электромотор получается большим по объему и не выдерживает высокой температуры. Теперь ей на смену приходит синтетическая изоляция. Лак винифлекс занимает немного места и не нуждается в дополнительной обмотке, выдерживает нагрев до 125 градусов. Если бы «Москабель» не располагал полихлорвиниловой пленкой, он не смог бы изготовлять кабели с алюминиевой оболочкой, и пришлось бы применять свинец — весьма дорогой металл.

На другом заводе недавно вступила в строй автоматическая линия; на непрерывную ленту транспортера из прессов сыплются готовые детали. А что же поступает в прессы? Один лишь порошок.

Вот цифры пластмассовой экономики. Стальной кожух для электрического счетчика стоил заводу 14 рублей, а пластмассовый кожух значительно лучшего качества обходится всего в 3 рубля 42 копейки. Автоматическая линия, которая прессует, обрабатывает и упаковывает кожухи, изготовляет их полтора миллиона штук в год. Выгоду от замены стали фенопластом легко подсчитать. Вот почему стоит вкладывать в производство полимеров миллиарды рублей.

Теперь каждый школьник может рассказать о преимуществах пластмассовых труб перед металлическими, капроновых носков перед хлопчатобумажными, органического «стекла» перед стеклом обыкновенным. Все знают, что никакое мыло не может конкурировать с «Новостью», а благодаря изобретению синтетического клея «БФ» можно склеивать теперь не только конверты и мебель, но даже железнодорожные мосты...

В лаборатории ионных реакций Института химической физики Академии наук СССР молодой ученый «семеновской школы» Валентина Ивановна Цветкова изучает скорости образования полимеров.

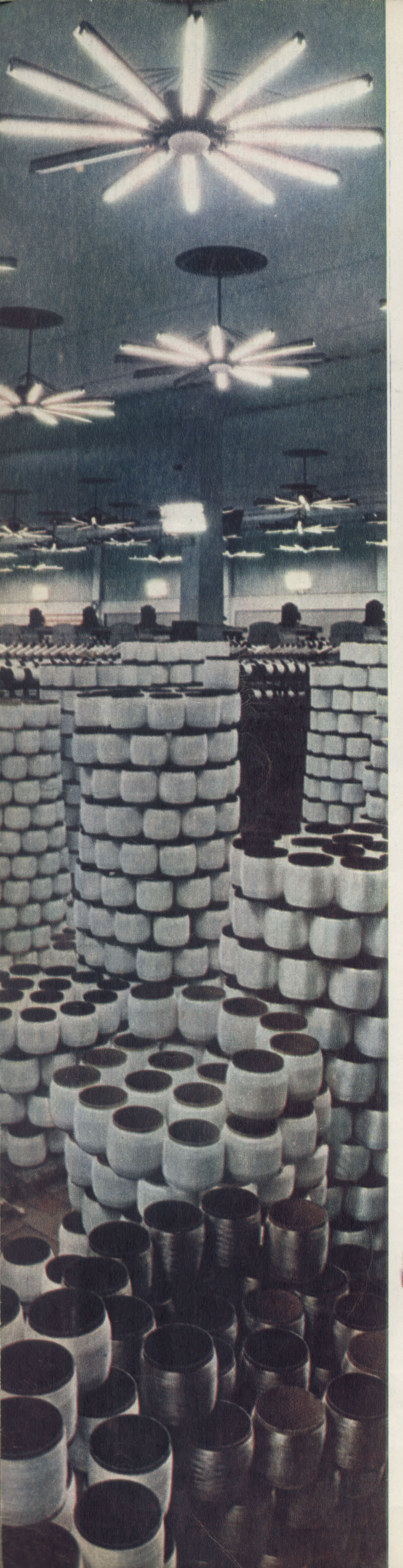

Цветовая гамма искусственных кож безгранична.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

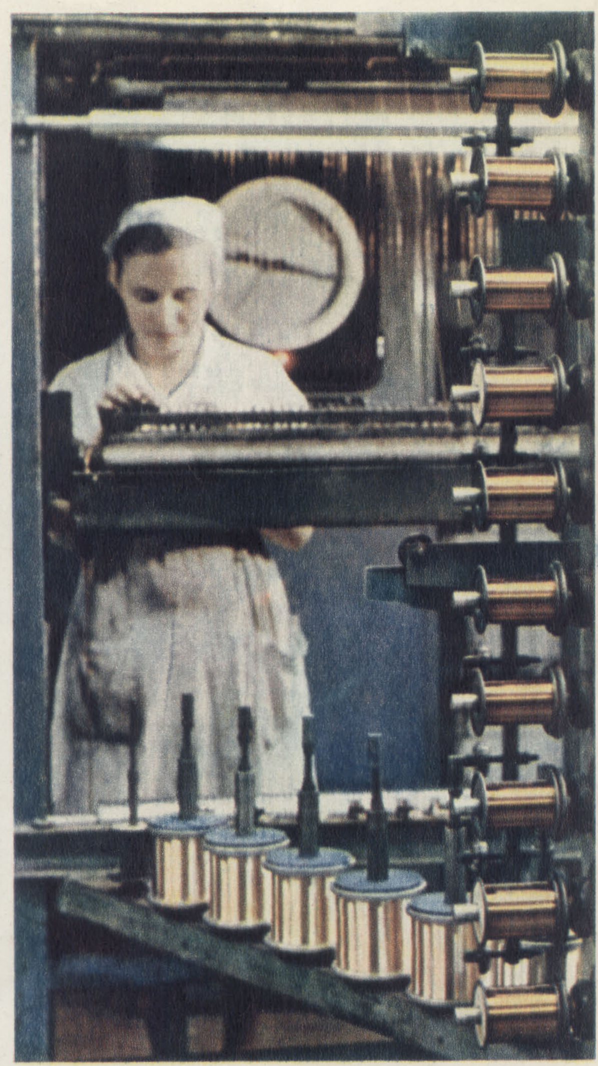
100 000 000 000 РУБЛЕЙ

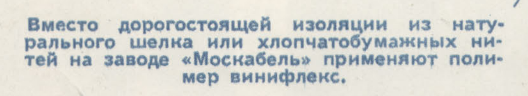
НАМЕЧЕНО ВЫДЕЛИТЬ НА РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1958—1965 ГОДАХ

Вот что дает сочетание капрона с вискозой.

Вместо дорогостоящей изоляции из натурального шелка или хлопчатобумажных нитей на заводе «Москабель» применяют полимер винифлекс.

Цех комбината в Клину, где делают нить капрона.

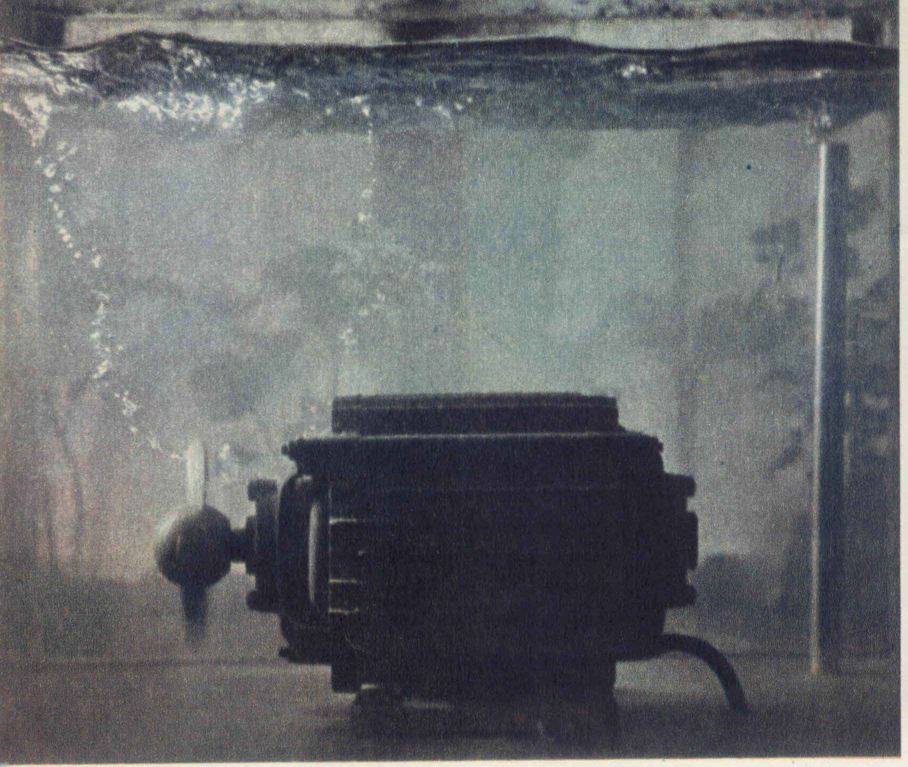

Обувь из синтетических материалов.

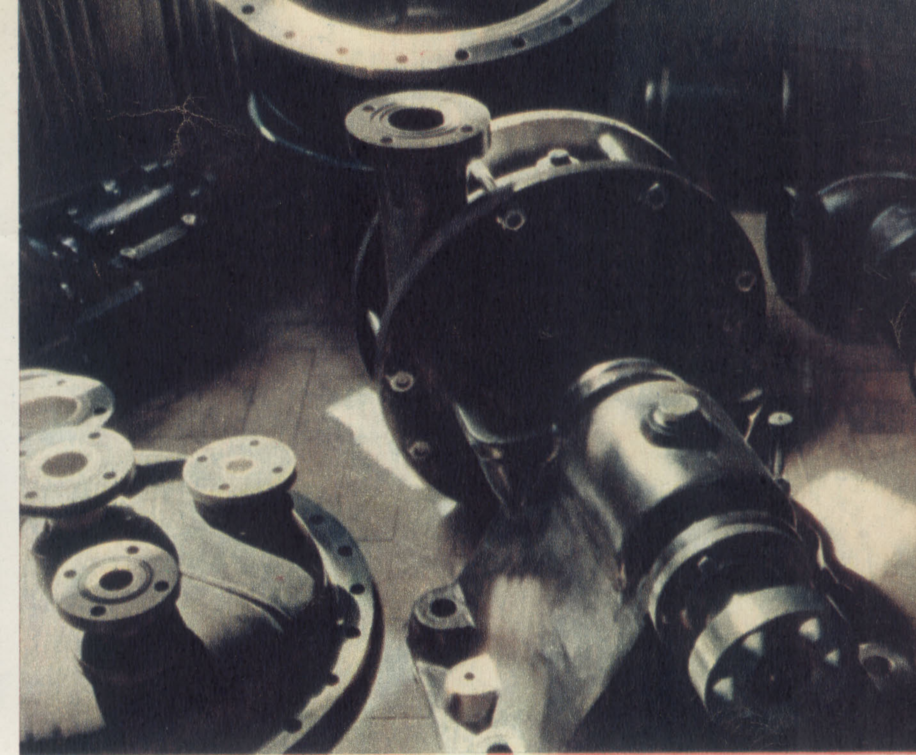

Изделия из пластмассы можно отливать и штамповать.

Полимер МБК делает электромотор непромокаемым.

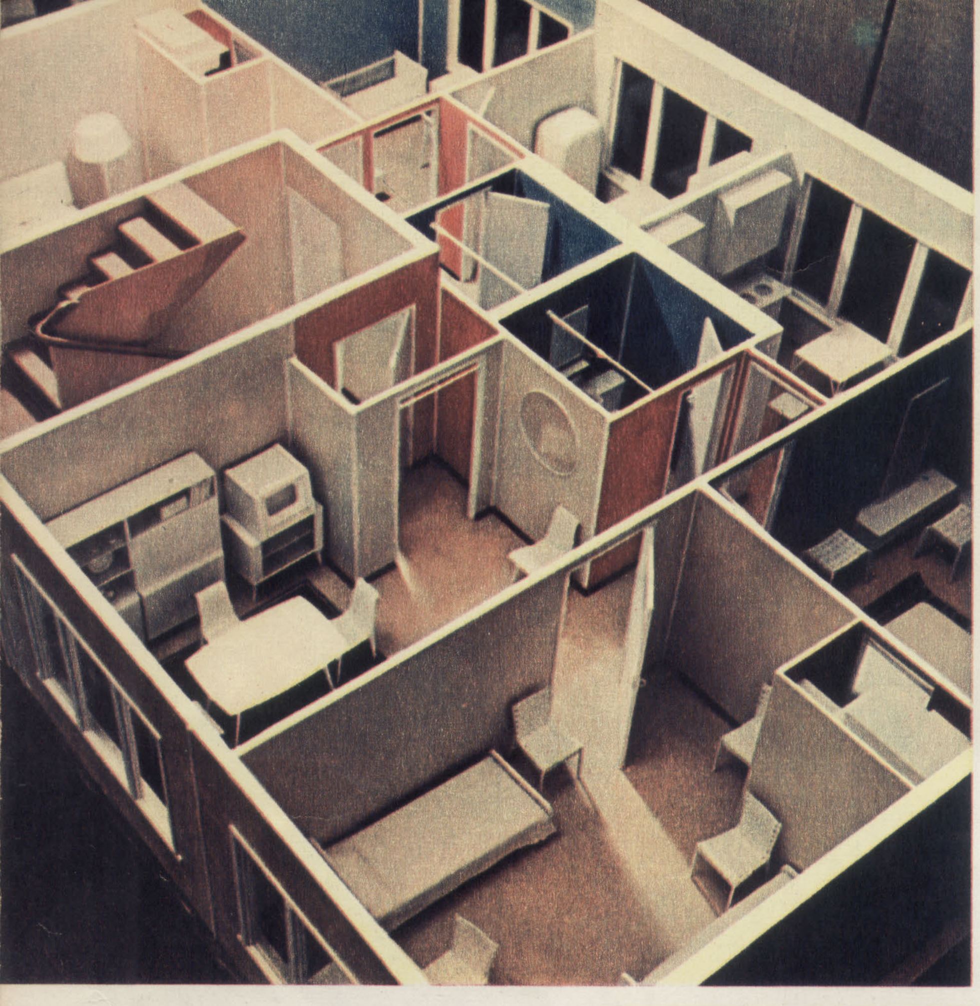
Насосы из фаолита не боятся ни кислот, ни щелочей.

Ткани из угля, нефти, газа.

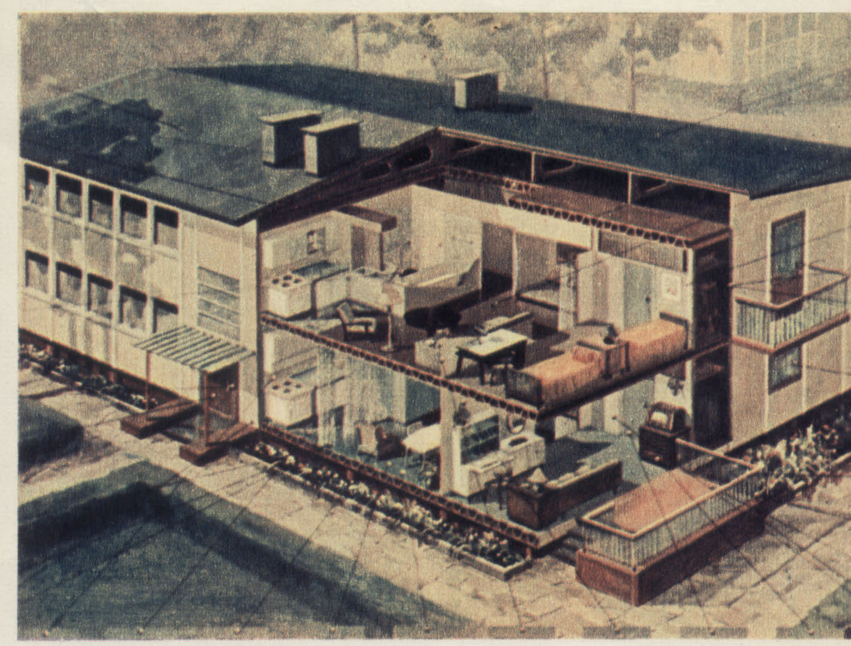

Натуральный каучук можно заменить синтетическим.

Макет квартиры «сквозного проветривания».

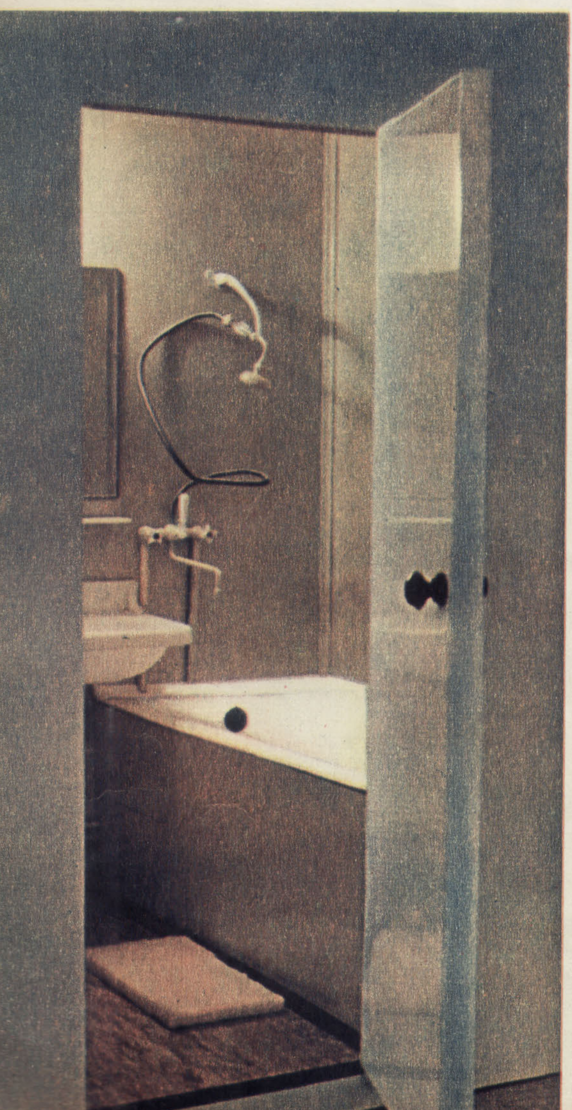

Такой дом можно изготовить из пластмассы.

Так предлагает оформлять квартиры Киевский институт жилища.

Пластмассовая ванна.

ПЛАСТМАССОВЫЙ ДОМ БУДУЩЕГО

Эпоха полимеров — это новая эра не только в промышленном производстве, но и в строительстве. Вы сразу убедитесь в этом, заглянув в пластмассовый дом будущего.

Когда-то архитекторы, подобно Агафье Тихоновне из гоголевской «Женитьбы», могли капризничать: «Мы бы выстроили дешевый, удобный и красивый дом, если бы у нас были такие материалы. Дать бы стенам долговечность камня и легкость пробки. Если бы краски не тускнели, если бы полы не коробились, трубы не ржавели...» Сегодня химики на каждое «если бы» могут ответить: «Пожалуйста!»

И вот перед вами схема пластмассового дома, взятая не из научно-фантастического рассказа, а из архитектурной мастерской.

Кровля дома не из железа, которое тяжеловато, дороговато и непрактично, а из стеклопласта: он тонок, прочен, легок, долговечен. Из него же можно сделать и коробчатые или гофрированные плиты — перекрытия между этажами. Трубы — из гигиеничного нержавеющего поливинилхлорида. Полы — монолитные, заливаются пластмассой любого цвета, как мостовая асфальтом. Столы, внутренние перегородки, двери можно изготовить не из отдельных досок, а из древесно-стружечных и древесно-волокнистых плит. Снаружи стены покроются стеклопластом, и окраску их никогда не придется подновлять, разве что иногда смывать пыль. Даже керамический кафель предполагается заменить плитками из полистирола, который не бьется, значительно легче по весу, приклеивается к стене, словно почтовая марка к конверту. Уже делают из пластмассы и раковины, и ванны, и оконную и дверную арматуру. А такие составные части дома, как, например, санитарные узлы, соберут целиком на заводе. На стройке не будет штукатуров, маляров, плотников, стекольщиков, паркетчиков, их заменят монтажники.

Но эпоха пластмассовой архитектуры характерна не только новыми строительными материалами. Взгляните на макет экспериментального пятиэтажного дома, который проектируется в шестой магистральной мастерской института «Моспроект». Присмотритесь к планировке небольшой, но уютной квартиры. Пластмасса позволила совершить революцию и в планировке.

Кирпичные дома несовместимы с квартирами «сквозного проветривания». Из-за неизбежно большой толщины кирпичных стен дома приходится строить широкими, так что между крайними капитальными стенами квартиры умещаются обязательно в два ряда. В лучшем случае у одних жильцов солнце бывает по утрам, у их соседей по вечерам. А если рельеф местности или планировка города не позволяет поставить дом строго по меридиану, то жители «северной» стороны неизбежно попадают в неблагоприятные условия. Квартира же «сквозного проветривания», несмотря на небольшой метраж, пронизывает толщу дома насквозь: некоторые ее окна непременно обращены к солнцу.

Архитекторы полюбили пластмассу за то, что с ней легко работать: такому материалу несложно придать любую форму, он не боится сырости, дома из него в два — три раза легче обычных, нет нужды в громоздком фундаменте, отделка становится более аккуратной и щательной и не зависит от индивидуальных навыков рабочего: ее завершат машины на заводе, откуда идут готовые детали. Почти исчезнет ручной труд строителей.

В Институте архитектуры сооружений Академии строительства и архитектуры Украинской ССР, в Киеве, работают уже не над макетами, а над экспериментальным проектом. «Киевская квартира», в которой может побывать любой экскурсант постоянной Всесоюзной строительной выставки, еще раз убедит вас, что эра пластмасс, эпоха полимеров началась.

В. МАТВЕЕВ

ЭТО БЫЛО ТАК

Сорок лет назад Украина полыхала жарким пламенем гражданской войны, стонала под сапогом немецких оккупантов. В это тяжелое время состоялся первый съезд украинских большевистских организаций, на котором была создана Коммунистическая партия Украины.

В Днепропетровске живет один из немногих здравствующих ныне делегатов I съезда КП(б)У — старый большевик-подпольщик Иван Михайлович Захарченко, беседу с которым мы публикуем.

И. М. ЗАХАРЧЕНКО,
делегат I съезда КП(б)У

В 1912 году я приехал в Екатеринослав и поступил на работу в Нижнеднепровские телеграфные мастерские Екатерининской железной дороги. Неожиданно я встретился там со своим старым знакомым по Киевскому подполью, революционером-большевиком Гаврилом Николаевичем Баглеем. Он работал в Нижнеднепровских вагонных мастерских. Через некоторое время после нашей встречи Баглей свел меня на конспиративной квартире в поселке Султановке с активными большевиками — членами подпольного кружка. После этого я начал вести агитационно-политическую работу среди рабочих Нижнеднепровских предприятий. Таким образом, 1912 год стал началом моей партийно-подпольной работы на Екатеринославщине.

Какова была у нас, на Екатеринославщине, политическая обстановка в начале 1918 года?

Контрреволюционная Центральная рада продала Украину германскому империализму. Весной 1918 года Екатеринослав был оккупирован немецкими войсками. Нижнеднепровская партийная организация ушла в подполье.

В сложных условиях свирепого террора оккупантов и гетманских банд во второй половине июня 1918 года состоялось подпольное партийное собрание. На нем были избраны три делегата на I съезд КП(б)У. Собрание проводилось в необычайных даже для того времени условиях. По одному, рискуя каждую секунду быть схваченными, мы пробирались под носом у немецких патрулей к Днепру. Там в густых зарослях лозы было решено провести собрание. Это был рискованный шаг. Во избежание провала место, где должно было состояться собрание, охранялось дозорными, специально отобранными из верных людей.

На повестке дня стояло три вопроса: о методах работы по подрыву и разложению немецкой армии, об изыскании средств для оказания материальной помощи остро нуждавшимся семьям эвакуированных большевиков, выборы делегатов на I съезд КП(б)У. Нижнеднепровская подпольная организация коммунистов единогласно избрала своими делегатами Петра Воронцова, Владимира Клочко и меня.

Спустя несколько дней мы выехали в Москву. Впрочем, слово «выехали» здесь не совсем подходит. Не так просто было пробраться тогда в столицу молодой Советской республики. Нам пришлось двигаться по оккупированной врагом украинской земле, обходить степные шляхи, по которым патрулировали немецкие заставы и отряды гетманской варты. Особенно опасными были дороги, идущие к границам братской России.

После многих мытарств от села к селу, от хутора к хутору, где пешком, а где подводой, всячески маскируясь, мы наконец-то добрались до Белгорода. Там проходила тогда демаркационная линия между Украиной и Россией. Долго выбирали удобный момент, чтобы перейти границу. Мы знали, что каждый, кто появлялся в этой зоне и хоть немного вызывал подозрение, немедленно арестовывался немцами.

И вот наконец мытарства кончились. Мы на территории России! В приподнятом настроении садимся на станции Беленихино в поезд и едем в Москву.

Нас разместили в общежитии ЦК партии. Многие делегаты прибыли на съезд в довольно неприглядном виде. Одежда за время нашего путешествия изрядно истрепалась. Центральный Комитет решил нас приодеть. Выдали нам, хотя стояла жара, новенькие суконные френчи. Я повязал галстук и на радостях даже сфотографировался.

Открытие съезда назначено было на 5 июля. Перед этим Владимир Ильич Ленин, внимательно следивший за всеми перипетиями борьбы украинского народа, принял группу делегатов съезда. Состоялась обстоятельная беседа по всем наболевшим вопросам, волновавшим украинских большевиков.

Ленин, будучи в курсе разногласий среди части партийных работников Украины, стоял на той точке зрения, что украинская парторганизация должна иметь свой Центральный Комитет. Он считал, что для усиления борьбы украинского народа против оккупантов и гетманщины необходимо создать на местах военно-революционные комитеты и организации партизанского движения.

Обстановка в Москве в дни съезда была напряженной. Враги партии — троцкисты и «левые» эсеры — вели ожесточенные атаки против линии партии, против Ленина в вопросах внешней и внутренней политики. Коварными методами они пытались вызвать войну между молодой Советской страной и Германией. С этой целью, как известно, они пошли на такое провокационное дело, как убийство немецкого посла в Москве Мирбаха, а потом подняли вооруженный мятеж. Помню, на следующий день после открытия съезда рано утром нас подняли по боевой тревоге. Выяснилось, что все делегаты съезда, по решению ЦК партии, мобилизованы на подавление вспыхнувшего эсеровского контрреволюционного мятежа. Быстро одевшись, получив винтовки и гранаты, мы бегом направились в Трехсвятительский переулок, где засела группа мятежников. Мы сражались бок о бок с делегатами V съезда Советов, проходившего в то время в Москве. К исходу дня 6 июля мятеж был подавлен, и назавтра съезд КП(б)У возобновил свою работу. Он длился до 12 июля.

Съезд этот сыграл огромную роль в истории Коммунистической партии Украины. Положено было начало оформлению КП(б)У, объединению всех большевистских организаций, существовавших тогда на Украине. Избранный на съезде ЦК возглавил борьбу всех партийных организаций республики против немецких захватчиков и буржуазной контрреволюционной Центральной рады.

Руководствуясь указаниями великого Ленина, украинские большевики наметили развернутую программу политических и организационных мер, которые должны были обеспечить победу над немецкими оккупантами. Партийные организации на местах начали создавать военно-революционные комитеты. Они своей деятельностью способствовали восстановлению Советской власти на Украине.

В Центральный Комитет КП(б)У вошли товарищи Бубнов, Буценко, Затонский, Квиринг, С. Косиор, Лаврентий (Картвелашвили) и другие. Для подпольной партийной работы на Украину выехала боль-

шая группа делегатов съезда, в том числе товарищи Гамарник, Смирнов (Ласточкин), С. Косиор, Коцюбинский, Клочко, Воронцов. Вошел в эту группу и я.

Нам были выданы специальные мандаты для явок на конспиративные квартиры и для проведения работы в подполье. В Екатеринослав мы везли много политической литературы на русском и немецком языках. С большим трудом переправили ее через демаркационную линию и вражеские заставы. Брошюры и листовки на немецком языке оказали нам большую помощь: удалось выявить в немецких частях членов социал-демократической партии. Через них и развернули большевистскую агитацию. На предприятиях Екатеринослава мы организовывали рабочих на проведение диверсий и саботажа приказов немецкого командования.

Нижнеднепровский подпольный военно-революционный комитет возглавил большевик тов. Ризаль. Комитет устраивал диверсии, особенно на перегонах станций Екатеринослав — Синельниково. Не раз тут пускались под откос немецкие эшелоны.

По заданию партийной организации мне несколько раз доводилось нелегально привозить из Москвы политическую литературу — листовки, прокламации на немецком языке, а также директивы ЦК КП(б)У. Очень часто приходилось пробираться через военные немецкие заставы. Случалось и так, что на заставе меня задерживали, но разоблачить не смогли: я имел «правильные» документы. В них значилось, что я безработный. А устно я объяснял, что бегу из большевистской России на Украину, хочу устроить там свою жизнь. Однако подпольная работа все более осложнялась. Сыщики имели собачий нюх. Немецкая контрразведка трижды пыталась меня арестовать, но, к счастью, каждый раз удавалось благополучно уйти от опасности.

Припоминаю такой случай. Я ночевал у Ивана Ивановича Леонова, пожарного, работавшего на заводе «Шодуар». Неожиданно дом окружили. Избежать ареста удалось только благодаря тому, что я быстро переоделся в женскую одежду и с корзиной в руке вышел на улицу. При выходе меня задержал у калитки стражник. Я сказал, что спешу на базар купить что-нибудь на завтрак «мужу», которому надо уходить к шести часам на работу.

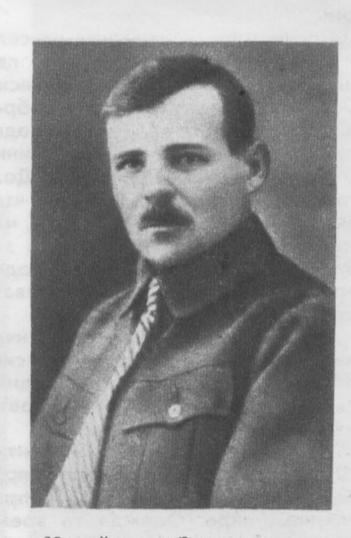
Стражник заглянул в комнату. На кровати действительно спал мой «муж» — пожарный, хозяин квартиры. Меня отпустили.

Или такой случай. Меня пытались арестовать в рабочем поезде на перегоне Нижнеднепровск — Илларионово. Вез я в Синельниково политическую литературу. Проводник вагона Короленок, зная меня, предупредил: идет обыск, вероятно, тебя разыскивают. Недолго думая, я тут же спрыгнул на ходу с поезда.

За короткое время — от июля, когда состоялся I съезд КП(б)У, и до осени 1918 года — подпольные организации большевиков провели огромную работу по разложению частей немецкой армии. Участились случаи неповиновения солдат офицерам. В воинских частях оккупантов солдаты стали даже бросать оружие. Припоминаю такой интересный эпизод. Однажды в Нижнеднепровский ревком пришли немецкие солдаты и попросили указать, куда им сдать винтовки и пулемет. Одновременно они просили, чтобы ревком посодействовал ускорить отправку их вагонов в Германию, заявив, что у себя дома они будут «делать революцию».

В январе 1919 года Екатеринослав был окончательно освобожден от оккупантов Красной Армией.

Мы, участники I съезда Коммунистической партии Украины, гордимся тем, что внесли свою скромную лепту в победу над врагом, в становление Советского государства, в победу великого дела Ленина.

Иван Михайлович Захарченко в дни I съезда партии.

Здание на Рождественке (ныне улица Жданова) в Москве, где проходил I съезд КП(б)У.

Фото Ф. Короткевича.

По веселым старинным

Л. РУДНИЦКИЙ

Комсомольцы Виктория Норкунайте и Юозас Петрайтис пришли в коллектив Ансамбля народной песни и танца Литвы из самодеятельности города Шауляй. Новички быстро сроднились с товарищами по работе, вместе радовались успехам, делили неудачи.

Впрочем, был поначалу у них один секрет. Думалось, что только они его знали. Да ведь шила в мешке не утаишь — артисты ансамбля поняли: комсомольцы любят друг друга. Примечать примечали, но до времени виду не подавали. Зачем смущать?

Но пришел день, и Виктория сама сказала подругам:

— Мы с Юозасом поженимся.

Молодежь решила: «Сыграем свадьбу нашу — комсомольскую».

— Ну, что же, добро! — поддержали руководители ансамбля.— А чтобы интереснее было, давайте проведем ее с соблюдением веселых старинных обрядов и обычаев нашего народа.

Посмотрите на снимки — вот как выглядела эта свадьба.

Послал жених в дом невесты свата. Дружки невесты не хотели впускать его. Уж он и через веревки прыгал и загадки разгадывал. Не помогло! Лишь выкуп — каравай да конфеты — смягчил их сердца.

А тем временем под звуки старинных напевов подружки наряжали невесту.

Фото Ю. КАЦЕНБЕРГАСА.

обрядам

Белые, увитые цветами кони понесли молодых по центральному проспекту города.

Приехали в загс.

Без устали веселились гости на комсомольской свадьбе.

ДАЛЬНИЕ ПОЕЗДА

Рассказ

Дмитрий ОСИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Гонимая байкальскими холодами, осень отступает за горные перевалы — к югу, к югу. Золотым, удивительно нежным светом истаивают на сопках даурские лиственницы, пламенеют рябины и орешины. Под дуновением воздуха то тут, то там вспыхивает, перебегает живой, обжигающий хвою багрец. В таежной глубине витает крепкий настой прелой листвы и древесного перегноя.

Ртутно отяжелела вода в реках, прозрачнее и бездонней кажется небесная синева. Реактивный самолет метеорным свистом тревожит утреннюю тишину. Неуследимый, он проносится над тайгой, только взблескивает что-то под солнцем, в той стороне, откуда, намного отставая, доходит звук — будто невидимое кресало высекает там короткие, слепящие искры.

— Бабка... поезд! — кричит, развешивая белье на веревке, Антоша.— Вынимай скорей, а то опоздаю!

Громыхнув заслонкой, Иннокентьевна суетливо достает из печи противень с пирожками. Грузная, седая, она мечется от загнетки к столу, роняет ухват, сковородник.

— Миску! Миску протри, внученька,— и, причитая, вываливает пирожки прямо на стол.— Кажись, готовы? Охолонут, пока донесешь...

Пирожки пшеничные, простого помола, но выглядят до того румяно, приманчиво, что впору есть самим, а не продавать проезжим. Антоша поскорее прикрывает их чистым рушником и, надев пальтишко, торопится на станцию.

Дальние поезда стоят у них не больше десяти минут. Пройдешь из конца в конец — и свисток.

Антоша бежит, прижав к груди старенькую эмалированную миску, и ругает бабку, печь, тесто, долго не поднимавшееся на старых, потерявших силу дрожжах. А Иннокентьевна, наверно, винит во всем внучку.

На перроне обычная толчея, неразбериха. Одни сломя голову бегут с чайниками за кипятком, другие теснятся возле пивного ларька, третьи несут снедь, четвертые обнимаются и плачут.

Отвернув рушник, Антоша поднимает миску и спешит вдоль вагонов. Стоять, ждать, пока ее разглядят и найдут покупатели, некогда: поезд скоро тронется дальше.

Поздно они надумали печь пирожки, поздно замесили тесто и явно перебавили голубики в начинку. Разбухнув от жара, она вылезла наружу — сладкая и липкая, как живица.

— Эй... пирожки! — весело окликает ее молоденький, в сетке и форменной фуражке пограничник.— С чем вы?

— С голубикой.

— Сладкие? А почем?

— На рубль пара,— привычно отвечает Антоша, оставляя в стороне вкусовые качества своего товара. На пустую болтовню у нее нет времени.

— Заверни-ка мне, дочка,— просит лысоватый в пижаме мужчина, подавая ей сзади хрустящую рублевую бумажку.— Не знаю, какова в тесте, а приморoженная голубика — объедение!

Девчушки в ватниках берут у Антоши сразу шесть штук и, попробовав, допытываются, где и как растет голубика, трудно ли ее собирать и каково в тайге по ночам.

— Да мы по ночам не ходим,— щуря темные, густой, голубичной синевы глаза, отсчитывает им сдачу Антоша.— Ее лучше с утра... голубику.

Прыская со смеху, девчушки переглядываются, измазывают начинкой губы.

— Ой, Клавдя, хватит! Она же нас и так невесть за кого принимает.

Обижаться Антоше некогда. Да она и привыкла, на всех не наобижаешься. Ей бы успеть распродаться, пока стоит поезд. Собрать денег на пальто. Это, что на ней, не только износилось, но и давно не по росту; просто удивительно, как она носила его до сих пор.

Увлекшись, Антоша даже не слышит гудка. Лязгает автосцепка, поезд трогается. Застрявшие возле ларька пассажиры бегут вдогонку, вскакивают на подножки.

Пограничник, высунувшись в окно чуть не

до пояса, машет Антоше фуражкой. На руке у него синеет нарядный, распустивший паруса кораблик.

— Эй... голубика! Приезжай к нам в Советскую гавань! С пирожками.

«Очень надо,— не отзываясь, думает Антоша и прикидывает, сколько пирожков удалось продать, правильно ли получены деньги.— Всю жизнь мечтала!»

Фразу эту она подхватила у кого-то из проезжих и повторяет теперь когда надо и когда не надо. Мать всякий раз недоумевает, допытывается:

— О чем ты? Что всю жизнь?

А бабка смеется:

— Мелет, сама не знает. От городских, поди, переняла?

Антоша не считает себя ни городской, ни деревенской. Они живут в поселке при станции; мать дежурит на переезде.

А поезд — московский, до самого Владивостока. Синие запыленные вагоны мелькают один за другим, опахивая Антошу ветром дальних дорог, пространств, неизъяснимой грустью.

«Хоть бы одним глазком глянуть, что это за Владивосток, Советская Гавань? — мечтает она.— А то проживешь тут всю жизнь и ничего не увидишь, кроме дальних поездов да сутолоки!»

Выручка оказывается совсем небольшой: всего двенадцать рублей, да и то один с оторванным краем. Не разглядела, видно, в спешке.

Следующий поезд теперь только вечером. Придется ставить пирожки в печурку, чтобы не задеревенели, а то не продашь, как ни расхваливай.

Прикрыв миску рушником, Антоша провожает тающий паровозный дымок тоскующе-озабоченными глазами. Красный сигнал светофора сменяется желтым, потом — зеленым.

На перроне безлюдно. Ветер шевелит оставшиеся бумажки от конфет, мусор; воробьи, попрыгивая, подбирают не то хлебные крошки, не то просыпанное зерно.

Из дежурки доносится требовательно-грубоватый голос диспетчера, перезванивание аппаратов. Буфетчица Нонна, торговавшая пивом, выходит к кипятильнику мыть кружки, даже не закрыв замок, а только наложив пробой на ушко.

«Вот у кого выручка,—не без зависти отмечает Антоша.— Побольше моей, небось...»

Говорят, с каждой бочки пива буфетчица имеет рублей двадцать пять, тридцать прибыли. А сколько бочек у нее обернется, если есть пиво?

Но что-то возмущается в Антоше при мысли об этом. Не надо ей завидной колонковой шубы, в которой щеголяла нынешней зимой Нонна, не надо ничего. Насобирает она денег, съездит с матерью в Райчихинск и купит себе пальто — самое обыкновенное, взрослое, с цигейковым воротником и манжетами.

— Ну... частный сектор,— смешливо окликает ее Нонна.— Много наторговала?

— Не считала еще,— не признается Антоша.— А ты?

— Настоящий продавец, не считая, должен соображать, сколько у него выручки. Без ошибки!

Рот у нее, как у рыбы,— колечком, брови выщипаны в ниточку.

— Ты на платье себе чего набрала? В Приисковой?

Антоша отвечает не сразу, точно не понимает, о чем спрашивают. Лицо ее с неровными пятнами разгоревшегося румянца сурозит едва уловимая хмуринка.

— Ничего...

— А мне крепдешин глянулся,— облизывая губы и точно смакуя что-то, признается Нонна.— Сиреневый, в цветочках.

Ничем не поддерживая разговор, Антоша молчит. Давно ли они вместе учились, ездили в Приисковую, и, хоть дружить не дружили, казались товарками.

А Нонну словно распирает. Брякнув ведро с кружками на перрон, она изнеможенно вытирает локтем мокрый лоб.

— Вчера полярники ехали, с Чукотки. Ох, и деньжищ у них! И отпуску... на полгода, в Сочах...

Антоша по-прежнему безучастна.

— Пускай себе!

— Вот бы поехать! Один, отчаянный такой, пиво пьет, глазищами меня стрижет и вдруг предлагает: «Поедемте с нами, девушка. Здоровье,— говорит,— самое главное!»

— Не-ет, я скоро в Райчихинск поеду,— говорит Антоша.— В техникум.

— Не надоело учиться еще?

— Ну что ты!

— А мне осточертело. Рада-радешенька, что в ларек сюда дядя устроил.

Разговор явно не завязывается. Нет в нем ни сердечности, ни доверительной девичьей откровенности, а без них какой может быть у девчонок разговор?

Приоткрыв рушник, Нонна заглядывает в миску с пирожками. Губы шевелятся, точно ей не хватает воздуху.

— Остыли уже? Ты бы их яичным желтком смазала, сразу нарасхват пойдут!

— Куры не несутся,— вздыхает Антоша и предлагает: — Бери-бери, пробуй — и так вкусно.

Стоя на перроне, они молча съедают по пирожку, вытирают пальцы. А жизнь на станции идет своим чередом: звонят аппараты, дежурный ругает кого-то по телефону.

— Спасибо,— благодарит Нонна и, глянув на часы, спохватывается.— Пора кружки мыть! Скоро рабочая вертушка подойдет...

Подхватив ведро, она торопится к кипятильнику, а Антоша, постояв, подумав, не остаться ли, подождать поезд, отправляется домой. С вертушкой обычно ездят только железнодорожники, местные рабочие. Ее пирожки им не нужны: у каждого свои такие же, с голубикой, облепихой или черемухой.

Мальчишки, встретив за станцией, кричат ей на задиристом своем языке, понятном до конца разве только им одним:

Торгованил торгован,
ан в кармане — дырован...
Навarганил барыши —
одни медные гроши!

Антоша идет, не обращает на них внимания, вернее, делает вид. Тогда мальчишки пускаются в более откровенные объяснения:

Отсохнет рука,
лучше дай пирожка!

Бабка Иннокентьевна встречает ее на пороге. Фартук в муке, зубы подсинены голубикой.

— Распродалась, внученька?

— Как же! — с сердцем приоткрывает миску Антоша.— Гляди, больше половины назад принесла.

— Ох, ты господи! А я еще противень поставила.

Приманчивый вкус печеного теста перебивает все запахи и, наверно, слышен даже на улице, потому что воробьи слетаются к крыльцу и затевают веселую сумятоху. Выложив из миски непроданные пирожки, Антоша говорит:

— Хорошо бы их яичным желтком смазать. Сразу бы нарасхват пошли...

— Еще чего! — дивится Иннокентьевна.— Где они у нас, желтки да белки?

— А ты раздобудь! На продажу, не себе — повидней надо.

Иннокентьевна укрывает решето с пирожками скатеркой, сверху приваливает подушку. Затем снова гремит заслонкой, наливает Антоше из чугунка.

— Ешь да неси обед матери.

— Ой, я и забыла! — краснея, спохватывается та.— Собирай скорей, я сейчас...

Никто так не умеет варить картофельный с перловкой суп, как бабка. Заправлен он поджаренным сальцем, лучком и кажется настолько вкусным, что Антоша незаметно съедает налитую чуть не до краев миску. Ячная каша с маслом нравится ей не меньше. Запив ее чашкой топленого, с пенками, молока, она встает из-за стола, одевается.

Две кастрюльки, хлеб и бутылку с молоком бабка увязала в платок. Антоша не стала мешкать. Мать уж, поди, заждалась ее с обедом.

По дороге тянутся девчонки за облепихой. Корзинки надели на головы, ведра несут в руках.

— Айда с нами! — наперебой приглашают они Антошу.— Облепихи в Ежовом яру — страсть!

— Поздно уже,— отзывается она.— С утра бы надо было.

— А мы по второму разу уже...

— Айда!

Но Антоша только отмахивается:

— Да ну! Завтра сходим.

На переезде, как всегда, по-особому строго. Столбы, полосатые шлагбаумы, сигнальные фонари полны служебной значительности и необходимости. Мать, поджидающая поезд, кажется Антоше суровой и непререкаемой хозяйкой, которой подчиняются все по обе стороны железнодорожного полотна.

Грузовики, телеги, возы с сеном и дровами вытянулись вереницей. Переезд закрыт. Резкие, предупреждающие звонки будоражат тишь. Люди курят, перебрасываются короткими фразами, шуточками.

Мать в ватнике и сапогах, низко повязанная темным вдовьим платком, стоит на деревянном настиле, приготовив желтый, скрученный трубочкой флажок. Узкое ее лицо с плетенкой морщин и складочек озабоченно и хмуро, губы сжаты.

Раньше, когда был жив отец, она слыла самой словоохотливой, разбитной молодайкой в поселке. А теперь стала молчуньей-неулыбой — слова от нее не дождешься.

— Дочка, спроси-ка, скоро там? — окликают Антошу возчики-бородачи, загородившие возами с сеном всю дорогу.— До ночи закололило, что ль?

Чернявый парнишка-приискатель, незнакомый, должно быть, дальний, сидит в кабине грузовика со свертком в руках и вполголоса бубнит:

Поезда, поезда:
кто — на юг, кто — на север.
Дышит счастьем труда
к полотну подбегающий клевер.

«Чего это он? — дивится Антоша, невольно прыская со смеху.— Ровно припадочный... в рифму заговаривается!»

Она смотрит на него затуманенным взглядом, который явно ничего не значит для нее, и неожиданно трогает приискателя.

— Ого! Погоди-ка минутку,— просит он, бросив бормотать. И не успевает Антоша опомниться, выскакивает из кабины.— Ты чья такая тут, а?

Она останавливается, бестрепетно встречает его откровенной смешинкой.

— Мамкина.

— А зовут как?

— Антошей.

— Это за что ж тебя так... по-ребячьи? — подмигивает он.— Девчоночьего имени не нашлось?

— Да я все с ребятами — и в тайге и на поселке,— объясняет ни с того ни с сего Антоша.— Оттого и перекрестили...

— А меня Данилшей зззать,— говорит он и разворачивает, неожиданно показывает ей тускло посвечивающий, неровный голыш.— Гляди, эка находка! В разведочном шурфе подфартило.

— Что это? Камень?

— Хорош камень! Подержи-ка попробуй...

Он подает ей голыш, держа обеими руками. Антоша берет его и чуть не роняет.

— Ох ты, дикой! Неужто руда какая?

Счастливо играя серыми навыкате глазами, Данилша не может сдержать улыбки.

— Этой руде и цены нет.

— Золото?

— Ну, не все. Пополам с обманкой, может,— подтверждает он.— Но, правда, на самородок похож?

— Похож,—соглашается Антоша, хотя никогда до этого ни золота, ни самородков в глаза не видела.— Где ты его нашел?

— В тайге, за Онгузом. Геологи нашей бригаде там разведочный шурф задали.

— А куда везешь?

— В лабораторию, на анализ. Ежели подтвердится, ну тогда...

Он не договаривает, но Антоша и так понимает все. А вокруг уже стоят шоферы с ближних машин, возчики. Самородок идет из рук в руки.

— Загуляете вы теперь,— не без зависти вздыхает кто-то.— А тут крутишь-крутишь баранку, день и ночь... все без толку!

— До зимы нам гулять некогда,— возражает Данилша.— Подтвердится — прииск ставить будем, пласт разрабатывать.

Возчик пробует очистить самородок от приставшей породы.

— Верно, значит, золото и в грязи...

Завернув находку, Данилша хвастает:

— Мы свое зимой возьмем. Вернемся на Приисковую и загуляем. Каждой девчонке — по колечку!

— А ты не хвались,— смеется она.— Я еще маленькая...

— Я тоже,— подхватывает Данилша.— Мне еще до полста — четверть ста с хвостиком!

Оба чувствуют, что им необходимо поделиться многим, как будто они дружны с незапамятных времен и встретились после долгой разлуки. Но поезд обрушивается на переезд, как ураган, и с воем, грохотом, татаканьем гонит с полотна мелкие камешки и взвихренный песок.

Платформы с лесом, кирпичом, какими-то машинами, вагоны, арбели, цистерны летят все быстрей, быстрей. Шоферы рассаживаются, заводят моторы. Переезд заволакивает синеватым удушливым дымком, от которого щиплет в носу, першит в горле.

Грузовик трогается с места, подтягиваясь к стоящим впереди. Поговорить уже не удастся. Данилша вскакивает в кабину, роняя негромко и многозначительно:

— До свидания, Антоша!

— До свидания,— обещающе отвечает она и, стараясь не расплескать того, что в душе, идет к будке.

Звонки обрываются. Мать прячет флажок, поднимает шлагбаумы. Машины и телеги устремляются через переезд, по выбитому настилу, торопясь наверстать потерянное время...

Проезжают бородачи-возчики, кивая сторожихе:

— Счастливо хозяиновать, Денисовна!

— Будь здорова...

Проезжает приискательский грузовик. Данилша выразительно глядит на девушку и едва слышно бубнит:

Подожди, подожди,
не гони меня, дикая сила.
Все равно впереди...

Мать недовольно оглядывается, обрывает:

— Езжай, езжай! — И, словно удивляясь, спрашивает у Антоши: — Это он... тебе?

— Мне,— потерянно признается та.— Ешь, простынет все...

— А что болмочет? Прямо по-индюшиному.

— Стишки в рифму.

Они идут в будку, где из окон в обе стороны видна убегающая вдаль железная дорога, вытирают стол. Антоша развязывает узелок и, пока мать моет руки, скучающе оглядывает вделанные в рамку, под стекло, правила технической эксплуатации, огнетушитель, фонари, метлы, лопаты. Все это знакомо ей не первый день.

«Интересно, где мне придется быть ну хотя бы через месяц? Двенадцатого сентября? — думает она.— В Райчихинске? В техникуме? Или...»

— Рано тебе с парнями,— замечает мать, садясь к столу.— Нахороводишься еще... успеешь!

Дома она во всем подчиняется бабке Иннокентьевне, жалуется на усталость, на ломоту в руках, а здесь — совсем другая, хозяйка. Попробуй кто-нибудь не послушаться, нарушить «Правила» на переезде, узнает, почем сотня гребешков.

И, невольно покоряясь, Антоша перевязывает платок по-девчоночьи, поддакивает:

— Конечно, рано. Успею еще.

— Как будто проехали! Выдь, опусти шлагбаум,— приказывает мать, принимаясь за еду.— Гляди-ка, бабка и кашей побаловала!

Когда Антоша возвращается, мать допивает молоко. Вытерев вспотевшее лицо, собирает посуду.

— С пирожками к приморскому ходила?

— Ходила... Припозднилась. Поезд прибыл, а у бабки еще противень в печи.

Мать сгребла ладонью крошки со стола, связала узелок.

— Вечером к хабаровскому схожу,— пообещала Антоша.— Распродамся!

Осень глядит осенью и на железной дороге. Обступившие ее лиственницы теплятся, как золотые, торжественные свечи. Листва перемечает полотно. Красногрудые корольки и синицы окликают ушедшее лето беззаботным цвиньканьем и свистом.

— Достать бы яиц,— вспоминает Антоша.— Желтком пирожки смазать...

— Зачем?

— Нонка говорит: «Сразу бы видней стали. Нарасхват!»

Мать неожиданно сердится. Темные пятна появляются на ее щеках.

— Пускай лучше в ларьке у себя командует!

— Ларек тут ни при чем.

— Мы в ее дела нос не суем. Как она там... не мешаемся.

Антоша берет узелок, идет к двери. Непонятно, почему бабка и мать не хотят сделать так, как подсказывает Нонна.

— Если ладно советуют, можно бы прислушаться.

Мать надевает ватник, засовывает за пояс флажки. Сигнал, возвещающий о приближении поезда, заставляет вздрогнуть Антошу.

— Так, хоть и назавтра не черствеют, ежели не продашь,— поясняет наконец мать.— А смазанные, да еще желтком, они как железные станут.— И, суровея снова, выглядывает в окно, не показался ли вдали поезд.— Иди-иди да помоги бабке белье гладить!

Антоша выходит из будки, останавливается. Мать по-хозяйски оглядывает переезд, шлагбаумы и вынимает флажок из чехла.

— Во-он он,— роняет мать.— Идет!

Напрягаясь до боли в глазах, Антоша глядит вдаль, откуда должен появиться поезд, но ничего не видит. Голубое и желтое сливается там в едва различимое, дрожащее марево, пронизанное солнечными искрами. А поезда нет и не видно.

Наконец далеко-далеко, в сияющем, светло-золотом просвете лиственниц, появляется белый одуванчик паровозного дыма. Он летит, разрастается, заполняя просеку, и, не успевает Антоша опомниться, оказывается уже совсем близко.

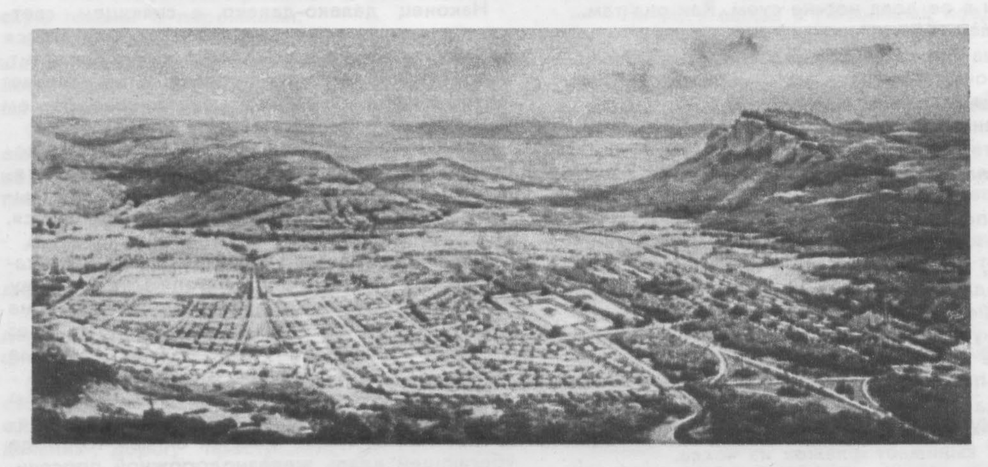
Рельсы подрагивают, словно оживают, готовятся принять стремительно налетающую тяжесть паровоза. Мать выпрямляется, вскидывает руку; флажок вспугнутой птицей бьется, трепещет над ее головой.

Поезд проносится и исчезает, даже не останавливаясь на станции. Торопясь в Москву, едущие не замечают, наверно, ни будки на переезде, ни сторожихи с дочерью возле нее; а машинист знай себе гудит и гудит, окликая тайгу.

Многое бы Антоша дала сейчас, лишь бы вообразить, представить себе, что там, впереди? Жизнь, будущее кажутся ей чем-то вроде убегающей вдаль железнодорожной просеки, по которой пролетел и скрылся поезд. Но сколько ни вглядывайся, ничего не видно, кроме пронизанного солнцем голубого и желтого марева.

Современный город в джунглях

Так будет выглядеть город в джунглях.

Большие работы по проектированию металлургических и рудных предприятий, строящихся в Индии, выполняют ленинградские инженеры. На днях в Ленинград возвратился начальник архитектурно-строительного отдела института «Промстройпроект» Г. Я. Бадалян. Под его руководством выполнена генеральная планировка большого современного города в джунглях для рабочих и служащих рудника Раджара.

В живописной местности, у подножия горы, проложат прямые, как стрелы, улицы, застроенные коттеджами, окруженные садами. На главной площади поднимутся здания муниципалитета, почты, телеграфа. Посреди площади намечено воздвигнуть памятник Ганди. В городе индийских горняков будут школы, скверы, кинотеатры, отель, водный бассейн, стадион, большой благоустроенный рынок, вокзал. Джунгли впервые огласятся свистками паровозов, которые помчатся по новой железнодорожной магистрали, прокладываемой от металлургического комбината Бхилаи к новому городу.

К. ЧЕРЕВКОВ

Находки на озере Севан

Скульптура X—XI веков до нашей эры.

С помощью вод высокогорного озера Севан, как известно, приводятся теперь в движение турбины электростанций. В связи с этим уровень озера понизился и солнечный свет проник в места, веками погребенные под водой.

Обнаружились ценные археологические памятники разных периодов, в том числе и конца второго тысячелетия до нашей эры. Недалеко от прибрежного села Лчашен археологами выявлены развалины городища. На камне клинообразная надпись, сделанная урартским царем Аргишти I: «...завоевал я страну города Киехуни, дошел я до города Иштикуни...»

По предположению археологов, эти развалины и являются остатками «города Иштикуних», который когда-то был затоплен водами Севана.

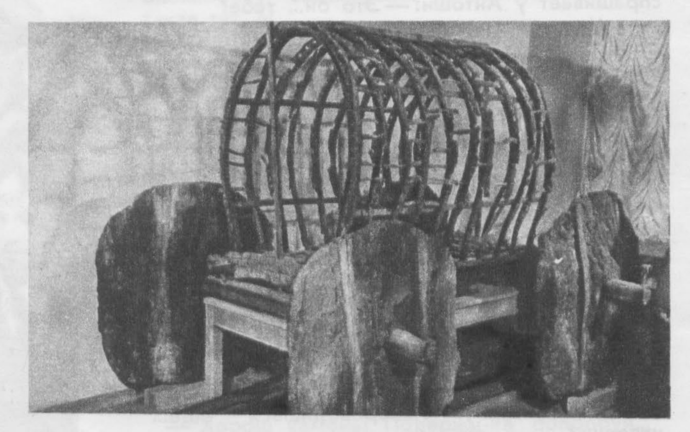
Обнаружены два кургана, относящиеся приблизительно к XI веку до нашей эры. При раскопках археологи нашли остатки искусно сотканной шерстяной одежды, топоры, медные котлы, меч, трезубец, кинжалы в покрытых тонкой резьбой ножнах, золотые бусы.

На бывшем острове, который в результате снижения уровня воды стал теперь полуостровом, обнаружены развалины древней крепости.

В числе находок археологов привлекают внимание 8 больших деревянных повозок, боевая колесница, разновидности золотых украшений, изготовленных местными мастерами в XI веке до нашей эры. Найдена глиняная посуда, покрашенная красной и белой красками, которые до сих пор, по прошествии более трех тысяч лет, сохранили свежесть цвета.

Раскопки ведет экспедиция Государственного исторического музея Академии наук Армянской ССР под руководством кандидата исторических наук А. Мнацаканяна.

С. МОВСИСЯН

Повозка (после частичной реставрации).

Фото Р. Геворкяна.

Знамя солидарности

На знамени горят золотом слова «Героическому пролетариату Шанхая и его профессиональным союзам».

Интересна история этого знамени, поступившего недавно в Музей революции СССР в Москве.

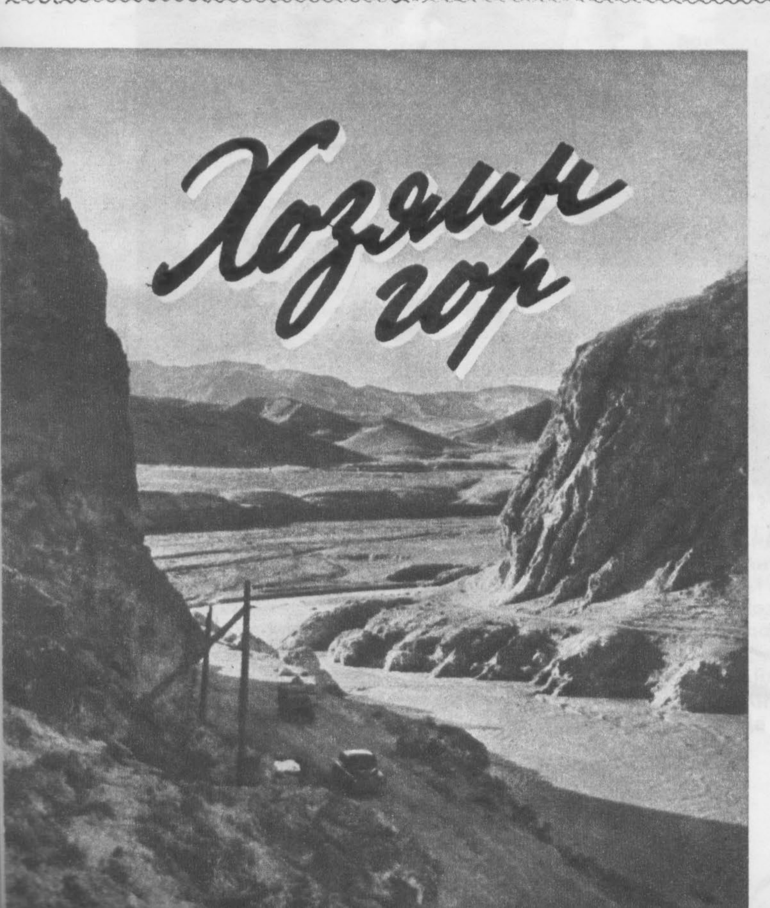
События, с которыми оно связано, происходили в 1927 году в Китае. Как известно, тогда рабочие Шанхая подняли вооруженное восстание. Милитаристы были изгнаны, и 22 марта в город вошли части национально-революционной армии.

В день освобождения Шанхая на улицах Москвы многотысячные демонстрации приветствовали китайских рабочих. Тогда-то и было изготовлено знамя московских профсоюзов с приветствием героическому пролетариату Шанхая. Однако контрреволюционный переворот, происшедший вскоре в Шанхае, помешал передать этот подарок.

Все эти годы знамя хранилось в Москве как реликвия пролетарской солидарности.

И. ЛУПАЛО,
В. ДЕВЯТОВ

Хозяин гор

← Дорога к Ак-Рабату.

На Большом узбекском тракте, над перевалом Ак-Рабат, носились ветры. Они словно срывались с вершин, набирая силу где-то в туманной от мороза вышине, потом мчались вниз, обрушивались на горный лес, ломали осыпанные снегом ветви. На тракте то и дело вздымались снежные вихревые столбы, оставляя после себя глубокие сугробы, засыпая каждую впадину. Машины, застигнутые в пути бураном, неуверенно пробивались вперед и наконец застывали, обессилев.

...Есть на Ак-Рабате небольшой домик. Слава о нем перешагнула перевалы, спустилась в долину, добежала до самых дальних кишлаков. Живет в этом домике Мингликул Хурамов — человек, известный в народе под прозвищем Хозяин гор.

Когда воют метели, когда все живое спешит спрятаться, укрыться в горы, на трассу дороги выходят шестеро. Впереди рослый, широкоплечий дорожный мастер Мингликул Хурамов. За ним — его сын Бегали, такой же статный, как отец, только чуточку поуже в плечах. Дальше движутся четверо друзей Бегали — ремонтники Худайберды Хаидов, Абдурахман Раджабов, Абдурахман Таиров, Ташкул Чаршамбаев. Дорожники идут посмотреть, не застряла ли где-нибудь машина, послушать, не раздастся ли из-под сугробов стон...

Однажды на тракте произошло событие, обычное для здешних мест: у трехтонной машины отказало рулевое управление и она покатилась в ущелье. Но спуск неожиданно оказался отлогим, и, пробежав с головокружительной быстротой десятки метров, грузовик, привалив к стене утеса, остановился на узкой горной площадке, у края пропасти. Шофер и экспедитор осторожно вылезли из кабины, закрепили задние и передние колеса большими камнями. Пока еще не остыл мотор, шофер стал подавать короткие тревожные гудки.

Замерзшие, голодные люди кое-как заткнули тряпками разбитое во время аварии стекло, прижались друг к другу и терпеливо ждали. Потом остыл мотор, замолчал охрипший гудок. Ветер вырвал жалкие тряпки из окна, в кабину полетели жесткие снежные хлопья. Сначала они таяли на теплых людских лицах, но потом начали неотвратимо засыпать кабину, обдавая ледяным холодом.

А в это время наверху шестеро дорожников с шахтерскими фонарями и веревками на плечах метр за метром проверяли дорогу.

— Машина была здесь! — уверенно сказал Хурамов.

Несколько минут все молча стояли на краю дороги. Казалось, все ясно: машина сорвалась вниз. Что могут сделать они, шестеро? Надо возвращаться за помощью. Разве есть сейчас смысл искать людей, рискуя собственной жизнью? В таких случаях только мертвецов можно обнаружить в глубоком ущелье...

Но Хозяин гор — Хурамов — не привык так рассуждать. Он повернулся к сыну и скомандовал:

— Быстрей!

Бегали снял с плеч широкую, длинную веревку, обвязал ею отца. Веревка опоясала стан Хурамова, легла лямками через его плечи. Молодые ремонтники встали на краю дороги и, когда Хурамов подал сигнал, медленно начали опускать его вниз.

Минуты казались людям вечностью. Все ниже и ниже спускался Хурамов, и веревка натягивалась, как струна. Вдруг, дрогнув, она ослабела, и все молча насторожились.

Потом веревку нетерпеливо задергали снизу, и тогда юноши начали быстро тянуть

Гостеприимная тележка

Это вполне самостоятельная машина — самоходное шасси, или, как его еще называют, самоходная тележка.

Создана она работниками конструкторского бюро по самоходным комбайнам в Таганроге.

Уборка хлеба длится всего 8—10 дней. Отработал комбайн эти горячие денечки, а потом на отдых. А как необходимы мотор, ходовая часть для других работ!

И вот самоходное шасси вполне разрешает эту проблему. Благодаря ему комбайн делится на две части: навесной комбайн и тележку.

Когда окончена уборка, на шасси можно навесить кукурузный или силосный комбайн. Самоходная тележка весьма «гостеприимна». На нее могут быть навешены и другие сельскохозяйственные машины, а также саморазгружающийся кузов грузоподъемностью в три тонны.

Н. ТАРАСЕНКОВА
Фото Р. Лихач.

ПАМЯТНИК РУССКИМ СОЛДАТАМ В ГРЕЦИИ

В адрес недавно созданного в Советском Союзе общества «СССР — Греция» пришло письмо из Чувашии от В. П. Порфирьева, ветерана первой мировой войны, служившего в свое время в Русском экспедиционном корпусе в Греции. Он просил узнать, сохранился ли в Греции памятник русским солдатам, павшим во время первой мировой войны на македонской земле, близ города Салоник.

На этот вопрос нам ответил врач салоникской больницы А. Тантанасис.

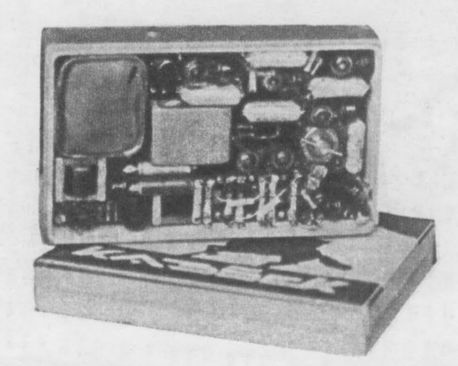
«Я нашел памятник,— пишет он,— недалеко от дороги, которая ведет от Салоник в Килкис. Он находится на вершине холмика в 150—200 метрах от железной дороги. Минутой молчания мы почтили память русских солдат, павших за родину. Потом я сфотографировал памятник».

Радио — в папиросной коробке

Перед нами изящный серебристый ящичек из пластмассы. Щелчок рычажка — и из тонких прорезей в крышке раздаются звуки всем знакомой грузинской мелодии «Сулико». Так называется и новый карманный радиоприемник. Он сконструирован тбилисскими инженерами и техниками — Г. Мусхелишвили, А. Элнашвили, Г. Хундадзе и Ю. Закоморным. Приемник работает от миниатюрной батарейки на длинных и средних волнах, принимает до двенадцати станций. Направленная антенна устроена в его крышке. «Сулико», как видно на снимке, не превышает по размерам папиросной коробки. Это достигнуто благодаря применению полупроводников.

Производство новых приемников будет освоено на заводе «Радиотехника», который выпускал до сих пор обыкновенные громкоговорители.

В. КРУПИН

Радиоприемник «Сулико».

ее вверх. Им показалось странным, что груз внизу стал почему-то тяжелее.

Но вот у края дороги появился силуэт человека.

— Отец?! — воскликнул Бегали и в изумлении отступил. В теплой куртке отца, в его меховом шлеме кто-то другой: лицо мертвенно-бледно, дыхание с хрипом вырывается изо рта. Два ремонтника, торопливо отвязав веревку, наклонились над незнакомцем, влили в рот ему спирт из фляги и ловкими движениями начали растирать замерзшее тело. Трое остальных снова спустили веревку. Она вернулась еще быстрее, доставив из пропасти второго незнакомца. А первый спасенный в это время уже пришел в сознание.

— Это как в сказке! — шептал он.— Откуда вы, друзья?

Вот и в третий раз опущена и поднята веревка. В одной байковой куртке, без шапки появился на краю дороги Хурамов.

— Теперь скорее к нам домой! — скомандовал он.

Жена Мингликула не спит. Широко распахнула она двери перед гостями. На полу разостлан дастархан — узбекская скатерть, дымится ароматная шурта — наваристый, жирный суп.

А утром к домику Хурамова приходит машина с дорожной станции. Свалившийся грузовик, чудом застрявший на горной площадке, вытаскивают, ремонтируют, и он продолжает свой путь к Ташкенту по Большому узбекскому тракту.

Ночью, когда вновь разыграется буран, Хозяин гор со своими помощниками снова выйдет на трассу.

Ирина ВОЛК
Фото Г. Зельмы.

Дорожный мастер Мингликул Хурамов и его сын Бегали.

Интервью «Огонька»

ХОРОШЕЕТ НАША СТОЛИЦА

И. ЛОВЕЙКО, главный архитектор Москвы

Характерная особенность московского пейзажа: приземистые, ветхие строения — наследие прошлого — зажаты монументальными домами, возведенными в предвоенные и послевоенные годы. Придет пора, и бесследно исчезнут обреченные на слом эти «последние могикане» старой дворянско-купеческой Москвы. На месте их поднимутся светлые, многоэтажные корпуса.

На фотопанораме — вид Москвы из гостиницы «Украина». Это один из районов, в котором, выражаясь языком документов, осуществлена массовая застройка. Но никто из нас, архитекторов и строителей, не назовет сейчас новым этот район, как и Песчаные улицы.

Новым теперь мы называем Юго-Западный район столицы. На Ленинских горах, по обе стороны университета, поднялись, распространяясь вширь и вглубь, мощные жилые массивы. Лет пять назад на Юго-Западе высились лишь отдельные жилые блоки — первенцы, как их тогда называли. А ныне мы отчетливо представляем себе день завершения стройки всех тридцати кварталов района, предусмотренных проектом. Это два миллиона квадратных метров жилья!

На плане Юго-Запада бесчисленные переплетения линий, гирлянды кружков, шахматные доски квадратов. Всматриваясь в план, я различаю десятки и сотни уже заселенных корпусов, недавно открытый широкоэкранный кинотеатр, здания школ. Кстати, население Юго-Запада (включая Новые Черемушки) уже приближается к двумстам тысячам и увеличивается столь стремительно, что не хватает школ.

Пройдут годы, и за белокаменной громадой МГУ зашумит парк в четыреста гектаров. Среди деревьев поднимутся величественные сооружения нашей эпохи — Дворец Советов, Пантеон, монументальные общественные здания. Все они отмечены на плане.

На Ленинском проспекте строится крупный универмаг. Площадь его торговых залов достигнет семи тысяч квадратных метров. 400 с лишним продавцов займут места за прилавками.

На карте Москвы появились районы застройки, рядом с которыми и Юго-Западный скоро будет выглядеть едва ли не «стариком». Все чаще мелькают в газетных отчетах, слышатся на совещаниях названия «Волхонка — ЗИЛ», «Фили — Мазилово»,

Фото Е. УМНОВА.

«Верхние Мневники», «Кузьминки».

Там, на землях, лишь недавно включенных в границы города, развернется огромное строительство в последние годы шестой и в седьмой пятилетке.

Побывайте в районе Волхонка — ЗИЛ, расположенном южнее Варшавского шоссе, и вы вспомните «раннее детство» Юго-Запада, первый этап его становления. Все вокруг — строительная целина. Но ее освоение идет полным ходом.

Строительство в старом, традиционном понимании этого слова уступает место четкому, последовательному процессу сборки готовых узлов, сошедших с заводского конвейера. Из года в год совершенствуются типы домов, сооружаемых в Москве. В ближайшие месяцы в районе проспекта Мира, например, начнется сооружение двух первых «прокатных» домов: четырех- и пятиэтажного. Все основные железобетонные панели будут изготовлены на прокатном стане, созданном инженером Главмосстроя Н. Козловым.

В этих домах квартиры удобные, хорошо спланированные, высотой в 2,5 метра. Каждая квартира предназначена для одной семьи. Опыт многих зарубежных стран и передового отечественного строительства показывает, что такая высота вполне достаточна.

Высокую оценку на Всесоюзном совещании строителей заслужил крупнопанельный дом, построенный по проекту группы архитекторов и инженеров из 7-й магистральной мастерской «Моспроекта» во главе с В. Лагутенко. Особенность этой конструкции в том, что несущими являются не стены, а железобетонные межкомнатные и межквартирные перегородки. Вместо толстых наружных стен применены панели толщиной в 16 сантиметров. Такое здание весит втрое меньше кирпичного. Весной оно было заселено. Я спрашивал у жильцов: довольны ли они своими квартирами? И неизменно получал положительный ответ. В районе Хорошевского шоссе строится целый квартал домов подобной конструкции по модернизированному проекту.

Московские строители уверенно реализуют смелые, трудные замыслы реконструкции всех отраслей городского хозяйства. В 1958 году на жилищное строительство в Москве ассигновано около четырех с половиной миллиардов рублей. Эта цифра напоминает о необходимости строить быстрее, лучше и, главное, дешевле. В самом деле: средняя стоимость квадратного метра жилья в Москве пока составляет 1 750 рублей. А ведь подсчитано, что в «прокатном» и в новых крупнопанельных домах она со временем будет снижена до 1 000—1 300 рублей. Огромную экономию получит государство, когда будут внедрены прогрессивные методы домостроения.

Представьте себе путеводитель по Москве за 196... год. В списке достопримечательностей вы, бесспорно, найдете и Третьяковскую галерею — не в Лаврушинском переулке, а на Крымской набережной, и зону отдыха в Серебряном бору, и гребной канал в Татаровской пойме, и кинотеатр на 6 тысяч мест...

Не перечислить всего, о чем мы мечтаем. Но таков уж образ жизни советских людей: сегодняшняя мечта завтра становится явью.

Спектакль о воинах-героях

Сцена из 5-й картины. В плену. Сапер (заслуженный артист БССР П. Маркин), обращаясь к Громову (Ю. Власову): «Беги, сынок, беги... Скажи там: умер, мол, старый солдат, а Родину свою не предал...»

Фото В. Долькина.

Пять лет назад Брестский областной драматический театр имени Ленинского комсомола Белоруссии осуществил постановку пьесы К. Губаревича «Брестская крепость». Тогда со сцены впервые прозвучал рассказ о героях, державших до последнего человека оборону старой русской крепости. Спектакль этот и поныне держится в репертуаре театра, охотно посещается зрителями, а пьеса обошла многие театральные города страны.

Недавно Брестский театр вновь обратился к дням Великой Отечественной войны, поставив героическую драму С. Смирнова «Люди, которых я видел». Спектакль, действие которого происходит зимой 1944 года, прославляет боевую выдержку и мужество советских людей, одетых в солдатские и офицерские шинели. Сильной стороной спектакля (режиссер Е. Батурин) являются ярко и динамично поставленные массовые сцены.

С первых картин постановки зритель тепло встречает артистов: П. Маркина в роли безымянного сапера, спасающего ценой своей жизни товарища, М. Абрамова, исполняющего роль умного и волевого комфронта Русакова, Б. Уксусова, сыгравшего смекалистого солдата Гуляя так, что перед нашими глазами встает новый, своеобразный Василий Теркин, чем-то напоминающий героя поэмы Твардовского... Трудная роль досталась артисту Ю. Власову; он хорошо передает весь облик неуравновешенного и порывистого, необычайно смелого капитана Громова, который «любит поиграть со смертью». Успех спектакля в его верности жизненной правде.

Вс. ПИМЕНОВ

В ЧАСЫ ДОСУГА

Из дерева и шелка.

Квартира артиста напоминает музей. На столах, на полках и шкафах расставлено множество деревянных скульптур, на стенах развешаны рисунки... Автор этих произведений — народный артист РСФСР Сергей Владимирович Лукьянов. Образы, созданные замечательным актером в кино и в театре, широко известны нашим зрителям, но о его творчестве в изобразительном искусстве мало кто знает.

В одной из комнат актера висит затейливый китайский абажур с искусной деревянной резьбой и рисунками, символизирующими времена года. Этот абажур из дерева и шелка тоже выполнен Лукьяновым.

Сергей Владимирович увлекается художественной резьбой по дереву и в каждое произведение вкладывает много труда, выдумки, жизненных наблюдений и терпения.

Как-то Лукьянов решил вырезать из обыкновенного полена обезьяну, держащую в руках орех. Около четырех месяцев каждый свободный час трудился он над этой скульптурой. А когда фигура обезьяны была готова и оставалось только вырезать орех, полено раскололось: в дереве оказался сучок. Пришлось взяться за работу заново...

Из-под резца Сергея Лукьянова вышло немало своеобразных скульптур. Наиболее интересные из них — «Девушка в лодке», «Профиль Мефистофеля», «Голова бульдога», «Актриса с длинными волосами»...

На одном из стендов Центрального театрального музея имени Бахрушина внимание посетителей привлекает портрет Лукьянова в роли Егора Булычова, которого он так блестяще играл на сцене Государственного театра имени Евг. Вахтангова. Это... автопортрет.

Сергей Владимирович рассказывает:

— С детских лет меня тянуло к искусству — и к рисованию и к театру. Но о том, чтобы серьезно заняться ими, я как-то не думал. Девять лет проработал на шахте, был лампоносом и смазчиком вагонеток, выборщиком породы и откатчиком, плитовым и крепильщиком, коногоном и забойщиком...

В эти же годы стал посещать драматический кружок. В 1929 году мы ставили «Разлом». На спектакле присутствовали актеры украинского театра. Они предложили мне вступить в труппу. Это и определило мою судьбу как артиста.

Сейчас на сцене Московского Художественного театра я играю роль пастора в спектакле «Ученик дьявола» Б. Шоу, Лопахина в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». Продолжаю сниматься в кино — играю Пугачева в фильме «Капитанская дочка» по Пушкину.

Ан. ФИНОГЕНОВ

Фото Б. Рябинина.

Обезьяна с орехом.

Перемены

Казимир ЛИСОВСКИЙ

* * *

Уже над тайгою — весенние зори,
На север летят вереницы гусей.
И снова торопится к Карскому морю,
Ворочая льдины, старик Енисей.

Да полно, старик ли? Придумали тоже
Поэты эпитет истертый такой!
Я знаю: ты многих и многих моложе,
То нежный, то гневный, то добрый, то злой.

Я год или два не встречался с тобою,
Не видел твой дымчато-синий простор,
Но свежесть волны твоей, пену прибоя
Хранят еще губы мои до сих пор.

Старик ли? А как ты гремишь в непогоду,
А как ты бушуешь в порогах крутых,
Качаешь на вóлнах своих теплоходы,
Бросаешь от берега к берегу их!

Что ж, воля людская тверда и упорна,
И как бы ты ни был могуч, Енисей,
Но скоро, зажатый в ущелиях горных,
Ты хлынешь к плотине всей мощью своей.

Всегда беспокойный, всегда белопенный,
Ты светом мой край озаришь на века...
И, если старик ты, скажу откровенно:
Завидная молодость у старика!

ЧУЙСКИЙ ТРАКТ

С двух сторон обступают нас горы,
Дует ветер морозный в лицо.
Тракт, как птица, стремится в просторы,
То кружась, то свизаясь в кольцо.

Стой, шофер! Торопиться не надо.
Заглуши поскорее мотор.
Я хочу зачарованным взглядом
Лес окинуть, темнеющий рядом,
И зубцы голубеющих гор.

Дремлют сосны в снегу по колени,
Им тепло в этих сказочных снах!
И повсюду лиловые тени
На нетронуто-пышных снегах.

Тихо кедры стоят, индевея,
Голубую склоняя хвою...
Где я? В царстве лесном Берендея?
В заповедном каком-то краю?

Нет!.. В сугробах несмело ступая,
Крепким, хвойным настоем дыша,
Во владенья попал Сартакпая[1]...
Мир легенд и преданий Алтая,
Как полна здесь тобою душа!

Вижу пропастей черных оскалы,
Сизый мох на уступах крутых...
Неприступно-отвесные скалы,
Что таят они в недрах своих?

Кто их твердые толщи разбудит?
Знаю: снег лишь растает — и тут
Молодые упрямые люди
Вновь с киркáми своими пройдут.

Будут сечь их дожди, будет пищей
Хлеба черствый ломóть на троих.
Но, Алтай, они все же отыщут
Все ключи от твоих кладовых!

И тогда посильней Сартакпая
Эту тишь, что вокруг нас стоит,
Вдруг взорвет и расколет, сметая,
Властным взрывом своим аммонит.

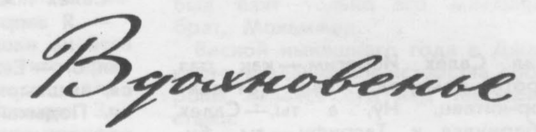
И со стадом взбираясь все выше,
Над волнáми Катуни-реки,
Улыбнется алтаец, услышав
В первый раз заводские гудки.

Так лети ж по хребтам, по отрогам,
Мимо тихих еще деревень,
Чуйский тракт — голубая дорога,
Устремленная в завтрашний день!

Новосибирск.

---

[1] Один из героев алтайского фольклора.

Вдохновенье

Павел ХАЛОВ

Отчего так светло и легко мне?
Оттого ль, что при свете огней —
На каком перекрестке, не помню —
Нынче девочка встретилась мне?

Лет четырнадцать было ей.
Валенки,
Расписные перчатки, платок.
А под мышкою сверточек маленький:
Видно, шла, торопясь, на каток.

И шаги ее в шорохах канули.
В снегопаде всего только раз
Так спокойно и коротко глянули
Голубые проталины глаз.

Словно всё, чем дышали и жили
Люди русской суровой земли,
В эти синие очи вложили,
В эту легкую поступь внесли.

Тут любого взяло бы сомненье:
Да земная ль у девочки мать?

Светлым именем бы —
Вдохновеньем —
Эту девочку надо назвать.

Подрастет,
Повзрослеет,
Полюбит...
И в одну из тяжелых минут
Сколько силы и мужества людям
Эти слабые руки вернут!

И, наверно, споткнувшись в проектах
И в сомненьях промучавшись год,
Красотой вдохновясь, архитектор
Ключ к решенью задачи найдет.
И в полете взволнованных линий
В плоть дворцов облекутся мечты...

Даже в памятнике героине
Ты увидишь ее черты.

Хабаровск.

Короткие стихи

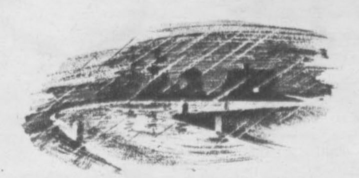
Сергей ОСТРОВОЙ

ОКНО

Затучило. Замглило. Задождило.
Шагнешь — и в темноте пойдешь нырять.
Луна в ту ночь совсем не выходила:
Она боялась небо потерять.

Смеялся дождь, прижав людей к воротам.
Ни зги вокруг. Ни отблеска. Темно.
И вдруг в конце шоссе, за поворотом,
Горячим светом вспыхнуло окно.

Метнулась тьма, разодранная в клочья.
И так легко, так ясно стало вдруг:
Живет земля! И для идущих ночью
Свет зажигает Неизвестный Друг!

ВСАДНИК

Он ранним утром смотрит с мóста,
Распахнут мир во все концы...
Кто вам сказал, что это просто —
Схватить стремнину под уздцы?

А он схватил! Не лошадь — реку!
Надел бетонное седло
И поскакал навстречу веку...

Вот почему тебе светло!

Родина

Иван КАШПУРОВ

С этим словом мне всегда рисуется
ясень у горбатого крыльца,
гуси косолапые на улицах
и поля без края и конца.

Голуби под свист задорный делают
над садами плавный разворот.
Нам, ребятам, яблоки неспелые,
нагибаясь, ветка подает...

Дед Кузьмич с дубинкою кизиловой
гонит стадо к Михневой горе...
А в яру, заросшем девясилами,
я ищу картинки в букваре.

Сенокос.
Костер.
Толкуют бороды.
Кони щиплют сочную траву...

Это все мне с детства очень дорого,
это все я Родиной зову.
С этим словом мне всегда рисуется
ясень у горбатого крыльца,
палисадник,
дремлющая улица
и поля без края и конца!

Ставрополь.

Надписи «Долой СЕАТО» возле резиденции американского посла в Джакарте.

ИНДОНЕЗИЯ ВЕСНОЙ 1958 ГОДА

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Историю событий, происшедших в Индонезии весной нынешнего года, пожалуй, можно проследить со дня зарождения независимой Индонезийской республики — с 17 августа 1945 года. Это история тайных сговоров и открытой войны международного империализма, в частности американского, английского и голландского, против молодого государства. Но наш рассказ мы начнем с трагического субботнего вечера 30 ноября 1957 года.

Улица Чикини Райя, 76

В Джакарте темнеет рано и быстро. Едва успел расплющенный медный диск солнца, как монета в копилку, опуститься в щель между небом и горизонтом — уже пора зажигать электрический свет. Из окон дома № 18 по улице Ганг Амфиум видны теперь только беснующиеся где-то вдали неоновые буквы рекламы «Филипс».

Трое сидят в темноте, не зажигая огня. Нет, они не волнуются, но так как-то спокойнее. Ожидание длится долго. Наконец, запыхавшись, вбежал Вахаб Пене. Он сел на стул, отдышался и только после этого сообщил: да, **тот** будет на празднике, часов в девять, наверное. Юсуф Исмаил посмотрел на часы — ровно семь. Осталось два часа, надо спешить.

Торговец Пене вышел первым и пропал в темноте. Затем поодиночке дом Юсуфа покинули трое: сам хозяин, Саадон бин Мухаммед и Тасриф бин Хусейн. До Салеха Ибрагима они добрались быстро — тот жил на Амфиум, 21А. Салех, как всегда, говорил быстро и четко, тоном, не терпящим возражений.

— Ты,— он кивнул Юсуфу,— встанешь с южной стороны здания, там, где выход. Помнишь?

— Да,— ответил Юсуф спокойно.

Среди троих он был самый старший — 24 года. Небольшая бородка и усы делали его похожим на араба.

— Саадон — на противоположной, северной стороне,— продолжал Салех Ибрагим,— как раз против дома, где живет этот доктор-китаец. Ну, а ты,— Салех обернулся к Тасрифу,— ты будешь стоять на тротуаре прямо у фасада школы. Ясно?

Трое молча кивнули.

— Мохаммед! — громко позвал Салех. Вошел его брат, низенький медлительный увалень. Мохаммед не был членом их организации, но выполнял поручения старшего брата, который держал парня в постоянном страхе.

— Неси,— приказал Салех Ибрагим.

Мохаммед ушел и через несколько минут вернулся с большим глиняным горшком — в таких обычно варят рис. К глиняным стенкам прилипли комья земли — Мохаммед хранил сосуд в яме. Парень опустил ношу на пол и стал медленно и осторожно вынимать из горшка гранаты. Их было девять.

— Возьмете шесть. По две на каждого. Хватит,— произнес Салех.

Мохаммед вручил каждому по две, а три оставшиеся снова спрятал.

— Будете действовать так,— продолжал инструктировать Салех.— Не спешите. Ждите, когда он начнет прощаться. Как только направится к машине, ты, Юсуф, бросишь первую. Повторяю, не спеши, меть в ноги. Мы не должны промахнуться на этот раз. Но на всякий случай сразу после Юсуфа бросайте остальные, чтобы наверняка. Не раньше. Вам ясно?

— Но его, наверное, будут провожать,— раздался от дверей испуганный голос Мохаммеда.— Там будут дети, много детей!

Салех посерел от злости.

— Я запретил тебе присутствовать на наших совещаниях,— сказал он.— Если еще раз повторится, вышвырну из дома, как собаку. Подыхай с голоду на улице, хоть ты и мой брат!

Мохаммед поспешно вышел, неловко прижимая к животу глиняный горшок. Но трое смотрели на Салеха вопросительно. Надо было ответить.

— Над нами аллах,— произнес Салех, поднимая руки кверху.— Никто в мире не рождается и не умирает без его воли. Если кому-нибудь предначертано погибнуть сегодня вечером, вы здесь ни при чем. Это судьба.

Салех сделал выразительную паузу и затем снова заговорил деловым тоном:

— Ну, теперь скорее. Осталось совсем мало времени. Будем надеяться, что эта третья наша попытка закончится успешно. Полковник Лубис останется доволен. С вами аллах...

Трое поочередно вышли на улицу. В темноте не было заметно, как неестественно оттопыриваются карманы их брюк...

В тот субботний вечер началь-

ная школа Чикини, находящаяся на улице Чикини Райя, 76, отмечала пятилетний юбилей своего существования. Устроители праздника ожидали в гости многих известных и уважаемых людей Джакарты, в том числе и президента Сукарно.

Из свидетельских показаний президента Сукарно, представленных в письменном виде суду над террористами

«...Во вторник, дня 25 марта, 1958 года, в 07.30, я, Д-р Сукарно, 56 лет, резиденция во дворце Мердека, сделал следующее заявление по поводу взрывов гранат, имевших место перед зданием начальной школы Чикини на улице Чикини Райя, 76, в Джакарте, 30 ноября 1957 года приблизительно в 21.00.

30 ноября 1957 года по приглашению комитета празднования пятой годовщины существования начальной школы Чикини я посетил торжество, устроенное в здании школы.

После того, как я пробыл на вечере некоторое время, я сообщил о моем намерении покинуть прием. Это было приблизительно в 20.55.

Около 21.00 я выходил из комнаты, где устраивался вечер, поздравляя членов комитета, прощаясь с людьми вокруг меня, а также с детьми, выстроившимися в мою честь шеренгой.

Когда я направлялся к своему автомобилю, сопровождаемый по левую сторону майором Сударто, моим адъютантом, а по правую сторону и сзади — членами комитета, я услышал взрыв слева от меня, за которым последовало еще несколько взрывов...»

...Юсуф не слышал, как разорвалась первая брошенная им граната. Он только заметил, что она упала метрах в пяти от президента, и сразу ударил в уши крик детей. «Никто не рождается и не умирает без его воли»,— вспомнил он и, выдернув скобу, бросил вторую гранату. Юсуф уже не целился, потому что фигура Сукарно куда-то исчезла. Сразу раздалось несколько взрывов — бросили свои гранаты Саадон и Тасриф. Юсуф повернулся и тихонько побежал. В панике и неразберихе, видимо, никто не обратил на него внимания.

...В первое мгновение майор Сударто не сообразил, что произошло. Но замешательство длилось только одно мгновение. Закричали дети, и в мозгу пронеслось: «Гранаты». Он резко толкнул президента в сторону от взрыва, увлек его за машину и заставил лечь. Раздался второй и сразу третий взрывы. Сударто почувствовал боль в ноге, но он снова бросился к Сукарно, перебежал вместе с ним на другую сторону улицы и скрыл его за стоявшим в подъезде дома большим шкафом.

«...Я ждал там некоторое время, — продолжает президент свое свидетельское показание, — *пока меня не информировал мой адъютант, что можно двигаться во дворец.*

Приблизительно в 22.10, сопровождаемый майором Сударто и охраной, я подошел к машине адъютанта (автомобиль президента был поврежден взрывами.— *Г. Б.*) *и возвратился во дворец Мердека.*

Таково мое заявление, сделанное под присягой в соответствии с истиной. Оно может быть использовано, когда потребуется.

...Я закончил и подписал это заявление в Джакарте, марта 25 дня, 1958 года.

Президент
Республики Индонезии
Сукарно».

Благодаря случаю и находчивости майора Сударто президент Индонезии остался жив. Но осколки гранат принесли смерть девяти участникам школьного праздника. Трое из погибших — дети до десяти лет. Сорок пять человек было тяжело ранено. Возмущение прокатилось по стране. Индонезийцы требовали строгого суда над преступниками. Юсуф Исмаил, Саадон бин Мухаммед и Тасриф бин Хусейн были арестованы через несколько дней после покушения. Салеху Ибрагиму удалось скрыться. В доме 21А по улице Амфиум был взят только его младший брат, Мохаммед.

Весной нынешнего года в Джакарте, в здании министерства обороны, начался суд над террористами.

Из протокола суда

...Судья. Почему президент Сукарно был избран жертвой покушения?

Тасриф. Сукарно должен быть ликвидирован... У него очень большой авторитет.

...Защитник. С каких пор вы начали заниматься политикой?

Саадон. С 1956 года, когда примкнул к движению мусульманской молодежи, а затем к организации «движение Лубиса», где проходил политическое и религиозное обучение под руководством Салеха Ибрагима и полковника Зулкифли Лубиса.

Защитник. Какого рода политику вы изучали?

Саадон. Политику борьбы с коммунизмом и создания федерального государства...

Все подсудимые признали, что организация «движение Лубиса», членами которой они являлись, имела «черный список» лиц, чье убийство намечалось. Кроме президента, туда входили начальник генерального штаба вооруженных сил республики, начальник гарнизона Джакарты, министры правительства.

— Где находится штаб движения Лубиса? — спросил судья.

— На Суматре,— ответил Юсуф Исмаил.

Следствие и суд, к материалам которых мы еще вернемся, показали, что от покушения на Чикини прямая нить ведет к заговору на Центральной Суматре. События там развернулись всего через два с небольшим месяца после того, как трое бросили свои гранаты у школы. Теперь заговорщики решили действовать другими методами. Пятнадцатого февраля этого года они объявили о создании на Суматре так называемого революционного правительства Индонезии. Событие это было бы не столь серьезным, если бы в подчинении мятежников не находились довольно крупные воинские части, дислоцированные на Суматре, и если бы за спиной «революционного правительства» не стояли «некоторые иностранные державы». Создалось опасное для страны положение. Начались военные действия.

Серых гонят в Сингапур

Самолет, летящий в Джакарту, наполовину пуст. Впереди сидит лысый худой священник в черной сутане. На лице аскета — огромные роговые очки стиля модерн. Белоснежные манжеты. Холеные руки. Он листает «Тайм». На кожаном бауле, который стоит в ногах, бирка «Д. В. Клаас, Джакарта». Как видно, духовный отец спешит в Индонезию помочь пастве, ввергнутой в лоно войны.

Сосед мой, совсем молодой индонезиец, тоже летит в Джакарту. Анди — студент. Учится в Гамбурге. «В такое время, когда в стране льется кровь, я не могу быть вдали от родины»,— говорит он несколько торжественно. У Анди тонкое, почти девичье лицо, застенчивая улыбка и порывистые мальчишечьи движения. Чтобы выглядеть солиднее, он курит сигару и старается говорить медленнее.

Анди прочитал уже все имеющиеся в нашем салоне газеты и журналы на немецком и английском языках. Сейчас он снова их просматривает: не пропустил ли что-нибудь об Индонезии?

— Вы взгляните,— горячится Анди,— так много материалов о событиях на Суматре, и ни одного с правительственной стороны!

Действительно, все западные издания публикуют репортажи своих корреспондентов, находящихся на Центральной Суматре, среди мятежников. Интервью с главой «революционного правительства» Шафруддином, интервью с Хусейном, с Джамбеком, с Симболоном. Главари мятежников должны бодрствовать двадцать четыре часа в сутки, чтобы успевать дать такое количество интервью западным и особенно американским корреспондентам. «Наши доблестные революционные войска...», «Мы не отступим с наших позиций и от наших революционных принципов!..», «Западный мир не оставит нас без помощи!» И ни одна из газет даже не пытается скрыть надежды на скорую победу «революционного правительства» над «коммунистической Джакартой». Только самые дальновидные и умудренные опытом провалившихся интервенций настроены несколько скептически. «Слишком много музыки, слишком мало действий»,— с сожалением подписывает журнал «Тайм» фотографию, где изображен полковник Хусейн, произносящий очередную речь на очередном митинге

Джакарта живет спокойно.

в Паданге на Центральной Суматре.

— Как они могут?! Как они смеют?! — продолжает возмущаться молодой Анди, роняя пепел сигары в чашку с кофе.— Ведь это — прямое вмешательство! Они же натравливают!

Священник косится в нашу сторону, и тонкие его губы растягиваются в едва заметную усмешку.

В Риме в самолет садится группа индонезийцев — человек пять — шесть. Они располагаются в салоне первого класса. Стараются держаться вместе. Анди бросается к ним за новостями. Я вижу, как он разговаривает со стройным, спортивного вида человеком лет тридцати пяти. Тот сдержанно и, судя по выражению волевого лица, довольно сухо отвечает. Анди возвращается расстроенный.

— Мне трудно с ними разговаривать. Я не знаю их политических взглядов, а расспрашивать неудобно.

В Карачи, в зале ожидания аэровокзала, сидит с полсотни молодых людей в одинакового покроя серых костюмах, одинаковых, плохо повязанных серых галстуках, одинаковых грубых коричневых башмаках на резиновой подошве. У всех молодые прыщеватые лица семнадцати — восемнадцатилетних парней, стриженные «под бокс» могучие затылки. Они с самолета английской авиакомпании, который следует в Сингапур из Лондона. Затылки держатся группами, тихо переговариваются или прохаживаются по залу, держа руки по швам. Один из них сидит за столиком рядом со мной и тянет апельсиновый джус.

— Вы солдаты? — задаю я вопрос в лоб.

— Да,— растерявшись от неожиданности, отвечает парень в сером.

— Английские? Следуете в Сингапур?

— Да.— Парень смотрит обалдело, затем, сообразив, что сболтнул лишнее, встает поспешно и отходит к своим.

Стюардесса объявляет посадку на английский самолет. Серые костюмы, предводительствуемые командиром — человеком постарше и пожирнее, гурьбой двигаются к выходу.

Надо сказать, не часто приходится видеть солдат, перебрасываемых к месту назначения на самолетах крупнейшей международной авиакомпании. Ведь это очень дорого, да и небезопасно. Значит, требуется большая срочность. В Сингапур... Один из журналов, которые мы с Анди просматривали сегодня в самолете, поместил карту боевых действий на Центральной Суматре. От района расположения мятежников проведена пунктирная дорожка к крупнейшей английской военно-морской базе. В пояснении было сказано, что дорожка эта означает тесную связь между мятежным районом и «определенными кругами» в Сингапуре. Не удивительно: от Сингапура до Паданга каких-нибудь три часа лету на обычной транспортной машине. Вспомнились слова Хусейна: «Свободный мир не оставит нас без помощи».

Если не будет интервенции...

Джакарта обдает жаром экватора и горячим дыханием тревожных событий.

Отголоски боев докатываются до Джакарты криком мальчишек-газетчиков: «Последние новости с Суматры! Купите свежую газету!» — и бóльшим, чем обычно, числом военных в городе.

Правительственные войска высадили на Центральной Суматре авиадесанты и захватили город Паканбару — центр нефтяных разработок, ведущихся здесь американской компанией «Калтекс».

В министерстве информации открылась выставка американского вооружения, захваченного у мятежников. Вооружение новенькое, последнего образца. Выставлены и парашюты, на которых сбрасывались базуки, пулеметы, винтовки, автоматы, патроны с самолетов «неизвестной национальности».

Недалеко от министерства информации, где устроена выставка, находится USIS — Служба информации Соединенных Штатов. Возле входа в здание каждый день на тротуаре появляются надписи белой краской: «Долой американскую интервенцию в Индонезии! Долой СЕАТО! Руки прочь от Индонезии!». Кто-то стирает эти надписи, но они каждый день появляются опять. Я живу тут поблизости и часто вижу, как американцы — служащие ЮСИС — проходят по утрам к себе в офис, пытаясь не замечать огромных букв. Но рядом стоят водители беча — велосипедных колясок — и с удовольствием выкрикивают надписи вслух. Американцы втягивают головы в плечи.

Американцев в Джакарте не любят. Ежедневно из района боевых действий на Суматре приходят новые сообщения об американской помощи мятежникам. Работает, как видно, «пунктирная дорожка» от Сингапура, есть прочные связи с чанкайшистским Тайванем, есть много других, пока еще неизвестных широкой публике путей, по которым мятежники получают новейшее американское вооружение.

Чтобы как-то замести следы, на Западе вопят о «советском вмешательстве». В Джакартский порт пришли советские торговые корабли, купленные Индонезией в счет займа,— и вот вся буржуазная пресса трубит, что корабли эти военные, оснащены новейшим вооружением, чуть ли не эсминцы. Но обман не удается: советские торговые корабли стоят у причалов порта, на виду у всех.

Почти каждый день к резиденции американского посла Джонса приходят группы возмущенных студентов, рабочих, женщин, представителей общественных организаций требовать прекращения наглого вмешательства во внутренние дела Индонезии. Господин Джонс, как всякий американский посол, видимо, очень опытен в таких делах — ведь не первый раз американцы вмешиваются: были и Вьетнам, и Китай, и Корея. Поэтому поступает он в подобных случаях, с его точки зрения, довольно хитро: чтобы перевести возмущение в «камерные масштабы», принимает от демонстрантов делегации в пять — шесть человек, угощает их в своем особняке чаем, печеньем, сигаретами и произносит елейную речь о том, что и в Америке самое популярное слово — «свобода», что СЕАТО — это только оборонительная организация, и, боже упаси, никакого, конечно, вмешательства.

Но уловки эти не помогают. Возмущение растет.

В целом же Джакарта живет мирно и спокойно, уверенная в своей силе. Однако действия врагов здесь заметны даже невооруженному глазу. В столицу прибывает множество иностранных журналистов. Причем половина из них прилетает сюда из зоны действий мятежников. Побыв некоторое время в Джакарте, они снова через Сингапур отправляются на Центральную Суматру, где их с распростертыми объятиями встречают члены «революционного правительства».

В отеле, где я живу, обитает молодой американец, записанный в книге гостей как бизнесмен. По вечерам он собирает вокруг себя молодых индонезийцев и втолковывает им что-то насчет освободительной роли США в Юго-Восточной Азии. Несколько странное занятие для коммивояжера.

В крупных книжных магазинах кто-то старательно выставил на витринах портреты г-на Натсыра, лидера мусульманской партии Машуми, хотя всем известно, что Натсыр — знамя реакции и что он с самого начала мятежа скрылся из Джакарты, а теперь находится среди заговорщиков на Центральной Суматре.

В богатом особняке в аристократической части Джакарты живет один из лидеров христианской партии Паркиндо. Я беседовал с этим человеком, очень вежливым и обходительным. Он против нынешнего состава правительства — ну что ж, свобода политических взглядов. Он против внешней и внутренней политики этого правительства — ладно, таково право оппозиции. Но он открыто симпатизирует мятежникам, и становится ясно, что только сила обстоятельств заставляет его находиться в Джакарте, а не в их рядах. Если и это свобода политических взглядов, то что же тогда называется изменой родине?!

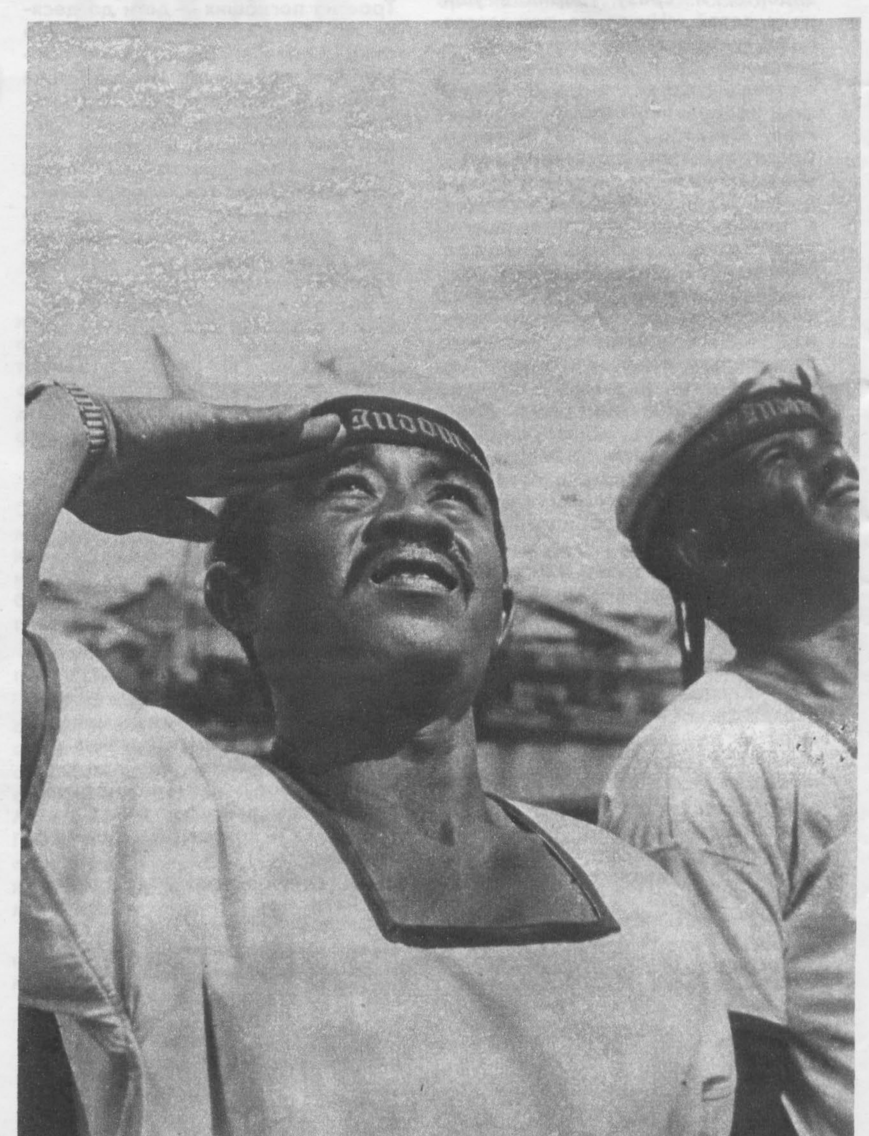
Обходительный господин говорил со мной довольно откровенно, даже кокетничал этой откровенностью. И только, прощаясь в великолепно обставленной гостиной, попросил не упоминать в печати его имени. «Пусть я останусь неизвестным,— сказал он, вежливо улыбаясь,— просто один из лидеров партии Паркиндо. Чтобы не было осложнений»...

Партий в Индонезии много. Много и газет разных политических направлений. Некоторые газеты пишут о событиях на Суматре как о гражданской войне, которая неизбежно продлится долгие годы. Другие сообщают на первой странице о разводе иранского шаха с шахиней, об убийстве дочерью американской кинозвезды ее любовника и о прочих подобных вещах, а где-то на задворках — о Суматре. Только две — три газеты трезво оценивают обстановку: да, положение серьезное, но мы справимся, если не будет иностранной интервенции А если произойдет интервенция, может начаться большая война.

Ваши документы...

...Двор, где помещаются служба информации вооруженных сил Республики Индонезии и еще несколько военных учреждений, очень оживлен. Ворота постоянно открыты: поминутно въезжают и выезжают машины с офицерами; на полной скорости носятся запыленные мотоциклисты, крест-накрест опоясанные белыми ремнями. У ворот — двое часовых. Рядом — бюро пропусков. Там за столом сидит толстый строгий

Передача советских торговых кораблей Индонезии. Равнение на флаг...

капрал. Он долго и внимательно рассматривает мой паспорт, проверяет, похож ли податель на свое изображение, и только после этого вручает анкету. Я должен ее заполнить. Так как вопросы в анкете на индонезийском языке, а капрал по-английски не говорит, то я наугад против каждой непонятной мне графы пишу ответ. Строгий капрал, к моему удивлению, удовлетворен.

Часовой долго изучает мой пропуск, и только после этого разрешает пройти. Позже я узнал, что пропуск сюда выписывают не только по паспорту, но и по корреспондентскому удостоверению. Если нет удостоверения, то выписывают просто так — со слов. Можно и вообще не выписывать: часовые проверяют документы только, когда они есть, а когда нет, впускают и выпускают так.

Майор Харсоно, официальный представитель армейской службы информации, сидит в небольшом кабинетике, уставленном шкафами и канцелярскими папками. Между папками — стальная каска.

— Да, вам не повезло,— приветливо говорит он.— Первая группа иностранных корреспондентов отбыла на Суматру, в город Паканбару, сегодня утром. Если бы вы прилетели в Джакарту двумя днями раньше, вас бы включили, и все было бы в порядке. Теперь только со второй группой... Когда? Неизвестно. Я думаю, что после окончательного подавления мятежа на Суматре, не раньше... Ведь если бы вы были один, а то в Джакарте пропасть корреспондентов, приходится заказывать целый самолет, а вы понимаете, что это сейчас трудно...

Во всяком случае, майор обещает обо всем доложить начальнику службы информации подполковнику Руди Пиргнади, когда тот вернется с Суматры.

— Когда я могу ждать результата?

— Если будет какая-нибудь возможность, вам позвонят...

Пропасть

В Джакарте действительно, как выразился майор Харсоно, пропасть иностранных корреспондентов. Особенно американских. Постоянных и временных, собственных и специальных — каких угодно. С некоторыми из них я познакомился однажды вечером, когда президент Сукарно выступал с речью перед студентами.

...Президент говорит спокойно, даже тихо, подкрепляя слова скупыми выразительными жестами. В каждой сказанной фразе — внутренняя страсть, взволнованность. Вдруг эта страсть раскрывается — президент бросает в зал несколько отточенных, резких, звенящих фраз, и внимательная тишина зала взрывается рукоплесканиями, смехом, криками радости или возмущения.

Вот президент гневно говорит об иностранной интервенции — зал гудит; Сукарно зло иронизирует над теми, кто надеется вернуть век колониализма,— зал смеется; оратор обрушивается на тех американских корреспондентов, которые распространяют по всему свету небылицы об Индонезии,— слушатели поворачивают головы к местам, где сидит пресса.

К моему плечу наклоняется Питер Калишер — корреспондент американской телевизионной компании «Коламбиа бродкастинг систем» — и шепчет:

— Какого черта он так длинно говорит? Я не понимаю ни одного слова.

Президент заканчивает выступление и, провожаемый бурными аплодисментами, сходит с трибуны. К нему подлетает Питер Калишер. Я слышу, как американский корреспондент выпаливает:

— Я восхищен, ваше превосходительство. Это одна из самых блестящих ваших речей! Шедевр!

Президент недовольно морщится.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов,— продолжает американец,— для моей телевизионной компании.

Президент вежливо отказывает и, сопровождаемый майором Сударто, проходит вперед.

...В этот вечер мы ужинаем вместе: Рихард Фрелек, корреспондент польского агентства печати, Питер Калишер, его напарник — огромного роста лысоватый кинооператор из той же телевизионной компании — и я. Оба американца приехали в Джакарту недавно, с самого начала военных действий они были аккредитованы при мятежниках в Паданге.

— Вот это была жизнь! — рассказывает Калишер по дороге в ресторан.— Я мог там взять в один день любое интервью: с премьер-министром, с начальником вооруженных сил, с начальником секретной службы — с кем угодно!..

— Только врать они здоровы,— мрачно замечает кинооператор.— Когда правительственные войска брали Паканбару, там был момент безвластия. Я сидел в те дни в одном из ресторанчиков Паканбару, дул пиво и слушал радио Паданга. «В Паканбару идет грандиозное сражение, сотни убитых, сотни раненых!» А там и боев-то никаких не было. Я же все видел.

К нашему столу присоединились еще несколько друзей Калишера и его напарника, в том числе супруга директора американской нефтяной компании «Калтекс» и австралийский журналист Хьюджес.

Пожилая жена директора компании изливала душу Фрелеку:

— Вы понимаете, в каком ужасном положении мы находимся?! Ведь мы не дети, мы понимаем: если победит центральное правительство, очень скоро мы потеряем наши концессии. Но если правительство Суматры будет оказывать сильное сопротивление, нас просто разрушат, и все. Ужасное положение! А ведь мы так много построили для индонезийцев на промыслах: госпитали, дома, школы...

Фрелек прищурился:

— Я так и думал, мадам, что «Калтекс» — это благотворительная организация, и ваша единственная цель — помогать сиротам и беднякам.

Мадам смущенно улыбнулась.

— Нет, конечно, кое-какие прибыли мы получаем.

— А что? — вызывающе произнес Питер Калишер.— Мы учим их жить, учим, как добывать деньги из их же собственного кармана...

— Их все равно ничему не научишь,— вступил в разговор огромный напарник Калишера, похожий больше на профессионального боксера.— Меня поселили здесь в отвратительной гостинице: уборные в коридоре. Я не признаю такой страны, которая не может обеспечить меня уборной в номере. Ненавижу Индонезию! Благодарю гóспода бога, что завтра сматываюсь отсюда! Все, я кончил.

— Мне кажется,— сказал я,— что только человек, занимающийся производством унитазов, может ставить свое отношение к стране в зависимость от состояния клозетов. Профессия же журналиста, кинооператора...

— Мой друг не совсем прав, конечно,— поспешил вступиться Калишер.— Он просто скучает по семье. Правда, старина?

— Правда,— мрачно процедил верзила.— Скучаю по семье.

— Бросьте ссориться,— заговорил толстый, румяный мистер Хьюджес, австралиец, живущий в Гонконге и представляющий в Индонезии одновременно несколько английских газет.— Я сюда приехал не из-за любви или нелюбви к этой стране, а потому, что все написанное отсюда сразу же опубликуют. И не изучать я приехал Индонезию. Я уже стар изучать. И я слишком много видел. Плевать мне на все...

Я вспомнил Анди, который пытался с помощью газет разобраться, что происходит на его родине. Бедный Анди...

На Суматру

Обещанный майором Харсоно звонок раздался только через месяц. К тому времени правительственные войска уже взяли город Паданг и двигались по направлению к последнему оплоту мятежников — их «столице» Букиттинги.

Телефон в моем номере зазвонил около полуночи.

— Завтра прйдет военный самолет в Паданг. Там будет место для вас. В пять утра вам надлежит быть на военно-воздушной базе Халим Прдана Кусума. Вы согласны?

— Конечно! Только как я доберусь туда?

— Это километров сорок от города. Возьмите такси.

— Такси?! На базу?!

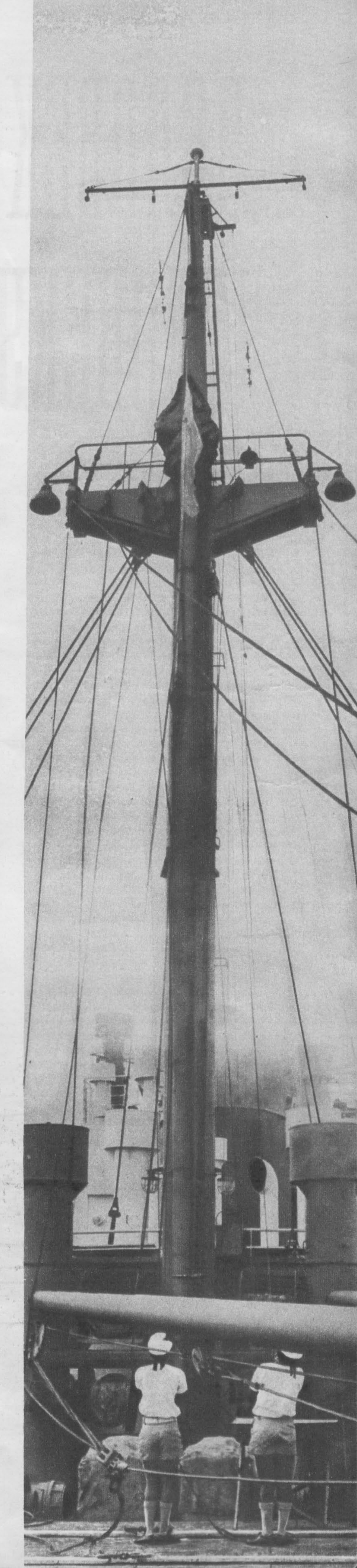
— Да, если шофер не знает названия, то дайте ему адрес. Запишите, я продиктую.

Но шофер такси, который заехал за мной в половине третьего утра, не нуждался в адресе.

— Халим Прдана Кусума? Так это же военно-воздушная база!— И он бодро тронул машину с места.

Недалеко от поля аэродрома нас остановили двое часовых. Переговоры с ними вел шофер. Что он там им втолковывал, не могу себе представить, ведь он не знал, кто я такой. Но часовые удовлетворились его объяснениями.

Еще минут пятнадцать шофер возил меня по летному полю, лавируя среди самолетов. Он, видно, хорошо ориентировался здесь, потому что наши поиски увенчались наконец успехом — мы подъехали к ангару... Машина тяжело оторвалась от земли и взяла курс на север. Через шесть часов мы оказались на земле Центральной Суматры, где происходили события, приковавшие к этому острову внимание всего мира.

На мачте поднимается индонезийский флаг.

„Человек человеку"...

Из темного туннеля на свет солнца вырывается поезд. Он мчится по берегу голубого Байкала, то пролетая через туннели, то выбираясь на просторы могучей сибирской природы. Поезд необычный — его формировала дружба, проездные билеты сюда выдавало искусство, а проводницами вагонов стали... музы. Этот поезд — музыкальный. В одном вагоне звучит советская песня, в другом — испанская гитара, а в вагоне-ресторане, где убрана мебель, африканские негры — танцоры и музыканты — охвачены ритмом танца «мбага». И вдруг в вагоне исчезают стены — позади танцоров и музыкантов проносятся леса, возникают горы...

И тут мы вспоминаем, что авторы этого фильма («Человек человеку...») назвали его музыкальной фантазией. Но это своеобразная фантазия: в ней все существует в окружающей нас действительности — и мощная техника, и достижения науки и искусства, и гости из Японии и Африки, Америки и Индии, Китая и Италии, многих других стран и континентов. Фантазией фильм называется потому, что авторы «сдвинули» время и место. Они создали своеобразную композицию, по-новому использовав возможности кинематографа, монтажа, съемки.

Вместе с действующими лицами зритель совершает интереснейшее путешествие с востока нашей страны через Байкал, по бурной Ангаре; видит рождение новых сибирских городов, гидроэлектростанций, заводы Урала... На берегу сибирской реки Иркут мы слышим индонезийскую колыбельную песню, а на сибирском тракте играет итальянский джаз «Нью-Орлеан-Рома». Олень, обитатель сибирской тайги, смотрит старинный японский «Танец оленей». И чем дальше путь, тем больше неожиданного и удивительного ждет нас. Могучая и бурная ангарская вода, мечущаяся и ревущая, как море в бурю, вдохновляет молодых артистов Пекинской оперы: они исполняют «вместе с Ангарой» старинный китайский танец «Буря на море»...

Искусство кино неразрывно связано с техникой, но техника в кино — это и средство художественной выразительности. Вот почему появление каждого нового изобретения делает киноискусство более убедительным, более совершенным. Так было с появлением звука, цвета, широкого и панорамного экрана... Но далеко еще не все существующие технические открытия используются в полной мере. Метод комбинированной съемки — «блуждающая маска» — использовался до сих пор как способ создания трюковых кадров, когда дело шло о катастрофах, пожарах, боях в воздухе, на море и на суше, или когда не успевали вовремя снять летнюю или зимнюю натуру. Сейчас почти нет фильмов, в которых бы метод «блуждающей маски» не применялся в отдельных кадрах или эпизодах. Авторы фильма «Человек человеку...» решили впервые снять так всю картину. Решение было принято не только из экономических соображений — съемки без декораций и без того, чтобы вывозить артистов на натурные объекты, — но и с той целью, чтобы изучить возможности нового средства выразительности.

Суть этого метода — в раздельной съемке действующих лиц и среды, в которой они действуют. Две различные съемки, произведенные в разное время и в разных масштабах, могут быть совмещены на одной пленке, в одном кадре. Это открывает перед кинопроизводством и перед кинохудожниками необычайные возможности. «Маска» была известна в различных малоудачных вариантах еще со времен «немого кино». Но в 1936 году советский кинооператор Б. К. Горбачев разработал оригинальный и совершенный способ «блуждающей маски». Скоро она заняла ведущее место в арсенале средств комбинированных съемок. Изобретение советского оператора оказалось самым простым и высококачественным в мире.

Почти во всех своих фильмах режиссер Г. Александров применял комбинированные съемки и внедрял новые технические открытия. С ним по комбинированным съемкам работал оператор Г. Айзенберг, имя которого стоит в титрах уже более чем 30 картин.

— Мы вместе с оператором пришли к выводу,— рассказывает Г. Александров, — что метод «блуждающей маски» открывает новые возможности внутрикадрового монтажа раздельно снятых, раздельно обработанных разной оптикой, различным светом и снятых различными темпами изображений, в каждом из которых по необходимости может быть изменен масштаб.

Во время Всемирного фестиваля молодежи в Москве мы снимали интересные и красочные праздники, карнавалы, балы, выступления многих их участников. Танцоров, музыкантов и певцов мы привозили в павильон студии «Мосфильм» и снимали на специальном инфраэкране. На пленке получались их отображения, а вокруг оставалось свободное поле экрана, на которое можно было потом снять все, что мы захотим.

Фестиваль закончился, и мы отправились в путешествие по стране, чтобы снять места действия для нашего будущего фильма. В сибирской экспедиции сама жизнь ворвалась в фильм, и он перестал быть только концертом — он стал киноповествованием о нашей социалистической действительности, о достижениях науки, техники, искусства. Братск, Ангарск, Иркутская ГЭС, синхрофазотрон, электронный кран, ракетопускатель — все это настоящее, существующее, и в то же время это фантастика наших будней. Если бы всю эту документальную феерию пришлось снимать обычным методом, потребовались бы десятки миллионов рублей и очень длительное время.

В фильме есть и феерическое использование «маски»: для космических эпизодов или некоторых других номеров. Так, танец, исполняемый молодежью с острова Суматра, снят на фоне пейзажа Рио-де-Жанейро, который сверкает переливающимися, светящимися красками. Этот пейзаж не декорация, а... маленький поднос, подарок Москве от жителей Рио-де-Жанейро. Он инкрустирован крыльями ночных бабочек, их светящиеся крылышки при перемене источника света сами меняют цвет. И вот во весь экран снят был поднос, а танцоры снимались в отдалении, и их маленькие фигурки оказались на фоне огромной, ярко светящейся «декорации», которую, пожалуй, нельзя было создать никакими другими способами.

Или еще один кадр: индонезийцы танцуют групповой танец на фоне... трех почтовых марок, выпущенных в честь советских спутников Земли. Марки были сняты крупно, во весь экран, а люди уменьшены. И опять произошло изменение масштабов, и почтовые марки стали своеобразным декоративным занавесом. Но, пожалуй, не стоит рассказывать весь фильм. Зачем и для чего это сделано, зритель узнает, когда сам посмотрит картину.

В фильме много музыки. Молодой композитор Андрей Волконский использовал электронные музыкальные инструменты, изобретенные в нашей стране. Кроме десятков песен, привезенных в нашу страну артистами пяти континентов, в фильме звучат новые песни Волконского — «Гимн фильма», «Лирическая песня» и другие, а слова к ним сочинил Михаил Матусовский.

Немало было у нас экспериментов и по совмещению звука. Как, например, создавался звуковой образ могучей ангарской воды? Звукооператор Е. Кашкевич записал шум настоящей воды, прибавил к нему свист ветра, рычание львов, овации, аккорды электронного орга́на, шум поезда и игру китайского оркестра. Из этого многослойного совмещения звуков и складывается мощный, неповторимый и удивительный «голос Ангары».

Свой фильм авторы назвали «Человек человеку...» и в каждом его кадре спорят с созданной в мире капитализма поговоркой «Человек человеку — волк». Когда авторы показывают людей в пути, они говорят: «Человек человеку — попутчик». Когда советские люди строят гигантские электростанции с помощью техники, созданной советскими учеными, инженерами и новаторами, авторы говорят: «Человек человеку — помощник». Многонациональное, многоязыкое искусство дарят артисты людям. Радость светится на лицах людей всех цветов кожи, всех рас. На фестивалях и праздниках встречаются представители всей Земли. Звучат слова: «Человек человеку — брат».

Из огненных следов ракеты, несущей в космос первый советский спутник Земли, возникло в начале фильма его название. И вот новый спутник уносится к звездам. Рождается новый день. Вот он какой, этот день! Вы видите, как он несет в космические пространства самую лучшую идею, до которой мы дожили на Земле. И вместо заключительной надписи «конец» три советских спутника оставляют во Вселенной огненный след — слова: «Человек человеку — друг».

Ю. ВЛАДИМИРСКИЙ

Влюбленные возвращаются с карнавала в венецианской гондоле. Сцена была снята в студии, а потом оказалась... на Москве-реке. Справа — режиссер Г. Александров.

«ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ...»

МУЗЫКАЛЬНАЯ КИНОФАНТАЗИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА РЕЖИССЕРА Г. АЛЕКСАНДРОВА И ОПЕРАТОРА Г. АЙЗЕНБЕРГА. КОМПОЗИТОР АНДРЕЙ ВОЛКОНСКИЙ. СТИХИ М. МАТУСОВСКОГО, ТЕКСТ Е. ВОРОБЬЕВА. ХУДОЖНИК Г. ГРИВЦОВ, ФОТОМОНТАЖИ Б. РОГАТКИНА. ПРОИЗВОДСТВО КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ». 1958 год.

Вот он какой, сегодняшний день! Он несет в космическое пространство самую замечательную идею, до которой мы дошли на Земле: человек человеку — друг!

Бал в Кремле. Артисты Пекинской оперы показывают свое виртуозное искусство.

Говорят, что этот «электронный орга́н» может запускать ракеты в космос. Кто его знает!

Древний африканский танец «Проводы воина» привезли в Москву представители острова Мадагаскар.

В золотой сибирской тайге индийские гости исполняют крестьянский «Танец с барабанами».

Славное море — Байкал... И там можно увидеть концерт на палубе теплохода. Танцует молодая балерина Катя Максимова.

Все чаще в древнем Московском Кремле можно услышать музыку всех континентов. Египетская артистка Наима Акёф исполняет танец времен мамелюков.

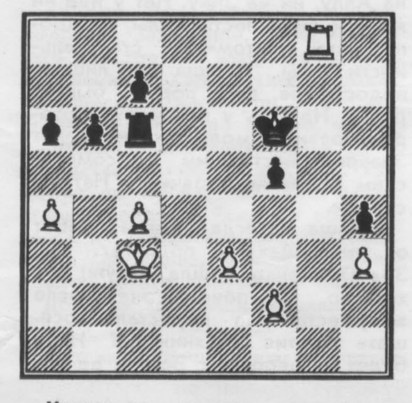

Под редакцией гроссмейстера
С. ФЛОРА

МОГ ЛИ СМЫСЛОВ СПАСТИ ЭНДШПИЛЬ?

М. БОТВИННИК,
чемпион мира по шахматам

После 40 ходов 14-я партия матч-реванша была отложена, и участникам матча предстояла трудная работа. Анализ должен был дать ответ на вопрос: могут ли черные (Смыслов) спасти этот эндшпиль?

Интересно, конечно, анализировать позиции, полные комбинационных тонкостей; здесь же окончание предстояло скучноватое. Но когда идет матч на первенство мира, капризничать не приходится — надо работать! Да и у всех любителей шахмат (в том числе и у читателей «Огонька») нет выбора — надо изучать «скучные» партии... Однако наберемся терпения, уважаемый читатель, может быть, окончание не будет лишено тонкостей!

41. Лg8—h8 ...

Преимущество белых, на первый взгляд, весьма невелико: у них активна только ладья. Впрочем, при благоприятной обстановке две белые пешки, a4 и c4, смогут удержать три черные пешки на ферзевом фланге, тогда лишняя пешка в центре дает белым реальные шансы на выигрыш. Но можно ли этого добиться?

41... Крf6—g5

Черные сразу парируют две угрозы (42. Л : h4 и 42. Лh6 +); в свою очередь, они теперь собираются с выгодой продолжать 42... b5.

42. Крc3—d4 ...

Конечно, не 42. Крb4 ввиду 42... Лd6 с контригрой у черных.

42... Лc6—c5...

Активная защита. В случае 42... Лd6 + 43. Крe5 положение черных становилось критическим, а теперь же после 43. f4+ Крg6 44. Л : h4 Лa5 45. Лh8 Л : a4 46. Лc8 c5+! (Это сильнее, чем 46... b5 47. Л : c7 bc 48. Л : c4) 47. Крd5 Лa3 у черных все шансы сделать ничью. Поэтому белые избирают другой путь.

43. Лh8—h7 Крg5—g6...

Естественный ответ, свидетельствующий о том, что ход 43. Лh7 не был рассмотрен черными при домашнем анализе. Правильно было лишь 43... Лc6! 44. Лd7 Крf6! 45. Лd5 Крe6 46. Крc3 Лd6! И белые не успевали перевести ладью на ключевое поле d4. Ошибочный ход 43... Крg6 делает положение черных вряд ли защитимым.

44. Лh7—d7 Крg6—f6
45. Лd7—d5 Лc5—c6...

Теперь ладья оттеснена, а, главное, белая ладья попадает на поле d4!

46. Крd4—c3 Лc6—e6
47. Лd5—d4 Крf6—g5...

Белые добились многого: ладья с поля h8 лишь атаковала пешку h4, а на поле d4 она и атакует пешку h4 и препятствует контригре черных по линии «d».

48. Лd4—d7 Лe6—c6
49. Крc3—b4!

Здесь этот ход вполне возможен, ибо нет ответа 49... Лd6.

49... Крg5—f6
50. Лd7—d4 Крf6—g5
51. Лd4—d8! ...

Теперь план белых стал ясен, и мой партнер надолго задумался. Ходом Лa8 белые собираются вынудить ответ a6—a5, после чего пешки черных на ферзевом фланге застопорены, и белые спокойно могут восстановить прежнюю позицию — поставить короля на d4, ладью на h8 и ходом f2 — f4 + выиграть пешку h4. В. Смыслов находит единственный план, связанный с контригрой.

51... Лc6—e6
52. Лd8—c8 f5—f4

Интересно сыграно. Вряд ли сильнее, мне кажется, было 52... Лc6 53. Лa8 f4 54. e4 и перевес белых очевиден. А сейчас позиция обостряется, ибо черные фигуры активизируются!

53. e3 : f4+ Крg5 : f4
54. Лc8 : c7 Крf4—f3
55. Лc7—h7 Лe6—e4
56. Лh7—h6 b6—b5

Последний ход в цейтноте и — увы! — не сильнейший... В случае 56... Крg2 задача белых была бы труднее. Красивый путь к выигрышу после 56... Крg2 указал Ю. Авербах: 57. Л : b6 Кр : h3 58. Л : a6 Крg2 59. a5 h3 60. Лg6+ Кр : f2 61. Лh6 Крg2 62. a6 Лe1 63. c5 Лa1 64. Крb5 Лb1+ 65. Крc6 h2 66. a7 Лa1 67. Крb7 Лb1+ 68. Крa8 Лc1 69. c6! Л : c6 70. Л : h2+ Кр : h2 71. Крb7 и затем a8Ф.

Здесь уже надолго задумались белые: надо было сделать выбор между двумя, казалось бы, равноценными планами. И, как часто бывает в подобной ситуации, белые избрали сомнительный план; между тем после 57. Л : a6 bc 58. Лc6 c3+ 59. Крb3 Кр : f2 60. Л : c3 (с последующим переводом ладьи на a3) положение черных становилось отчаянным.

57. a4 : b5 a6 : b5
58. Лh6—f6+ Крf3—g2
59. Крb4 : b5 ...

Здесь мой партнер снова задумался, и я воспользовался моментом, чтобы углубиться в позицию. Прежде всего я установил, что намеченный три хода назад вариант 59... Кр : h3 60. c5 Крg2 61. c6 h3 62. c7 Лe8 63. Лh6 h2 64. Крc6 h1Ф 65. Л : h1 Кр : h1 66. Крd7 не является обязательным для моего партнера. Ведь черные могут прежде всего активизировать ладью путем 59... Лe1! Далее возможно 60. c5 Лb1+ 61. Крa6 Кр : h3 и здесь ни 62. Лf4 Лa1+ 63. Крb7 Лb1+ 64. Крc7 Лh1!! (в этом вся соль — ход Крg2 все равно неизбежен) 65. c6 Крg2, ни 62. c6 Лa1+ 63. Крb7 Лb1+ 64. Крc8 Крg2 65. f4 (или 65. c7 h3 66. Крd7 Лd1+ 67. Лd6 Л : d6+ 68. Кр : d6 Кр : f2! 69. c8Ф h2 — ничья) 65... h3 66. Лg6+ Крf3! 67. Лh6 Крg3! 68. f5 h2 69. f6 Лf1 70. Лg6+ Крh4 71. c7 Крh5 72. Лg8 Л : f6 не ведет к выигрышу белых.

Надежда все же не покидала меня — быть может, черные еще сыграют 59... Крh3... Но вот, к моему огорчению, В. Смыслов взялся за ладью, энергично двигает ее вперед, но ставит ее на поле e2! Я облегченно вздыхаю: теперь уж как будто выигрыш очевиден.

59... Лe4—e2
60. c4—c5 Лe2—b2+
61. Крb5—a6 Лb2—a2+

На 61... Кр : h3 белые с выгодой сковывали фигуры черных путем 62. Лf4—хода Лh1 у черных уже не было!

62. Крa6—b7 Лa2—b2+
63. Лf6—b6 Лb2—c2
64. c5—c6 Крg2 : h3
65. c6—c7 Крh3—g2
66. Лb6—c6 Лc2—b2+
67. Лc6—b6 Лb2—c2
68. f2—f4 черные сдались.

Эндшпиль закончен; как ваше мнение, читатель, пожалуй, окончание не лишено тонкостей? Первое впечатление не всегда бывает правильным!

Итак, В. Смыслов, видимо, мог дважды спасти партию: первый раз он ошибся, сыграв 43... Крg6, второй, когда не использовал промаха белых, продолжая 59... Лe2.

«ТАЛИСМАН» АЛЕХИНА

Без малого четверть века назад, в 1934 году, на турнире в Цюрихе, в одном из последних туров игралась партия Алехин — Ласкер. Ее исход имел решающее значение. И вот после трех часов игры раздались бурные аплодисменты: Ласкер сдался! Никогда раньше я не видел такого взволнованного Алехина. Он нервно курил папиросу за папиросой. И не удивительно: ведь ему впервые удалось победить Ласкера. Мы приводим эту партию.

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 e7—e6 3. Кb1—c3 Кg8—f6 4. Кg1—f3 Сf8—e7 5. Сc1—g5 Кb8—d7 6. e2—e3 0—0 7. Лa1—c1 c7—c6 8. Сf1—d3 d5 : c4 9. Сd3 : c4 Кf6—d5 10. Сg5 : e7 Фd8 : e7 11. Кc3—e4 Кd5—f6 12. Кe4—g3 e6—e5 13. 0—0 e5 : d4 14. Кg3—f5 Фe7—d8 15. Кf3 : d4 Кd7—e5 16. Сc4—b3 Сc8 : f5 17. Кd4 : f5 Фd8—b6? 18. Фd1—d6! Кe5—d7 19. Лf1—d1 Лa8—d8 20. Фd6—g3! g7—g6 21. Фg3—g5! Крg8—h8 22. Кf5—d6 Крh8—g7 23. e3—e4 Кf6—g8 24. Лd1—d3 f7—f6 25. Кd6—f5+ Крg7—h8 26. Фg5: g6!! Черные сдались.

Это была предпоследняя встреча между Э. Ласкером, который 27 лет оставался чемпионом мира, и А. Алехиным, непревзойденным шахматным гением.

Припоминаются любопытные подробности этой встречи. После своей победы Алехин подошел к шахматному столику, где я продолжал игру с гроссмейстером О. Бернштейном, и показывал мне пальцем на количество ходов. 26! А, вот в чем дело...

За несколько лет до этого эпизода Алехин уговорил меня и шведского мастера Г. Штольца, когда мы были в Ницце, съездить в Монте-Карло, в знаменитое казино. Мы не очень-то верили, что маленький шарик рулетки подчиняется прославленному чемпиону, но вежливо молчали: для нас, молодых мастеров, каждое слово Алехина было законом.

В казино Алехин поставил небольшую сумму на число «26» и выиграл. Он был в восторге: «Вот видите, учитесь!» Правда, в дальнейшем, играя «в стиле Алехина», и я и Штольц проиграли, как, впрочем, проигрывал и сам «теоретик». Но в число «26» он почему-то верил.

Кстати, этот шахматный гигант нередко придавал значение всяким случайным фактам. У него даже был свой «талисман» — сиамская кошка Чесс (Шахматы), с которой он снят на публикуемой фотографии. Во время матча с Эйве он иногда спускался со сцены в зрительный зал к своей супруге, чтобы погладить любимую кошку. Был случай на шахматной олимпиаде в Варшаве, в 1935 году, когда Чесс исчез из гостиницы. А тут, как назло, Алехин проигрывал партию с датским мастером Е. Андерсеном. Но вот появилась жена Алехина с Чессом, и Андерсен сделал несколько ошибок подряд...

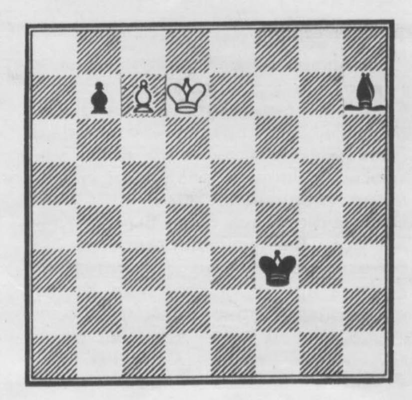
Но по-настоящему все мы, окружающие Алехина, как и сам он, конечно, верили только в один «талисман»: в его редкое шахматное мастерство.

С. ФЛОР

Крепкий орешек

Этюд А. и К. Сарычевых

Белые начинают и делают ничью

«Не шутка ли? Неужели белые могут спастись в таком положении?» — спросит читатель. Нет, не шутка. У белых есть любопытный путь к ничьей. Предлагаем читателям подумать как следует. Решение задачи очень трудное, и не всякий его найдет. В таком случае прочтите, как решается этот красивый этюд.

1. Крd7—c8! ...

Парадоксальный, казалось бы, ход. Но глубокий его смысл заключается в том, чтобы заставить черных двигать пешку «b», что они и делают.

1... b7—b5
2. Крc8—d7!! ...

Второй «нелепый» ход! Но именно этим, только этим путем белый король успешно борется с черной пешкой.

2... b5—b4
3. Крd7—d6 Сh7—f5
4. Крd6—e5 и затем 5. Крd4, и король белых добрался к пешке «b».

Если черные играют 2... Сf5+, то после 3. Крd6 b4 4. Крe5 получается та же позиция, что в первом варианте.

Поучительный этюд! Ведь многим кажется, что белым надо сдаваться. А выходит, что нет!

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР

Недавно в Лондоне прекратило свое существование известное шахматное кафе «Гамбит». В течение 60 лет в этом кафе на нескольких десятках столиков развлекались лондонские любители шахмат.

Однажды в «Гамбите» произошел неприятный случай: во время игры умер один из партнеров. К столику подошел болельщик, посмотрел прерванную партию и воскликнул: «Джентльмены, не волнуйтесь! У него все равно была проигранная позиция!»

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото Галины САНЬКО.

Нам не довелось встретиться с вами, штурман Ростислав Колесников, матрос Григорий Кулинич, старший матрос Владимир Чернышев. Где вы сейчас, комсомольцы черноморского боевого корабля? Быть может, в дальнем морском походе, а может, и на рейде вблизи города, о котором так проникновенно говорят слова песни:

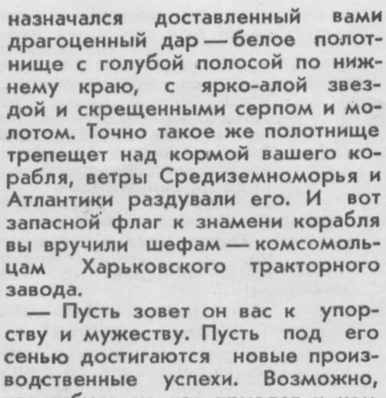
Эх, Черное море,
Широкое море,
Родной Севастополь —
Любовь моряка!

Есть у нас с вами, дорогие черноморцы, общие хорошие знакомые. Они о вас думают сегодня.

И вы наверняка не забываете их. Сегодня, в День советской молодежи, нам хочется рассказать вам немного о делах и заботах, тревогах и радостях этих наших общих молодых друзей.

Но сначала о флаге.

Вы, конечно, помните, как привезли его в Харьков в метельный январский день нынешнего года. Машина долго шла по прямой магистрали. По обеим сторонам ее высились трубы. «Вот здесь,— показывали вам,— наши харьковские рабочие создают быстроходные пассажирские тепловозы и передвижные электростанции, а тут — мощные паровые турбины, а вон там — станки для автоматических линий». Вскоре увидели вы и корпуса знаменитого Харьковского тракторного завода. Именно для молодежи этого завода пред-

назначался доставленный вами драгоценный дар — белое полотнище с голубой полосой по нижнему краю, с ярко-алой звездой и скрещенными серпом и молотом. Точно такое же полотнище трепещет над кормой вашего корабля, ветры Средиземноморья и Атлантики раздували его. И вот запасной флаг к знамени корабля вы вручили шефам — комсомольцам Харьковского тракторного завода.

— Пусть зовет он вас к упорству и мужеству. Пусть под его сенью достигаются новые производственные успехи. Возможно, кто-нибудь из вас приедет к нам в Севастополь, расскажет о ваших успехах и победах.

Как дружно аплодировало собрание в ответ на эти ваши слова, как заискрились глаза парней и девушек, переполнивших зал!..

Сразу возник спор: кто будет хранить флаг? Можно было бы, конечно, водворить знамя в заводском комитете комсомола. Стояло бы оно в углу как почетная реликвия. Но комсомольцы решили иначе...

Подаренный флаг был объявлен на заводе высшей наградой для соревнующихся комсомольских групп. Их там двести восемьдесят шесть! Только лучшая имеет право поднять флаг моряков над своим участком.

И вот началась борьба за «севастопольский флаг».

Вы вернулись к себе на корабль, а через месяц к вам в Севастополь приехал первый посланец от завода — Алла Волошина.

Вы, конечно, не забыли Аллу, эту темноволосую, невысокого роста девушку, с голосом негромким, но из тех, что берут за душу, такая в нем теплота. Она скромна и не любит рассказывать о себе. Может, вы так и не узнали, что Алла с успехом окончила машиностроительный техникум, а сейчас руководит одной из самых больших цеховых комсомольских организаций на ХТЗ.

Алла до сих пор не может без волнения вспоминать, как встретили ее моряки:

— Даже букет живых цветов поднесли! Понимаете, февраль, холодно, еще снег не сошел, а они мне — заводские розы, ирисы. «Да где вы достали?» Они только смеются: «Для такой дорогой гостьи все можно достать».

Вернувшись в Харьков, Алла с гордостью рассказывала о вас. Она говорила, что все комсомольцы корабля — отличники боевой подготовки, что ваши матросы научились владеть и смежными специальностями.

Конечно, Алла была бы счастлива, если бы флаг достался ее автоматному цеху, но комитет комсомола присудил его Зине Ходак из 4-го тракторного.

Эта совсем юная девушка лишь год назад оставила стены десятилетки. Зина прославилась яростной борьбой против нерях на производстве, против тех, кто проливал на пол масло, кто ленился убирать стружку, кто при сдаче смены не желал утруждать себя тем, чтобы тщательно протереть тряпкой станину.

Характер у Зины спокойный, но решительный. Однажды принесла она в цех плакатик. Он изображал толстую сонную хавронью. Посоветовавшись с мастером и с ребятами своей группы, она повесила «свинью» над станком самого заядлого грязнули участка. Комсомольцы сняли клеймящий плакат, когда неряха исправился. С тех пор мастер часто подходил к комсомольскому групоргу с просьбой:

— А ну, Зина, повесьте-ка «свинью» еще и Степану и Райке... Хорошее средство!

Вскоре цех блистал такой чистотой, что, право, мог бы соперничать с надраенной до сверкания палубой, которой остался бы доволен самый придирчивый боцман. Ваш флаг, черноморцы, стал лучшим украшением центрального пролета. И не было дня, когда бы комсомольцы здесь не перевыполняли производственного задания. Однако не дремали и другие комсомольские группы завода...

— Отняли у нас флаг. Наташа Зазерина отняла! — с неподдельной горечью рассказывала мне худенькая большеглазая Зина Ходак.— Комитет постановил передать флаг ей, в третий тракторный. Думаете, у них показатели намного лучше? Только в одном нас, правда, опередили... Вот как они приспособились: токари научились работать и на фрезерных и на сверлильных станках, а фрезеровщики и сверловщики — на токарных. Взаимозаменяемость. Как у моряков. Оставались после смены и учили друг друга. Эх, как же я сама не догадалась! — Зина тяжело вздохнула, задумалась и решительно закончила: — Но все равно мы у них флаг обратно заберем!

Кто же такая Наташа Зазерина, опередившая Зину?

Наташа не похожа как будто ни на Аллу, ни на Зину. Нет у нее ни мягкой лиричности Аллы, ни кропотливой, неутомимой старательности Зины. Наташа не лишена недостатков, она порой бывает резка. Но есть у нее черта, которая нравится молодежи и делает Зазерину настоящим комсомольским вожаком: горячее у Наташи сердце.

Наташа всегда полна забот о товарищах и подругах. Вот Зоя Проценко вышла замуж; это хорошо, но почему же после замужества она перестала посещать занятия в техникуме? Надо будет поговорить с Зоей и ее мужем. Не должен он мириться с отставанием жены, если любит ее по-настоящему... Виктор Котоменко, кажется, чем-то обижен: просил туристскую путевку за границу, а путевку дали не ему, а девушке из литейного цеха. Виктор считает, что его обошли... Неправильно рассуждает. Нужно вызвать Виктора на откровенный разговор, доказать ему, что это уж не такая большая трагедия, поедет в другой раз... У кого-то из девушек-станочниц завтра день рождения — Наташа уже хлопочет о цветах, о подарке: остаться после смены на пять — десять минут и поздравить подругу... Сегодня на заводском стадионе интересный матч — пойти всей компанией! Она обожает и спорт, и музыку, и театр.

Вот такая эта девушка, два года назад приехавшая в Харьков из села. Вы хотите представить, как выглядит Наташа? Самое характерное в ее облике — стремительность. Кажется, что она всегда куда-то мчится, спешит и ветер развевает ее волнистые каштановые волосы даже тогда, когда она стоит у своего токарного станка.

Недалеко от этого станка вывешен сейчас флаг черноморцев. Каждую субботу, в конце трудовой недели, Наташа с друзьями

Часто подходит к станку Наташи Зазерной коммунист Алексей Сергеевич Сараев, старший мастер участка.

снимает флаг и прячет его на воскресный день в шкаф цехового комитета. А в понедельник, до начала смены, полотнище с голубой полоской снова поднимают над прямыми линиями станков.

...Последняя неделя мая была в Харькове жаркой. Солнце палило нещадно. Всю эту неделю я провел на ХТЗ и часто заглядывал к Наташе в цех. В легкой рабочей блузочке, чуть бледная от жары, она говорила мне с тревогой:

— На улице жара-то что... Вот у нас в цехе жара! С понедельника переходим на новую технологию. А сколько еще заготовок осталось!

Это тревожило и старшего мастера участка коммуниста Алексея Сергеевича Сараева.

— Не забудь, что ты отвечаешь за программу не меньше, чем я,— говорил он Наташе, озабоченно показывая на груды поковок, которые громоздились между станками.

Тут следует пояснить. Раньше токари и фрезеровщики участка получали на обработку из кузницы две заготовки: одну для оси колеса, другую — для фланца оси. Потом эти детали соединялись заклепками. Теперь заводские рационализаторы придумали, чтобы ковать только одну заготовку и обходиться без всяких заклепок — огромная экономия времени и металла! Для этого пришлось переналадить станки, заново подобрать инструмент, оснастку. И все это было сделано на ходу, без остановки. Комсомольцы из группы Наташи деятельно помогали рационализаторам; многие учатся в вечерней школе, техникуме, а, например, Аня Захилько, лучшая подруга Зазериной, переходит уже на третий курс вечернего отделения Харьковского политехнического института.

Теперь все было готово, чтобы с понедельника запустить в производство новую деталь, но... куда же девать накопившийся запас старых поковок? Если до воскресенья не обработать их, то пойдут в переплав, завод понесет убыток. Этого допустить нельзя!

Дорогие товарищи моряки, поверьте, это было хоть и маленькое, но настоящее производственное сражение. Как и в морском бою, здесь требовались дисциплина, взаимная выручка и большое упорство. И комсомольцы вышли победителями, несмотря на жару, усталость, несмотря на то, что в эти дни многие из них после работы готовились к экзаменам...

Но зато и славно же провели парни и девушки свой заслуженный воскресный отдых!

В субботу вечером все собрались на перроне пригородной станции Лосево. Захватили с собой свернутые туристские палатки, туго набитые сумки с провизией, удочки, мяч.

Со смехом и шутками втиснулись в переполненный вагон поезда. Жались к раскрытым окнам. С полей доносился тонкий аромат цветущей акации. Наташа высунула в окно руку. Летучие прохладные капли сели на локоть. Экая досада! Всю неделю не было ни облачка, а теперь, как назло... Но дождик только напоил воздух свежестью и утих.

Вылезли на станции Чугуев. Долго шли полем, радуясь простору, тишине, красоте ночи. Дошли до реки Северный Донец, потом по старому деревянному мостику перебрались на заросший густым хвойным лесом высокий берег...

Лес не был молчалив. То там, то здесь между стволами вспыхивали огоньки костров, слышались голоса, треск сучьев. Харьковская рабочая молодежь давно уже открыла для себя чугуевский бор, и не только для комсомольцев ХТЗ стал он любимым местом воскресных вылазок.

Далеко за полночь сидели у костра. О чем говорили? Кто-то сказал, что вблизи этих мест родился Илья Ефимович Репин. Вспоминали картины великого художника, спорили об искусстве, литературе. Потом говорили о личном, о том, где настоящая радость и счастье, а где только видимость благополучия. Говорили и о вас, товарищи моряки, с большой теплотой говорили, мечтали о поездке на ваш корабль, о встрече с Черным морем...

Над станками поднимается флаг черноморцев.

Далеко за полночь сидели у костра.

Разговор был прерван приходом зари, скользнувшей розовым лучом по седым от большой росы зарослям ивняка.

Были и лирические паузы, когда все понятно без слов. Были спортивные разминки, когда на лужайке среди сосен раздавались звонкие удары по мячу. Ходили купаться на речку — завзятых купальщиков не остановил и дождик, снова брызнувший над лесом.

Возвращались с букетами цветов, с песнями.

...В понедельник Наташа Зазерина пришла на завод за полчаса до начала смены.

Она бережно расправила складки флага и понесла его к станкам.

— Ребята, помогите поднять флаг! — зовет Наташа.

Дружные руки молодых станочников потянулись к полотнищу с голубой полоской.

Ваш флаг, друзья черноморцы, величаво колышется над цехом, приветствуя молодых, тех, кто становится на новую трудовую вахту.

8. ПОИСКИ «ФАУСТА»

Несколько часов, проведенных мною вместе с Железновым за время обратной дороги в Ригу, сблизили нас больше, чем сближает иной раз совместное проживание в течение целого года.

Мы коротко рассказали друг другу о себе, поделились удачами и огорчениями, причем выяснилось, что одно из самых серьезных огорчений доставил ему я своей чрезмерной предусмотрительностью.

Мы долго говорили по-русски, пока Железнов не спохватился:

— Не лучше ли перейти на английский? Чтобы как-нибудь случайно не проговориться, есть смысл на какое-то время отказаться от своего языка.

Мы перешли на английский, которым я владел неплохо, а Железнов, пожалуй, даже безукоризненно.

И когда в ответ на какой-то его вопрос я не нашел нужного слова и опять перешел на русский язык, Железнов засмеялся:

— Уговор дороже денег! Позавчера вы изводили меня, отказываясь понимать по-русски, а сегодня я не хочу понимать вас.

Подъезжая к городу, я припомнил, как при первом своем посещении Железнов обратился ко мне с предложением нанять его в качестве шофера.

— Вы останетесь в Риге? — спросил я его.

— Не знаю,— ответил он.— По соображениям конспирации, я не имею права это сказать. Но я и на самом деле не знаю.

Тогда я спросил, нельзя ли жить ему в Риге под видом моего шофера, и сказал, что было бы очень здорово находиться друг возле друга.

На это Железнов ответил, что так, на ходу, решить этот вопрос нельзя и что принимать решение будет тот, в чье распоряжение поступил я и в чьем распоряжении находится сам Железнов.

Мы остановились перед моим домом и вышли из машины.

— Прощайте,— сказал Железнов.— Пойду.

— Куда? — несколько наивно спросил я.

Железнов улыбнулся.

— Этого я сказать не могу.

— А когда мы увидимся? — спросил я.

— Может быть, никогда.

— Как это вы не боитесь? — сказал я ему.— Я наблюдал за вами третьего дня. Уж больно вы смело ходите. Кругом шпики...

— А кто вам сказал, что не боюсь? — возразил Железнов и пошел по улице с таким независимым видом, как ходят только очень уверенные в себе люди.

Когда я вернулся домой, Марта не спросила меня, где я пропадал, и, вероятно, не только потому, что была приучена к таким исчезновениям Блейка, но и вследствие природной сдержанности, вообще присущей латышам. Она только поинтересовалась, надо ли подавать завтрак, и осталась, кажется, довольна, когда я не отказался от ее услуг.

Медная пуговица

Роман

Лев ОВАЛОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Часа через два в квартире появилась Янковская.

Я слышал, как она еще при входе, в передней, осведомилась у Марты, вернулся ли я, стремительнее, чем обычно, вошла в кабинет и, как мне показалось, с облегчением вздохнула при виде меня.

— Наконец-то! — капризно произнесла она. — Знаете, кажется, я начинаю к вам привыкать.— Я молча ей поклонился.— Ну, как? — спросила она, опускаясь в кресло.— Как вам удалось справиться?

Я не понял ее.

— С чем справиться?

Янковская рассмеялась.

— С немцами!

Я вопросительно на нее посмотрел.

— Нет, серьезно, куда это вы запропали?..— Она рассмеялась.— Я уж не знаю, как вас и называть: Андрей, Август или Дэвис... Пожалуй, лучше всего Август... Где вы пропадали, Август?

Она плохо скрывала свое любопытство; было очевидно, что она ждет от меня подробного рассказа о поездке.

— Где был, там уже нет,— ответил я, как бы поддразнивая ее, а на самом деле обдумывая, что ей сказать.— Ездил с господином Эдингером к морю, он хотел решить с моей помощью одну задачу...

— Ах, не лгите! — воскликнула Янковская с раздражением.— Я звонила к Эдингеру, он никуда не уезжал из Риги!

Оказывается, она проверяла меня на каждом шагу и не находила нужным это скрывать!

Было очень важно узнать, о чем она спрашивала Эдингера и что он ей ответил.

— Да, он не мог мне сопутствовать, — сказал я.— Он остался в Риге.

— А где вы были? — быстро спросила Янковская.

— У советских партизан,— ответил я с усмешкой.— Ведь вам известно обо мне все!

— Мне не до шуток, Август,— перебила Янковская.— Если бы Эдингер не знал, где вы находитесь, он немедленно принялся бы вас искать.

— А вы спрашивали его обо мне? — спросил я, в свою очередь.

— Конечно, — вызывающе ответила Янковская.— Вдруг вы на самом деле вздумали бы перебежать к партизанам?

Эта дамочка не раз говорила, что желает мне всяческого благополучия, но, как и следовало ожидать, не пощадила бы меня, вздумай я нарушить ее игру.

— Что же вы сказали обергруппенфюреру?

— А что он сказал вам? — ответила мне вопросом на вопрос Янковская.

— Вот я и хочу знать, скажете вы мне правду или нет,— сказал я с вызовом.— Я жду.

— Вы, кажется, всерьез входите в роль Блейка,— одобрительно заметила Янковская.— Я ничего не выдумывала и лишь повторила то, что сказали вы сами. Сказала, что вас нет, что вы мне срочно нужны и что Эдингер, по вашим словам, осведомлен о месте вашего пребывания.

Это был донос. Хорошо, что я попросил у Эдингера разрешения сослаться на него, иначе она могла основательно меня подвести. Она согласна была, чтобы я полностью перевоплотился в Блейка, но помешала бы мне снова стать Макаровым... Да, это был самый настоящий донос, и в данном случае вещи следовало называть своим именем.

— Но ведь это донос! — воскликнул я.— Что же ответил вам Эдингер?

Узнать ответ Эдингера было сейчас важнее всего!

— Он засмеялся и сказал, что это не столько его тайна, сколько ваша,— ответила Янковская.— Во всяком случае, дал мне понять, что здесь не замешана женщина.

Я с облегчением вздохнул. Немцы покупали меня! Блейк был тонкая штучка... Они отлично понимали, что Блейка не так просто провести, он не мог не видеть, ведется за ним наружное наблюдение или нет, и они сняли с него наблюдение. К такому заключению пришел во время нашей поездки не только я, но и Железнов, а он был опытней меня. Возможно, Эдингер даже решил, что Янковская звонит по моему поручению, и захотел оказаться в моих глазах человеком слова. Он отдавал себе отчет, что у Блейка нет иного выхода, как пойти на службу к немцам, но понимал, что Блейк не заурядный шпион, и отношения с ним надо строить, так сказать, на базе «честного слова»... Все, все в этом мире, в котором я так внезапно очутился, все использовалось в игре... И я с облегчением подумал, что в этот раз Эдингер меня не подвел!

— Но ведь это донос! — повторил я.— Вы вели себя нелояльно, Софья Викентьевна.

¹ Продолжение. «Огонек» №№ 20—26.

Представьте себе, что я сказал вам неправду. Вы погубили бы меня. Эдингер сразу бросился бы по моим следам...

— И на этот раз вас некому было бы спасти, потому что обратного пути у вас нет,— цинично согласилась Янковская.— Я не советую вам пренебрегать мною, вы еще слишком неопытны, а немцев обмануть нелегко. Это-то меня и тревожило, поэтому я и спросила, как вы справились...— Она подошла ко мне и провела рукой по моим волосам.— Будьте умницей, нам невыгодно ссориться,— примирительно сказала она.— Чего хотел от вас Эдингер?

Черт знает, какие у нее были связи и возможности! С ней не стоило ссориться, и я бы не поручился, что она не могла узнать о моем разговоре с Эдингером от кого-нибудь из его окружения, поэтому я не собирался сильно отклоняться от истины.

— Он просил показать рацию, при помощи которой Блейк сносился с Лондоном,— признался я с таким видом, точно Янковская вырвала это признание против моей воли.

— Рацию?! — воскликнула Янковская. — Но ведь это же блеф!

— То есть как блеф? — спросил я. — Разве у Блейка не было рации?

Янковская пожала плечами.

— Я лично никогда не слыхала ни о какой рации. Конечно, могла быть, и каким-нибудь путем немцы могли о ней пронюхать. Но вы-то... Это рискованный путь — блефовать с немцами! Вы о рации не знаете ничего, а играть с ними комедию долго не удастся, вы рискуете головой.

Я насмешливо посмотрел на Янковскую.

— Ну, а если я обнаружил рацию?

— Вы?! — На этот раз она удивилась вполне искренне.— Каким образом?

— Я нашел в этом кабинете кое-какие координаты, которые помогли мне...

Я сказал это так, точно это было самое повседневное дело — находить тайные передатчики, посредством которых резиденты английской секретной службы осуществляют свою связь.

Янковская широко раскрыла глаза.

— Вы это серьезно?

— Вполне.

— И вы нашли указание на местонахождение рации в этом кабинете?

— Вот именно.

— Но каким образом?

— Это мой секрет.

— И знаете позывные и код?

— Приблизительно.

— И преподнесли этот подарок Эдингеру?

— Почти.

— Ну, знаете ли...— В ее глазах блеснуло даже восхищение.— Вы далеко пойдете!

На несколько мгновений она утратила обычную выдержку и превратилась просто в женщину, восхищающуюся сильным мужчиной.

— Я рада, что не ошиблась в вас.— Она опустилась в кресло и закурила папиросу.— Кажется, вы способны завоевать мое сердце!

Но я остерегался близости с этой женщиной. Кто знает, какие причины на самом деле побудили ее погубить Блейка!

— Мне трудно в это поверить,— меланхолично произнес я, отходя к окну.— Вряд ли вы способны полюбить кого-нибудь, кроме себя.

Янковская не ответила, она только нервно потушила папиросу, долго сидела молча, потом поднялась и тихо, не прощаясь, ушла.

Наступила пятница.

А мне было сказано: вторник или пятница, от пяти до семи, книжная лавка на площади против Домской церкви...

Эта церковь, построенная еще в тринадцатом веке,— один из красивейших архитектурных памятников Риги, пережила все бомбардировки и превратности войны, уцелела до наших дней и посейчас украшает старинную Домскую площадь.

Все мне нравилось в этом районе: и древняя церковь, и прилегающие к ней узкие улочки и переулки, нравились выстроенные в готическом стиле дома, и вымощенные булыжником мостовые...

Все здесь дышало стариной, все давало почувствовать полет времени.

Я шел по Известковой улице, улице бесчисленных магазинов и магазинчиков, посреди оживленно снующих прохожих...

Тот, кто никогда не был здесь прежде, не заметил бы ничего особенного: множество магазинов и множество прохожих. Но я-то бывал на этой улице и раньше, всего несколько месяцев назад, я-то замечал: вот магазин, как магазин, а рядом пустое помещение, запертые двери, голые витрины, и опять пустое помещение и запертые двери...

И все же, чем дальше шел я по Известковой улице, тем больше улучшалось мое настроение: все дальше уходил я от того, кто был Дэвисом Блейком, уходил от его «цветов зла» и от «Цзетов» Бодлэра, и от изящных томиков Марселя Пруста, от чужой просторной квартиры и от чужих, доставшихся мне в наследство вещей, от нехитрых девушек и двуличной Янковской, от ее угроз и заигрываний, от всего непривычного и чуждого, уходил и все больше становился самим собой...

Вот и Домская площадь, церковь и против нее букинистический магазин. Большое окно, в котором выставлены книги. Низкая, наполовину застекленная дверь.

Я открыл ее. Зазвенел колокольчик, прикрепленный к двери. Должно быть, хозяин не всегда сидел в своей лавке и отлучался в помещение, расположенное позади магазинчика.

На этот раз хозяин находился у прилавка. Угрюмый, небритый латыш. Седая щетина покрывала синеватые склеротические щеки, разрисованные багровыми жилками.

Хозяин был не один: еще через дверное стекло я заметил, что над прилавком склонился какой-то покупатель.

Я вошел и невольно сделал шаг обратно, неприятно пораженный встречей...

Я увидел Гашке! Да, того самого Гашке, с которым лежал в госпитале и которого мельком видел в канцелярии гестапо.

Он небрежно на меня покосился, сделал вид, что не узнал, а может быть, и в самом деле забыл, и опять склонился над прилавком. Усилием воли я принудил себя приблизиться к прилавку. Перед господином Гашке в изобилии лежали открытки с изображением обнаженных красавиц в весьма нескромных позах.

— Чем могу служить? — по-немецки обратился ко мне хозяин магазина.

Секунду я колебался, но пароль, полученный мною, звучал столь невинно, что я решил не обращать на Гашке внимания.

— Я разыскиваю первое издание «Фауста». Первое издание, вышедшее в 1808 году.

— Вы хотите слишком многого,— ответил мне продавец.

— Я не пожалею никаких денег,— настойчиво сказал я.

— Откуда в моем скромном магазине может быть такая редкость? Но я могу предложить вам одно из позднейших изданий, с отличными иллюстрациями.

— Нет, мне нужно издание 1808 года,— настойчиво повторил я.

— И я бы взял с вас не слишком дорого,— настаивал на своем предложении продавец.

— Нет,— твердо сказал я.— Мне нужно первое издание, если вы не можете его достать, мне придется уйти.

Сказано было все, что следовало сказать для того, чтобы тебя признали своим в этом тесном и темном магазинчике, но почему-то я не был уверен в ответе. Меня смущало присутствие господина Гашке.

Однако продавец не стал медлить и толкнул дверь в помещение, примыкавшее к магазину,— маленькую комнату с убогой железной койкой, с голым, ничем не покрытым столом и с табуреткой, на которой стояло ведро с чистой водой. Похоже, что хозяин жил в этой комнатке, напоминавшей тюремную камеру.

— Прошу вас,— произнес продавец.— Пройдите.

Сам он остался на месте, пропустил меня, и не успел я оглядеться, как в комнату вошел Гашке.

Дверь затворилась.

Гашке держал в руках открытки. Одним движением он сложил их, как карточную колоду, и небрежно положил на край стола.

— Садитесь, товарищ Макаров, Андрей Семенович,— сказал он по-русски.— Я уже давно жду вас.— Он указал на койку и сам сел на нее.

Я не мог еще прийти в себя оттого, что именно Гашке является человеком, которому я должен предоставить всего себя.

— Мне приказано поступить в ваше распоряжение,— неуверенно произнес я.— Вот я и пришел.

— Зачем так официально? — сказал Гашке.— Нас связывают не формальные узы...— Этот человек точно высвобождал меня из каких-то тенет, которыми я был опутан за время моей жизни под чужим именем.— Давайте знакомиться,— просто сказал он.— Меня зовут Иван Николаевич Пронин. Майор Пронин. В прошлом году мне пришлось заниматься делами, связанными с Прибалтикой. Вот начальство и направило меня сюда...

Все это говорилось без всякой многозначительности, с той простотой и естественностью, которая есть непременное свойство мужественных душ.

— Я ничем не должен отличаться от тех, чье доверие поручено мне завоевать,— продолжал Пронин.— Обер Гашке — я теперь уже не унтер, а обер — не только не хочет отставать от своих офицеров, а кое в чем хочет их даже превосходить. Все в гестапо знают, что ни у кого нет лучших картинок определенного содержания, чем у обера Гашке. Это создает мне популярность. Под этим предлогом мне удобно заходить к букинистам. Обер Гашке пополняет свою коллекцию!

Пронин прислушался к какому-то шуму за стеной, помолчал, — по-видимому, это была ложная тревога — и опять обратился ко мне:

— Нам с вами надо обстоятельно поговорить, Андрей Семенович. Сейчас у нас мало времени, да и место для этого неподходящее. Я не должен оставаться здесь подолгу: это могло бы навлечь подозрения на нашего хозяина. А он еще пригодится Латвии. Я предложу следующее...

Он думал всего несколько секунд.

— Завтра... Скажем, завтра, между двенадцатью и часом, обер Гашке отправится со своей девицей в Межапарк. В гестапо самая горячка ночью, поэтому днем позволено и вздремнуть и отдохнуть...

Он достал блокнот, сделанный со всей немецкой тщательностью, вырвал из него листок и быстро начертил нечто вроде плана.

— Вот дорога, вот поворот, здесь развилина, направо дорожный знак... Скажем, у следующего дорожного знака. Вы можете приехать на машине? У этого дорожного знака и будет прохлаждаться обер Гашке с дамой своего сердца. С вашей машиной что-нибудь стрясется, скажем, заглохнет мотор. Вам не останется ничего другого, как обратиться за помощью к благодушествующему оберу...

Все было совершенно ясно.

— Я пойду, а вы выходите минут десять спустя и возвращайтесь другой дорогой,— распорядился Пронин.— Кстати, у вас есть с собой деньги?

— Не слишком много,— сказал я.— Я не знал...

— Много и не надо. Будете уходить, купите на всякий случай у нашего хозяина две — три книжки...

Пронин забрал картинки и вышел, я услышал дребезжание колокольчика на двери и вернулся в магазин. Хозяин равнодушно на меня посмотрел. Я купил у него несколько немецких журналов, вышел на площадь и окольным путем отправился домой.

Вечером я предупредил Янковскую:

— Завтра с утра мне понадобится машина.

Она усмехнулась:

— Ого, как вы стали разговаривать!

— Но ведь машина-то моя?

— Если вы действительно решили стать преемником Блейка, несомненно.— Она подумала и спросила:— Куда же вы собираетесь на этот раз?

— На свидание,— смело ответил я.— С одним из оперативных работников гестапо.

— Это в плане ваших разговоров с Эдингером? — Янковская испытующе посмотрела на меня.

— Да,— твердо сказал я.— Думаю, мне стоит с ним сблизиться.

В ее глазах почти неуловимо — в этой женщине все было неуловимо — сверкнула искорка радости.

— Что стоит вам делать, я объясню несколько позже,— сказала она дружелюбно.— А что касается машины, я загоню ее во двор, и утром вы можете ехать в ней хоть до Берлина.

Утром Марта накормила меня жареной камбалой — у нее были какие-то особые хозяйственные связи с рыбаками и огородниками из-под Риги,— затем я вывел машину, пожалел, что рядом нет капитана Железнова, и поехал за город.

Военному, как правило, достаточно лишь намека на карту для того, чтобы отыскать требуемую географическую точку, а Пронин вычертил путь к своему сегодняшнему местопребыванию достаточно тщательно. Я доехал до развилины, нашел дорожный знак и неподалеку от второго знака в тени деревьев увидел расположившегося на траве обера Гашке.

Сухая теплая осень пришла на смену мягкому прибалтийскому лету. Желтые и оранжевые краски окрасили листву. Бронзовые листья нет-нет да и слетали с ветвей и, медленно кружась, точно умирающие бабочки, опускались на дорогу. Трава обвяла, сделалась суше, жестче, лежать на ней было не так уж приятно, как весной...

Но обер Гашке чувствовал себя, по всей видимости, превосходно. На траве перед ним был расстелен лист синей оберточной бумаги, на бумаге лежали холодные сосиски и бутерброды с колбасой и сыром, около бумаги прямо на траве стояла початая бутылка с водкой, и возле нее валялись два бумажных стаканчика; все это было куплено, конечно, в магазине, обслуживавшем только немецких офицеров,— таких специальных магазинов в Риге было достаточно.

Но главную прелесть подобного времяпрепровождения представляла, конечно, молодая девушка, сидевшая против Гашке.

Эта белокурая красотка, с правильными чертами лица, голубоглазая, крупная и высокогрудая, могла бы покорить не только скромного обера!

Как и было условлено, моя машина остановилась прямо против отдыхающей парочки. Я соскочил, поднял капот машины, поковырялся в моторе...

— Эй, обер! — крикнул я.— Желаю вашей девушке хорошего мужа! Вы понимаете что-нибудь в моторах?

Обер встал, усмехнулся.

— Откуда вас только принесло?..

Он что-то сказал девушке, та кивнула, сорвала веточку лилового вереска, прикусила стебелек зубами, еще раз кивнула и пошла к повороту.

Пронин подошел ко мне.

— Давайте ваши инструменты!

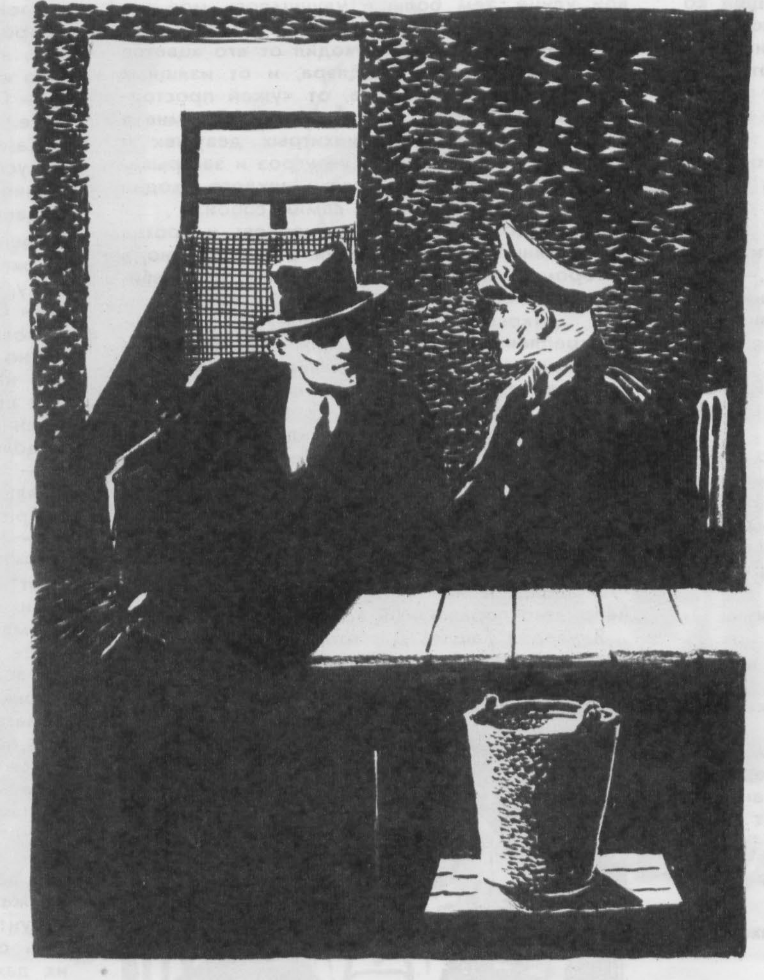
Я достал сумку с ключами и отвертками, Пронин разбросал их перед машиной, а мы сами отошли к обочине и сели лицом к дороге.

— Где это вы отыскали такую красавицу? — не удержался я от вопроса.

— Хороша? — горделиво спросил Пронин.

— Маргарита не Маргарита, валькирия не валькирия...— подтвердил я.— Обидно, что такая девушка снисходит до немецкого обера.

— А она не снисходит,— насмешливо пояснил Пронин.— Работница с кондитерской фабрики и комсомолка, она знает, кто я такой. Она делает свое дело, и если направится обратно в нашу сторону, учтите, это будет значить, что появились ненужные свидетели, и нам придется заняться мотором.

Но они так и не появились за время нашего разговора.

Здесь мне следует оговориться и сказать, что масштабы деятельности Пронина в оккупированной гитлеровцами Риге были очень велики, в своем рассказе я не пытаюсь даже хоть сколько-нибудь изобразить эту деятельность. Я рассказываю только о событиях, непосредственным свидетелем и участником которых был я сам, и поскольку Пронин принимал в них участие, рассказываю о нем лишь в связи с этими событиями, хотя, повторяю, в общей деятельности Пронина они занимали очень скромное место.

— Прежде всего опишите день за днем, шаг за шагом все, что произошло с вами, начиная с момента вашего приезда в Ригу,— попросил он меня.— Буквально все. Что делали, как жили, с кем встречались...

И я обстоятельно передал ему все, о чем уже рассказывал Железнову.

Пронин задумчиво пошевелил сухие травинки попавшейся ему под руку веточкой.

— Ну, что ж, проанализируем, как говорится, эту шахматную партию в отложенной позиции. Начнем с памятного вечера. Ваша Янковская встретилась с вами, конечно, не случайно, для чего-то вы были нужны. В каких целях воспользовалась она вами, еще не совсем ясно. Разумно предположить, что не в личных, а в интересах чьей-то разведки. Чьей — тоже пока неясно. После всего, что произошло, и особенно после того, как вы нашли ее в ресторане, естественно было предположить, что обо всем увиденном вы сообщите соответствующим органам. В целях профилактики вас решили убить. И все же не убили! Отсюда начинаются загадки...

Пронин посмотрел в сторону своей спутницы. Она безучастно прохаживалась у поворота. Разговор можно было продолжать.

— Все, что произошло с вами,— продолжал он,— свидетельствует о том, что у Янковской, фигурально выражаясь, дрогнула рука. Почему? Вряд ли здесь имели место какие-либо сентименты. Однако несомненно, что в последнюю минуту Янковская приняла новое решение и сохранила вам жизнь, решила подменить вами Блейка, а бомбардировка Риги помогла ей выполнить это намерение.

Я предполагал, что все, что касалось Блейка, Пронину стало известно от меня, но оказалось, что я ошибся.

— Наши органы знали, что под именем Берзиня скрывается английский резидент,— объяснил Пронин.— Однако, понимая, что в войне с Гитлером Англия будет нашим союзником, и держа Берзиня под некоторым контролем, мы не считали нужным его трогать...— Пронин нахмурился.— И, как мне теперь думается, Блейк нас переиграл. Вся эта его агентура, рассеянная по кабакам и парикмахерским, все эти официантки, кассирши и массажистки оказались сплошным блефом. Немцы это отлично поняли. Сам по себе Блейк им малоинтересен, ничего не стоило бы его обезвредить, но немцев интересует его агентурная сеть, из-за нее они и возятся с ним. Никто не хочет иметь в своем тылу запрятанное врагом оружие. Немцы хотят или разминировать его, или взять себе на вооружение.

— Но Эдингер ничего не говорил об агентурной сети,— возразил я.— Наоборот, он говорил, что им нужен именно я...

— Не будьте наивны,— прервал меня Пронин.— Сперва они хотят завербовать Блейка, а когда он бесповоротно с ними свяжется, потребуют передать агентуру...

— Но ведь мне-то она неизвестна? И я не воображаю, что мне удастся долго водить их за нос.

— В том-то и дело, что она должна стать известной,— очень серьезно заявил Пронин.— Ваше положение дает много возможностей проникнуть в тайну Блейка. Вы обязаны это сделать, и, разумеется, не для немцев, а для нас самих. Нас не может не интересовать агентурная сеть Интеллидженс сервис. Это и есть то большое дело, которое вы призваны осуществить. Почти все советские люди работают сейчас на войну, обеспечивают победу; вам предстоит работать и ради завтрашнего дня, ради предотвращения войны в будущем.

Он стал давать мне советы, как практически себя вести и действовать, напомнил о выдержке и терпении, о смелости и осторожности...

— Вы плохо умеете держать себя в руках,— упрекнул он меня.— Вы излишне эмоциональны, а для разведчика это большой порок. Вспомните госпиталь...

— Но вы тоже выдали там себя! — воскликнул я.

— Чем? — удивился Пронин.

— Мое намерение было совершенно недвусмысленно, а вы отпустили меня...

— Для того, чтобы утром отдать в руки гестаповцев.

— Вы заговорили по-русски!

— Гашке родился и вырос в России...— Пронин хитро прищурился.— А вот тем, что вы поняли русский язык, вы сразу обнаружили, что вы не тот, за кого себя выдаете.

— Но как вы узнали, что я Макаров?

— Не сразу, конечно...— Пронин улыбнулся.— Я интересовался всеми привилегированными больными, находившимися в госпитале, и вы не могли не привлечь моего внимания. Кроме того, повторяю, вы вели себя слишком эмоционально. Блейк по тем или иным соображениям мог убить Гашке, поводы для убийства бывают самые разнообразные, так что ваше намерение не могло вызвать особых подозрений, но то, что вы так хорошо

отреагировали на мою русскую речь, выдало вас и вызвало с моей стороны по отношению к вам чувство симпатии. Я взял вас на заметку. Выйдя из госпиталя, я поручил кое-кому навести о господине Берзине справки...

— И узнали, что Берзинь — на самом деле Макаров?

— Да,— сказал Пронин.— Я уже говорил вам, что в последние годы занимался делами, связанными с Прибалтикой. Некоторые обстоятельства вашей гибели внушали кое-какие подозрения. Ими следовало заинтересоваться. Конечно, я не предполагал, что вы живы. Но многому помешала война. В начале июля немцы оккупировали Ригу. Все дела отодвинулись на задний план, а многие канули в небытие. Однако моя поездка в Ригу не отпала, хотя поехал я уже сюда по другим делам. И вот когда у меня возникло сомнение в том, что вы Берзинь, я начал думать, кто же вы в действительности. Ваша фотография имелась в деле, а память у меня, надо сказать, профессиональная. При виде вас у меня появилось ощущение, что я где-то вас видел.

Пронин посмотрел на меня с удивительным дружелюбием.

— Я не знал обстоятельств, сопровождавших ваше появление под именем Берзиня,— продолжал он.— Можно было подумать самое худшее, но о вас навели справки в Москве и здесь, в Риге. Вели вы себя не так, как обычно ведут себя изменники. Я кое с кем посоветовался, и было решено с вами связаться...

За все время своего одиночества я был так уверен в себе, что не мог даже подумать, что обо мне может где-то создаться превратное представление. Только сейчас, после слов Пронина, я уяснил себе трагизм положения, в котором очутился. Недаром Янковская так упорно утверждала, что у меня нет обратного пути.

— Знаете, пожалуй, только сейчас я ощутил всю двусмысленность своего положения,— с горечью признался я скорее самому себе, чем своему собеседнику.— Не так уж трудно было счесть меня перебежчиком...

— К счастью, вы не дали к этому повода,— согласился Пронин.— Трагические ошибки возможны, но прежде, чем сказать о человеке, что он отрезанный ломоть, к нему надо семь раз примериться, и, как видите, проверка показала, что мы не ошиблись.

Много добрых мыслей мелькнуло у меня в этот момент в отношении самого Пронина, но изливаться в чувствах было не время и не место, да и вообще что могли значить слова в той обстановке, в которой мы находились, важно было делом оправдать оказанное мне доверие.

Поэтому вместо того, чтобы заниматься сентиментальной болтовней, я коротко сказал:

— Слушаю вас, товарищ Пронин, приказывайте.

— Мне кажется, главное уже сказано. Ваша задача — выявить агентурную сеть секретной службы, созданную в Прибалтике Блейком. Другого дела у вас нет. Это не так просто, но вы в силу сложившихся обстоятельств имеете наилучшие возможности для решения этой задачи. Используйте Янковскую, вытрясите из нее все, что возможно, но будьте с ней очень осторожны: если она заметит, что из вашего перевоспитания ничего не получается, вторично она уже не промахнется. Заигрывайте с немцами, пока у них не прошло головокружение от успехов, но их тоже не следует недооценивать. Фашистская исступленность огрубляет методы их работы, но не забывайте, что немецкая государственная машина, на которую опираются нацисты, всегда работала неплохо, а разведка стояла на большой высоте. Они вербуют вас, понимая, что у разведчика, пойманного с поличным, нет другого способа сохранить себе жизнь, как перевербоваться. Этим следует воспользоваться. Черт с ними, соглашайтесь стать их сотрудником — репутация английских разведчиков не наша забота! В конце концов они простят вам некоторую пассивность, немцам выгоднее иметь в Риге демаскированного шпиона, нежели идти на риск получить другого, неизвестного им резидента. Можно ведь не сомневаться, что в случае ареста Блейка Интеллидженс сервис направит когонибудь в Прибалтику...

Пронин говорил со мной так спокойно, точно речь шла о самом повседневном поручении, какое он мог бы дать своему сотруднику у себя дома в доброе мирное время, и хотя он неоднократно подчеркивал необходимость соблюдать крайнюю осторожность, его деловой и уверенный тон действовал на меня так, что я думал не столько об опасности поручения, сколько о необходимости выполнить его во что бы то ни стало.

Позже, когда я познакомился с Иваном Николаевичем гораздо ближе, я понял, что таким Пронин оставался всегда: он меньше всего думал о себе, весь отдавался делу и своим отношением к нему как-то очень хорошо умел заражать всех своих сотрудников.

— А теперь два слова о связи,— заключил Пронин.— Кажется, всех нас осенила одна и та же идея. Она возникла у Железнова, встретила ответный отклик у вас и нашла мое одобрение. Это идея устроить Железнова в качестве вашего шофера...

Пронин не мог не заметить моего оживления, хотя я и старался быть очень сдержанным,— уж очень было приятно сознавать, что возле меня будет находиться верный товарищ, свой, близкий, родной человек.

— Это, конечно, сопряжено со значительным риском и для него и для вас, но уж очень большие перспективы для его действий открывает положение вашего шофера,— объяснил Пронин.— Дело в том, что одна из функций Железнова — связь с латышскими партизанами, а шоферу Блейка, как вы понимаете, необходимо бывать в самых различных местах. Поэтому мы пойдем на такой риск. К вам явится сын небогатого русского фабриканта, бежавшего после Октябрьской революции из Ленинграда в Эстонию. Типичный представитель второго поколения русских эмигрантов, обнищавший неудачник, пробирающийся на Запад, подальше от большевиков. Документы у него будут в порядке. Виктор Петрович Чарушин. Он явится к вам, и вы наймете его. Будет неплохо, если его заподозрят в том, что он англичанин: Железнов говорит по-английски безукоризненно. Пусть предполагают, что он тоже агент английской секретной службы. Этим, кстати, будет объясняться и ваше расположение к нему. Ну, а в случае, если каким-нибудь образом Железнов провалится, вы сделаете большие глаза. Не вздумайте в таком случае открыто взять его под защиту, наоборот, чтобы не провалить себя, сразу же проявите беспокойство — не подослан ли он к вам; заботу о Железнове возьмут на себя другие. Покуда Железнов будет возле вас, связь с вами поддерживается через него. А в крайнем случае, если что случится, то же место и тот же пароль. С хозяином лавки о делах ни слова. Вы как-то встретились у него с господином Гашке, и тот обещал достать вам какие-то пикантные французские книжки...

Пронин протянул мне руку, и мы обменялись рукопожатием, которое было многозначительнее и красноречивее всяких слов.

— Все,— сказал он.— Желаю успеха. Поезжайте. Оберу Гашке тоже пора в город.

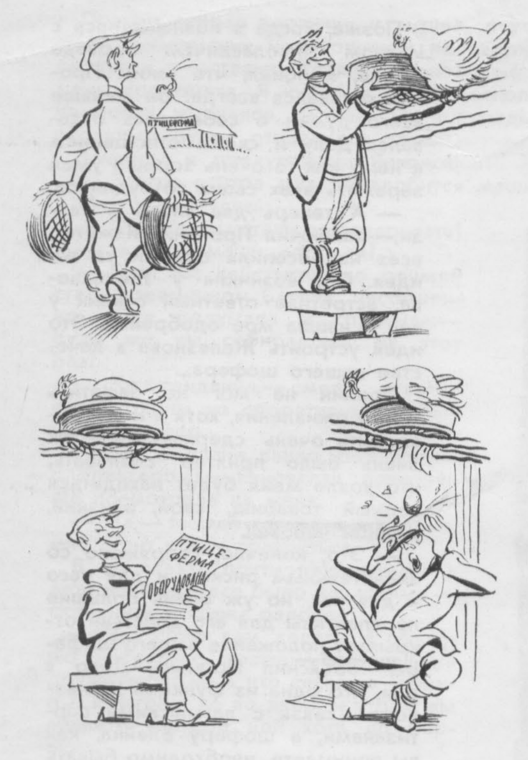
Мы еще раз пожали друг другу руки, я сел в машину, и как только отъехал, девушка тотчас направилась к Пронину.

Я кивнул ей, проезжая мимо, но она мне не ответила.

Когда я подъехал к дому, я увидел в воротах Марту, и не успел я вылезти из машины, как она подошла ко мне.

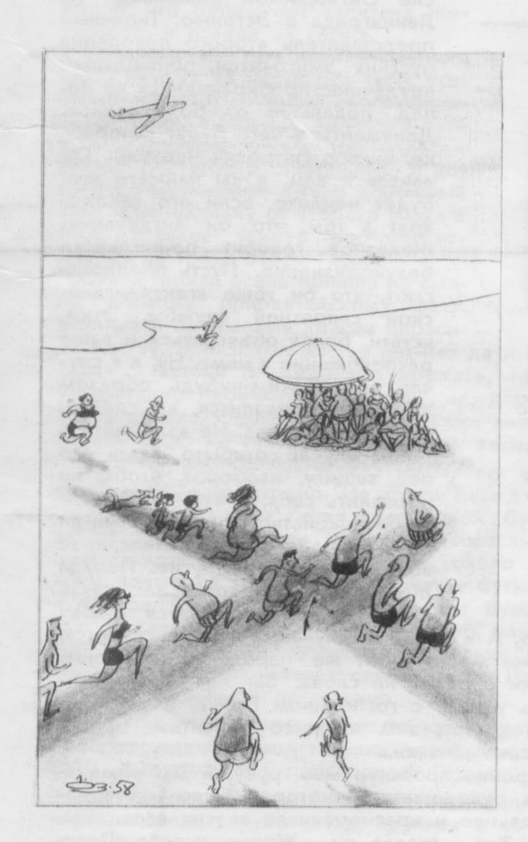
— Господин Берзинь,— торопливо сказала она,— уезжайте отсюда поскорее. Вскоре после того, как вы уехали, к нам явилось двое эсэсовцев. Они спросили вас. Я сказала, что вы вернетесь нескоро. Они ответили, что будут вас ждать, и сидят сейчас в гостиной. Уезжайте, прошу вас, пока не поздно. Я думаю, они пришли за вами.

Продолжение следует.

КУРИЦА ЯИЦОМ УЧИТ.

Изошутка Л. и Ю. Черепановых.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ НА ПЛЯЖЕ.

Изошутка Г. Пирцхалавы.

На вкладках этого номера: восемь страниц цветных фотографий.

Случай в вагоне

Сидят пассажиры в вагоне одном.
Широкие дали плывут за окном.
— А вот остановка,— матросик сказал,—
Я выйду к супруге своей на вокзал.

В купе разговоры соседи ведут:
— На практике, видно, жена его тут.
Красавица — ясно, он парень хорош.
Водой их, наверное, не разольешь...

И снова все вместе в вагоне одном
Глядят, как просторы бегут за окном.
— Опять остановка,— матросик сказал,—
Я выйду к жене поскорей на вокзал...

Но лишь он вернулся, как тут же опять
Вновь стал остановки другой дожидать.
Стоянки в пути не проспал ни одной,
На каждой спешил повидаться с женой.

И все возмутились: — А ну-ка, матрос,
Ответь нам по-честному ты на вопрос:
Зачем ты имеешь так много подруг?
Ты формы своей постыдился бы, друг!

Смущенно ответил он:
— Я не речист.
Супруга моя — машинист.

Алла КИРИЛЛОВА

Дом в Ульяновске

На родине И. А. Гончарова, в городе Ульяновске, стоит необычный памятник русскому писателю: двухэтажный дом. Мраморная доска гласит, что здание построено в память писателя Гончарова на деньги, собранные по всероссийской подписке.

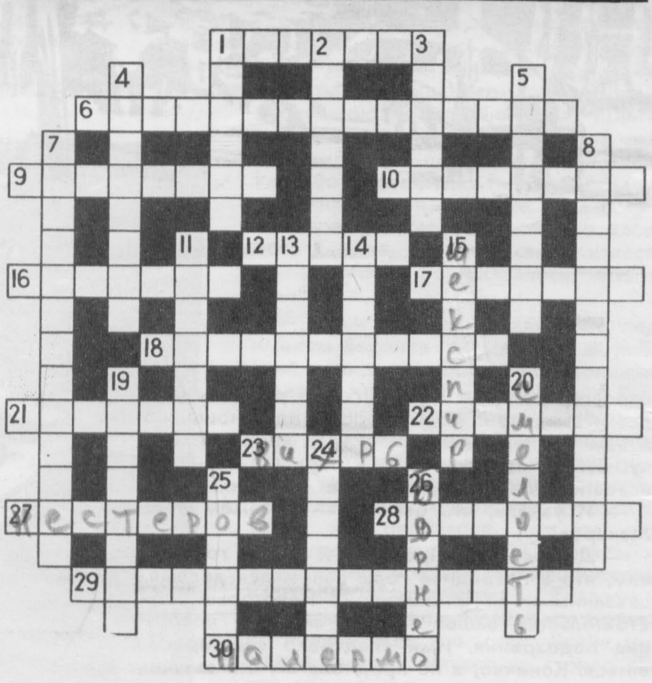
В начале девятисотых годов передовая общественность Симбирска выразила желание соорудить памятник Гончарову. С этим предложением местная губернская ученая архивная комиссия обратилась к правительству. Только спустя десять лет, в 1910 году, после вторичного обращения симбирцев, правительство разрешило провести сбор добровольных пожертвований.

В день столетия со дня рождения Гончарова, 6 июня 1912 года, состоялась закладка здания, на которой присутствовали родственники и друзья Гончарова, члены комиссии, жители города. Распорядителем по постройке был назначен И. Я. Яковлев, просветитель чувашского народа, друг Ильи Николаевича Ульянова, отца В. И. Ленина. Сумма поступлений превысила сто тысяч рублей, однако она была недостаточна, и проект пришлось упростить. Окончание строительства совпало с начавшейся империалистической войной.

Сейчас в доме-памятнике помещаются Ульяновский областной краеведческий музей имени И. А. Гончарова с комнатой писателя и областной художественный музей.

А. РЫСКИН

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Гриб. 6. Стихотворение В. Маяковского. 9. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 10. Печь для переплавки чугуна. 12. Страна в Азии. 16. Высочайшая горная система. 17. Разменная монета в ряде стран. 18. Воспроизведение изображения. 21. Представительница основного населения автономной республики. 22. Рядовой артиллерии в дореволюционной армии. 23. Внезапный порыв ветра. 27. Основоположник высшего пилотажа. 28. Несущая балка в конструкции самолета. 29. Равноценность. 30. Город в Италии.

По вертикали:

1. Кристаллическая горная порода. 2. Средняя высота воды в реках. 3. Дерево из семейства буковых. 4. Вязаная ткань. 5. Спортивное соревнование. 7. Русский мореплаватель. 8. Музыкант. 11. Краткое сообщение в печати. 13. Специальность ученого. 14. Польский танец. 15. Автор комедии «Школа злословия». 19. Раздел физики, химии. 20. Мужество, отвага. 24. Травянистое душистое растение. 25. Парусное судно. 26. Остров в Индонезии.

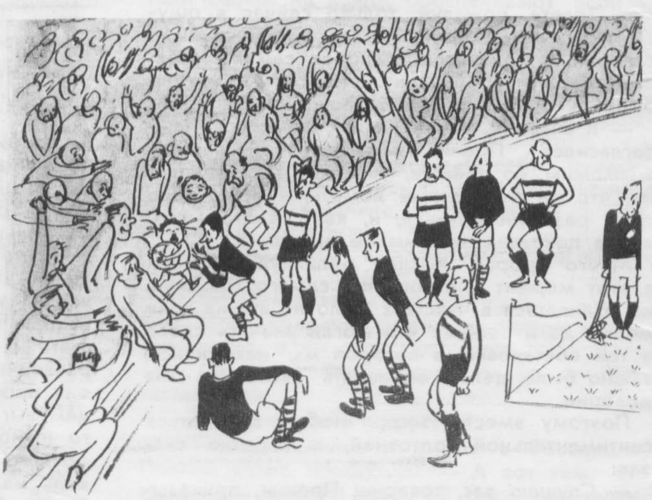
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

7. «Колокол». 8. Гвардия. 9. Горельеф. 11. Хрусталь. 12. Ганна. 13. Алиев. 14. «Фронт». 17. Комментарий. 18. Местоимение. 22. Зебра. 23. Пихта. 24. Тимор. 27. Монумент. 28. Ярошенко. 29. Долохов. 30. Престиж.

По вертикали:

1. Потомак. 2. Коперник. 3. Копьё. 4. Овлур. 5. Критерий. 6. Шиллинг. 10. Фельетонист. 11. Хрестоматия. 15. Смесь. 16. Франс. 18. Меркуров. 19. Енисейск. 20. Сенокос. 21. «Москвич». 25. «Демон». 26. Гогра

ОТОБРАЛ МЯЧ.

Изошутка Г. Пирцхалавы.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03534. Подписано к печати 25/VI 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 636. Заказ № 1384.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Е. А. Грибов. ВРЕДНЫЕ ДЕВЧОНКИ.

Б. И. Пророков. АБСТРАКТНЫЕ КЛИКУШИ.

Графика на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября.

Цена номера 3 руб.